

„ВЕСНА“

СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто молодымъ литературнымъ исканіямъ и вообще **молодежи.**

Ни одна рукопись, адресованная въ редакцію, **не остается безъ отвѣта въ почтовомъ ящикѣ „ВЕСНЫ“.**

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только о новыхъ присланныхъ въ редакцію книгахъ, но и о журналахъ и нотахъ.

Съ первымъ номеромъ **„ВЕСНЫ“** годовые подписчики получатъ первую безплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать стихи“ („Версификація“).

Второй безплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ

альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получатъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или „Благодушныя и назидательныя похожденія въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб., на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. Телефонъ 655—96.

Такса объявленій: за строку нонпарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитріева.

Типографія М. Г. Корнфельда, Бассейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ:
С.-Петербургъ, Садовая, 75.

КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

органъ независимыхъ писателей и художниковъ

подъ редакціей

Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к.

№ 4.

СПБ.
1914

Отдѣленіе Конторы- книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

Книжный магазинъ и книгоиздательство

бывш. М. В. ПОПОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:
„Повѣсть читается съ неослабѣвающимъ интересомъ"
«Русское Богатство».
„Литературныя достоинства и дарованія ея автора—
«Нов. Журн. для Всѣхъ».
безспорны".
„Изъ произведеній, появившихся съ начала года от-
дѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли
и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ
«Саратовскія Вѣсти».
Сафьянѣ"...
„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о
«Биржев. Вѣдом.».
Савватіи заговорятъ".

МИХАИЛЪ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана,

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

...Поэтъ милостью Божіей г. Алексѣй Липецкій обла-
даетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей по-
вседневной жизни создавать прекрасные образы. На
каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы,
созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ солнеч-
номъ свѣтѣ. И если не всѣмъ этимъ строфамъ нельзя
отказать въ поэзіи, то вы всегда найдете въ каждой
изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задушевное,
остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.
«Кіев. Мысль» 4 іюня 1913 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

овѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арнштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.
„Если сравнить романъ Миртова съ рукодѣльемъ
Вербицкой, съ произведеніемъ Григорьева „На ущербѣ",
съ „Гнѣвомъ Діониса" Нагродской, то серьезность,
глубина и талантливость автора сразу бросятся въ
«Современникъ» 1913—9.
глаза".

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. **Цѣна 1 руб.**

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ муж-
чины сорока лѣтъ" затрагиваетъ тотъ періодъ жизни,
когда увядаетъ непосредственность и страстность,
но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій,
достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія.
Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ.
Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лиричес-
кую мягкость Я. Вассермана".
«Русская Молва».

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе разсказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ.

ЭМАЛИ и КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя:

1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.

2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библіотекъ.

3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.

4) Періодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія, библіотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.

5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.

Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библіотеки и др. просвѣтительныя учрежденія пользуются скидкой.

Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.

Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ сред-
Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя мар

Рисунокъ Н. Н. Крауге, получившій премію на второмъ конкурсѣ „Весны“.



Содержаніе предыдущихъ №№-овъ „ВЕСНЫ“

КНИГА СТИХОВ



Л. Никулинъ.

1. ВСТРѢЧА.

Вчера я былъ случайно встрѣченъ.
Улыбка странно холодна
И мой поклонъ едва замѣченъ,
И вновь вы были не одна...
Вы не одна... Вы были съ мужемъ...
Итакъ: „У насъ одинъ завѣтъ
И мы одной идеѣ служимъ“...
Я отошелъ... Былого—нѣтъ...
О, если вамъ, какъ женамъ Спарты
Не страшны вешнія костры,
Я вамъ раскрою смѣло карты
Давно разыгранной игры...
Не вѣрьте каждому запястью,—
Стеклу поддѣльный пламень данъ
И то, что мы назвали страстью,
Былъ увлекательный обманъ.
О, если я напомню встрѣчи,
Когда я страсти не искалъ...
И былъ разсвѣтъ... Его предтечи
Роняли золото у скалъ...
О, если я напомню ночи,
Когда мы, ласки не храня,
Не знали, что любовь короче,
Короче сѣвернаго дня...
Я такъ запомнилъ профиль строгій,
Разсвѣтъ, улыбки и заливъ,
Цвѣты, измятые въ тревогѣ,
И шали шелковый извивъ...
Въ какомъ изысканномъ узорѣ
Сплелись лиловые шелка,
И были въ небѣ алы зори
И алы въ морѣ облака...
Теперь я все зобыть посмѣю,—
Цвѣтокъ раздавленъ подъ ногой...
Я все забылъ... Какъ ту камею,
Что въ Римѣ видѣлъ на другой.

2. ВЕСНА ЗАПОЗДАЛАЯ.

Морозный вечеръ въ позднемъ мартѣ,
Морозный воздухъ, какъ вино
И какъ сердца въ игральной картѣ
Листы увядшіе давно..
Но кленъ обманутъ небомъ синимъ,
И грезитъ отходя ко сну:
„Что, если мы преграды минемъ
Повѣря въ близкую весну...
Пусть это смѣло, вы сказали
Но въ небо выбросимъ листки,
Я вѣрю, солнцу приказали
Сломить хрустальные мостки.
Я вѣрю въ вешніе побѣги,
Въ его горячіе уста,
И только трусъ увидитъ въ снѣгѣ
Зловѣщій саванъ для листа“...
Морозный вѣтеръ въ каждой лужѣ
Построилъ новые мостки
И блекнетъ листъ отъ острой стужи
И вянутъ мертвыя ростки...
Морозный снѣгъ роняетъ искры
И леденитъ весенній сокъ...
. . . .
А гдѣ то есть... оазисъ Бискра
И зной, и солнце, и песокъ!

Любовь Матвѣевская.

1. ПѢСНИ ВОСТОКА.

Посвящается В. С. С.

Наполните кубки огнистымъ фалерномъ,
Весь западъ пылаетъ въ багрянцѣ.
Предъ нами въ движеньи красивомъ и мѣрномъ
Рабыни закружатся въ танцѣ.
Зажгите свѣтильники! Свѣжія травы
Разсыпьте на плитахъ узорныхъ!
Я выпила сладкую влагу отравы
Изъ глазъ его пламенно-черныхъ...
Лесбійскіе танцы играйте, флейтисты!
Въ вѣнкѣ моемъ вянутъ фіалки...
И ночь, погасивъ въ небесахъ аметисты,
Вздохнула печальнѣй весталки.
Мнѣ тѣло обвили узорные шарфы,
Надушена грудь кинамономъ.

О, пойте безумье, сирійскія арфы,
Я ринулась въ пляску со стономъ.
Приди! Обожгутъ, обезсилятъ восторги
Всю душу твою, смуглолицый!
Я буду царицей ликующихъ оргій,
Причудливой, яркой зарницей.
Звенятъ ожерелья изъ алыхъ рубиновъ,
Прекраснѣй меня нѣтъ гетеры!
И жду я, въ томленіи руки раскинувъ,
На шкурѣ пушистой пантеры...
Ты жрецъ Артемиды! Но чары богини
Разрушу я силой заклятья...
Уста мои—нѣга сожженной пустыни
И ужасъ манящій—объятья.

2. СЕГЕДИЛЬЯ.

Трепетала въ вихрѣ знойномъ сегедилья
Мукою безкрайной, музыкой рыданья.
И дрожали въ сердцѣ огненныя крылья,
Огненныя крылья тайнаго страданья!
И въ слезахъ смѣялись дико кастаньеты,
Брызжущимъ каскадомъ въ музыку врываясь.
Знойно пѣли скрипки, страстію согрѣты,
Съ нѣгой южной ночи сладостно сливаясь.
Облакомъ капризнымъ кружево взлетѣло,
На груди вздохнули пламенныя розы
И въ изгибѣ страстномъ трепетало тѣло.
На рѣсницахъ темныхъ засіяли слезы.
Раненой тигрицей въ упоеньи танца
Разметала косы смуглая гитана!
Вспыхнуло и сгасло зарево румянца
И звенѣли скрипки жалобой фонтана.
Трепетали въ сердцѣ огненныя крылья
И сіяли скорбно пламенныя очи...
И рыдала въ мукѣ страстной сегедилья,
Радостно сливаясь съ нѣгой южной ночи.

3. РОЗЫ ИСПАГАНИ.

Подражаніе Leconte de Lisle.

Пурпурныя розы задовъ Испагани
Блѣднѣй твоего молодого румянца,
Глаза твои—очи испуганной лани.
Жасмины Моссуля, цвѣты померанца
Не такъ благовонны, не такъ ароматны,
Какъ легкіе вздохи твои, о, Зарема!
Твой смѣхъ серебристый, какъ ропотъ невнятный,
Фонтановъ, звенящихъ въ молчаньи гарема.
Но розъ Испагани пурпурныя краски,
Жасмины Моссуля и жемчугъ фонтана
Не такъ мимолетны, какъ знойныя ласки
Твои, о, Зарема, о, роза Ирана!
И страстно я плачу тоскующей пѣсней
Надъ сердцемъ жемчужины гордой гарема...
Въ садахъ Испагани нѣтъ розы прелестнѣй
Тебя, о, цвѣтокъ мой, тебя, о, Зарема!

4.

Погребальная месса угасшему дню
Отзвучала въ сіяньи закатныхъ лучей...
Я весеннее счастье свое схороню
Въ саркофагахъ осеннихъ ночей!
И узорною тканью безумной мечты
Обовью я суровый гранитъ.
Пусть обвѣяна грустью святой красоты
Моя греза весенняя спитъ.
Пусть она не томитъ, не терзаетъ меня,
Упоенья безкрайнаго дочь...
Я сгорѣла въ кровавомъ безумьи огня,
Я твоя, о, осенняя ночь!

Юрій Анненковъ.

1.

Ей.

О, зачѣмъ я не вѣрю, что ты вѣрна?
О, зачѣмъ я не вѣрю нѣжности взгляда?
О, зачѣмъ я не вѣрю, что въ бокалъ вина
Ты не капнула яда?
Зачѣмъ?
Раскололась моя душа,
Знойными ранами сердце покрылось...
О, моя любимая, въ этотъ часъ ты хороша,
Но почему, почему ты смутилась?
Я не вѣрю твоимъ напудреннымъ плечамъ,
Я не вѣрю твоей одеждѣ...
Разскажи, можетъ быть по ночамъ
Ты меня не любила и прежде?
Неужели-же прежде!..

2. ПѢСЕНКА.

Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали—Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣе сна,
Свѣтила ей, свѣтила блѣдная луна.
Встрѣтила подъ вечеръ на празничномъ пути
Яростныя брызги, брызги конфетти...
Подъ беретомъ локоны были такъ черны—
Ахъ! Она не помнитъ своей вины!
Тоненькія стрѣлочки, бѣлый циферблатъ
Каждый вечеръ звали въ Люксембургскій садъ.
Тамъ, гдѣ за рѣшеткою теменъ Оденъ,
Поджидала радостно—не пройдетъ-ли онъ?..
Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали - Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣе сна,
Свѣтила ей, свѣтила печальная луна...
Третья пара туфелекъ, пятая вуаль—
О, когда, когда-же прояснится даль?..
Въ воскресенье вечеромъ, въ сутолкѣ каретъ,
Промелькнулъ знакомый, бархатный беретъ.
О, не смѣйся небо радужной дугой!
О, замолкни сердце!—онъ прошелъ съ другой!
Тоненькія стрѣлочки не бѣгутъ назадъ,—
Дѣвушка покинула Люксембургскій садъ...
Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали—Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣе сна..
Не увидитъ дѣвушку новая весна.

3. SAINTE BARBE.

На желтой скалѣ, надъ самымъ моремъ,
Въ далекія времена поставили храмъ.
Всѣ надежды міра съ горемъ
Въ свѣтлый праздникъ сочетались тамъ.
Моряки окрестныхъ селеній,
Съ острымъ взглядомъ и бритыми усами,
Проѣзжая мимо, склоняютъ колѣни
На борту подъ парусами...
Блѣдный всегда и всегда влюбленный
Въ чистую дѣвушку. невѣсту мою—
У зеленой стѣны, луной опаленной,
На послѣдней ступени я стою.
Теплый вѣтерокъ метнулся съ предмѣстій,
Приласкалъ тяжелые засовы
И черезъ щель шепнулъ моей невѣстѣ,
Что придетъ къ ней снова...

Ея глаза мерцаютъ матомъ сердолика,
Ей тонкій торсъ вѣнчаетъ изумрудъ...
Но передъ радостью чернѣющаго лика
Слова моей любви умрутъ.
И моряка окрестныхъ селеній,
Съ острымъ взглядомъ и бритыми усами,
Унесутъ меня по зеленой пѣнѣ
На легкомъ бригѣ подъ парусами.

4. МОЛИТВА.

Ей.

Всѣхъ скорбящихъ Пречистая Матерь,
Вся темная, вся черная, въ тишинѣ паутинной, сладкой,
Въ углу, передъ красной лампадкой, –
Заступница наша.
Пошли радость благодати Святой на землю.
Я слезамъ твоимъ безгр!шнымъ кротко внемлю...
Сѣрый вечеръ сталъ, недвиженъ, во весь ростъ
И незримою рукою осѣнилъ погостъ.
Далеко за косогоръ ушла ограда...
О! Мнѣ страшно! Мнѣ не надо!
Спаси и помилуй, наша Заступница!
Успокой безумную душу.
Я Твою скорбь ничѣмъ не нарушу.
Дай взглянуть въ Твои Святыя очи!
Я боюсь этой ночи! Я боюсь каждой ночи!..
Вся темная, вся черная, въ тишинѣ паутинной, сладкой,
Въ углу, передъ красной лампадкой—
Всѣхъ скорбящихъ Пречистая Матерь,
Заступница наша.
Спаси и помилуй!..
Не уйти до утра отъ окна мнѣ,—
Чья-то тѣнь на бѣломъ, лунномъ камнѣ.

5.

Въ Люксембургскомъ саду коричневатая зелень;
Подъ навѣсомъ сидятъ музыканты
Въ форменныхъ фуражкахъ
И играютъ мелодію Дебюсси—
„Милый, мнѣ фіалокъ принеси".
По дорожкамъ бѣгаютъ за обручами дѣвочки,
Нарядныя и радостныя..
Я сижу на скамейкѣ,
Курю папиросу
И не о чемъ не думаю
И ни о комъ не вспоминаю,
Кромѣ моей маленькой Габріэль.
Она живетъ теперь съ какимъ-то petit jeun homm'омъ,
Говорятъ, что очень подурнѣла,
И костюмчикъ у нея поистрепался...
— Милыя дѣвочки,
Правда, вамъ всего 14, а ей 16,
Но если-бы вы знали,
Что она такая-же, какъ вы!..
...Коричневатая, густая зелень,
Мелодія Дебюсси—
„Милый, мнѣ фіалокъ принеси",
Дѣтскіе кораблики въ бассейнѣ подъ фонтаномъ
И легкая печаль по Габріэль.

6.

Ей.

О прежней любви—ни полъ-слова!
Будемъ говорить о погодѣ.
Развѣ нужно томиться снова?..
Я потребовалъ виски въ содѣ...
Ты меня разлюбила. Посмотри, какъ закатомъ
Ужалены осенніе листья;
Посмотри у старухи на ситцѣ помятомъ
Дрожатъ зеленыя кисти...
Намъ подали виски въ содѣ...
Ты теперь цѣлуешь другого!
Говори-же, говори о погодѣ,
Но о прежней любви—ни полъ-слова!!.

7. РОМАНЪ.

Я съ Вами бродилъ на пляжѣ искристомъ,
Разгоняя дачную скуку.
Вы шутя называли меня футуристомъ,
Я, прощаясь, цѣловалъ Вашу руку...
Коричневой ласкою Вашихъ взглядовъ
Бывали комнаты согрѣты,
И, передъ тайною полуночныхъ обрядовъ,
Я у піанино пѣлъ французскіе куплеты...
Но выпалъ снѣгъ, и я Вамъ сталъ ненуженъ,—
По первопутку Васъ умчали сани..
Ахъ! Мнѣ такъ недоступенъ ужинъ
Въ первоклассномъ ресторанѣ!

. . . .

Теперь апрѣль... О, я простилъ разлуку!
Я Вамъ пишу о томъ, что скоро лѣто,
И я, быть-можетъ, поцѣлую Вашу руку
И стану пѣть французскіе куплеты...

Василій Пахомовъ.

1. ПЕРЕУЛОКЪ.

Жутко въ темномъ переулкѣ.
Тишиной завороженъ
До меня донесся гулкій,
Полуночный, острый стонъ.
Кто ты бѣдный, утомленный,
Не дошедшій до звѣзды?
Кто ты новый, окрыленный
Чернымъ призракомъ бѣды?
Кто ты—странникъ одинокій,
Другъ забытый или воръ,
Помечтавшій о Востокѣ,
А попавшій въ Черный Боръ?!.
...Темь ночная страхомъ дышетъ...
Муть ночная замерла...
Кто-то плачетъ кто-то слышитъ,
Чьимъ-то думамъ нѣтъ числа...

2. ОТДОХНУТЬ.

Дай забыться уму,
Отдохнуть...
Можетъ быть я тебя и пойму
И утѣшить смогу, какъ нибудь...
Можетъ быть, я тебя и пойму—
Успокою тревожную грудь—
Только дай мнѣ слезу—эту грустную гостью печали—смигнуть,
Только дай позабыться всему...
О, тогда можно крѣпко уснуть:
Можно крѣпко уснуть вѣчнымъ сномъ одному...

3. ТИШЕ.

Думы меня одолѣли.
Думамъ моимъ нѣтъ конца...

Грустны понурыя ели—
Снѣгъ—словно слитки свинца...
Тише... Я буду молиться,
Буду молиться одна...
Можетъ быть—снова приснится
Мнѣ Золотая Весна...

4. ПРИБОЙ.

Стою я надъ моремъ. Внизу подо мною,
Гдѣ раньше свѣтлѣло каймой голубой
Жемчужное море, отдавшись покою
Вспѣненныя волны рождаетъ прибой.
Приходитъ, уходитъ волна за волною..
Какъ мысли, мятеженъ горячій прибой,
Затѣявшій бой съ голубой тишиною,
Готовый сразиться съ самою судьбой...
Отъ радостныхъ взоровъ укрывъ пеленою
Лучистое солнце,—волна за волною
Какъ полчище грозно, темнѣя, встаетъ,
И въ берегъ гранитный, гдѣ ели да сосны,
Гдѣ гибли мгновенья, желаньи и весны
Прибой многозвучный безъ устали бьетъ...

5. ГРОЗА.

Потемнѣли надъ волнами
Предъ грозою небеса.
Закачались съ облаками
Легколистные лѣса.
Пробѣжалъ садами вѣтеръ,
Затерялся на поляхъ...
День-ни день, темно—какъ вечеръ
На землѣ и въ небесахъ.
Туча черная всплываетъ
И уносится туда,
Гдѣ, алѣя, истекаетъ
Золотистая руда...
Грянулъ громъ подъ облаками,
Задымились небеса
И запѣли подъ вѣтрами
Многошумные лѣса...

6. ВЪ СВѢТѢ.

Кровавое солнце кусты золотило...
Въ саду надъ цвѣтами жужжала пчела..
И было мнѣ весело, радостно было:
Душа переполнена свѣтомъ была.
Казалось: иду къ недалекому раю
И зналъ я, что встрѣчу и зналъ, что узнаю...
Я, радостный шелъ золотыми полями
И связь укрѣплялась моя съ небесами...
Тревогой веселой дурманились думы:
Мнѣ пѣли о волѣ весенніе шумы...
Казалось—доступны душѣ небеса,
Казалось—отъ счастья сверкала роса...
Такъ шелъ я, свободный къ невѣдомой цѣли,
Гдѣ рощи, и дали, и сны голубѣли...
Полдневное солнце кусты золотило,
Въ саду надъ цвѣтами жужжала пчела..
И было мнѣ весело, радостно было:
Душа переполнена свѣтомъ была...

7. ВЪ ТОТЪ ВЕЧЕРЪ.

Въ тотъ вечеръ дождь стучалъ сердито
По рамѣ звонкаго окна.
И нѣжной тайною повита
Въ углахъ дремала тишина.
Бѣжало время. Никли тѣни.
Молчанье длилось безъ конца...
Желанья были безъ сомнѣній
И мысли были безъ лица...
Казалось, что то будетъ дивно
И—совершится—мигъ придетъ,
И вновь погибнетъ безотзывно,
Вновь въ безотвѣтности замретъ...
Казалось—словъ не надо больше:
Такъ все понятно въ простотѣ.
И мысль была, мелькнувшей тоньше
И грезы—равными мечтѣ.
Слова забылись, какъ былое—
О нихъ не вспомнила душа,
Когда съ мизинца золотое
Кольцо сняла ты неспѣша.
Слеза сверкнула... Поблѣднѣла,
И зарыдала: „позабудь"...
Я уходилъ—не посмотрѣла,
А сердце слышало—„Побудь"...

8. ПРОСТОРЪ.

Надъ лѣсомъ небо голубое.
Надъ небомъ—тайна безъ границъ.
Предъ свѣжимъ утреннимъ покоемъ
Люблю горѣніе зарницъ.
Люблю уйти въ поля, гдѣ росы
Живыя искрятся, какъ сны,
Гдѣ уплываютъ за покосы
Холсты разсвѣтной бѣлизны...
Иду въ просторъ, гдѣ нѣтъ границы,
Гдѣ нѣтъ начала и дорогъ,
Гдѣ златокудрыя зарницы
Вѣщаютъ міру—„Въ мірѣ Богъ!"

9. ВОДЯНОЙ.

Тишь весенняя надъ заводью.
Челноки вдали мерещатся.
Мысль грѣховная, усталая
Словно рыбка, бьется—плещется.
Эхъ, ты горе несуразное,
Утоплю тебя за мельницей!
Распрощусь на вѣки-вѣчные
Съ злой тоской неру кодѣльницей!..
Выйду къ рѣчкѣ. Тишь аукнется.
Тишь задушитъ—не спротивишься!
Водяной всплыветъ корягою:
„Что-молъ, хлопъ, незапрокинешься?
Глянь сюда. здѣсь вязье алое,
Нѣжно-гусельны бубенчики,
Слышь—зовутъ, иди-ка молодецъ
Собирать златые вѣнчики.
Вишь ихъ сколько ярко свѣтится
Съ переливами алмазными,
Что ни искра, то желанное
Счастье съ радостями разными!..
Глянь угрюмый, стыдъ то по боку,
Вѣдь не дѣвка кумачевая—
Полинять боишься съ ясности
Повечерья бирюзоваго!..
Не скорби, тоска излишняя,
Позабудь о ней—излѣчишься.
Отъ нея, какъ въ годы юности,
Только сердцемъ искалѣчишься.
Полно думать думы черныя,
Посвѣтлѣй душой болѣзною,
Жизнь далась тебѣ тяжелая—
Жду:—разстанься съ ней желѣзною!..

Будетъ ладно. Будетъ сладостно.
Будетъ сердце сномъ овѣяно,
А печаль, а горе горькое
По волнамъ рѣчнымъ развѣяно..."

10. ВЕЧЕРЪ.

Небеса—голубы.
Надъ прудомъ—серебристыя ивы...
А кругомъ—молодые дубы
Молчаливы...
Тишина глубока.
И не слышно ни звука съ дороги...
Отразились въ водѣ облака,
Закачался въ ней мѣсяцъ двурогій...
Закачался въ ней мѣсяцъ двурогій,
Заискрились нагорнія свѣчи...
На поля, на холмы, на дороги
Опустился задумчивый вечеръ...

11. СВѢТЛАЯ РАДОСТЬ.

Свѣтлая радость усталой земли—
Бѣлыя чайки надъ моремъ купаются:
Словно снѣжинки бѣлѣютъ вдали,
Вскинутся къ небу—и вновь разсыпаются...
Свѣтлая радость ушла отъ земли:
Небо овѣяла ночь волокнистая...
Стынутъ на стражѣ ночной корабли...
Берегъ цѣлуетъ волна серебристая...
Свѣтлая радость ушла отъ земли,..

12. СЛѢПЦЫ.

(Изъ цикла «Землетрясеніе»).
Въ просвѣтѣ улицы, гдѣ дымы
Прозрачнѣй вьются по стѣнамъ,
Бредутъ слѣпцы неопалимы
Пропѣть молитвы въ дальній храмъ.
Въ одеждѣ порванной темнѣетъ
Нагое тѣло, словно мѣдь...
Надежда сердце ихъ лелеетъ:
Пропѣть псаломъ и умереть...
Они идутъ стопою тихой
И чертятъ въ воздухѣ круги;
Несется къ небу: „Свѣте тихій,
Святый Безсмертный, помоги!.."
Надъ ними плачетъ звонъ набата,
Хрипитъ толпа, звенитъ стекло...
Ихъ понесло... и безвозврата
Въ глухую бездну увлекло...

13. РАБЪ.

Усыпалъ ложе я цвѣтами
И мраморъ ступеней устлалъ
Съ утра тигровыми коврами
И за колонной ночи ждалъ.
Она пришла, а—съ нею страсти...
Зажглись подъ башнями огни...
—„Прости, что не покоренъ власти—
Дай развязать твои ремни!
Пусть обезглавленъ буду завтра
Въ разсвѣтѣ солнечнаго дня,—
Не медли гордо Клеопатра,
На эту ночь возьми меня!
Я, рабъ твой дерзкій, блѣднолицый,
Въ восторгѣ знойномъ платье рву,
Хоть знаю—съ первою зарницей
Мой будетъ трупъ бѣлѣть во рву!"...

Б. Калупинъ.

1.

Въ туманную осень ночною порою
Казалося страннымъ мнѣ смерти бояться...
На ложѣ измятомъ съ глубокой тоскою
Ее въ эту ночь какъ хотѣлъ я дождаться!
Покой отъ сомнѣній! Покой отъ страданій!
Покой отъ жестокаго рока капризовъ!
Предѣлъ неисполненныхъ жадныхъ желаній
И жизни послѣдній, хоть жалкій, но вызовъ...

2. ХУНХУЗЪ.

(Посв. Александру Виру).

Песчаная круча съ сосною высокой
Да въ полдень кумирни далекой миражъ
Да синее, синее небо Востока,
Великой китайской пустыни пейзажъ.
Порою забитый кочевникъ лѣниво
Везетъ на верблюдахъ подъ кручею грузъ.
На кручѣ глядитъ за сосною пугливо
Бѣжавшій отъ пріисковъ горныхъ хунхузъ.
Побѣда иль муки! Онъ цѣлится мѣтко
И крѣпко курокъ нажимаетъ рука...
Поймаютъ—посадятъ въ желѣзную клѣтку.
И въ спину удары вонзятъ бамбука...
И слушаютъ чутко тревожные уши
И въ даль напряженные смотрятъ глаза...
Дорога вдоль кручи все выше и глуше...
Онъ жаденъ, какъ коршунъ, пугливъ какъ коза.

3. БАЙКАЛЪ.

Нѣтъ! Мнѣ не забыть эти снѣжныя горы
И блескъ синевы средь серебряныхъ скалъ!
Тобою во вѣкъ не насытятся взоры
Могучій, холодный, прекрасный Байкалъ!..
Отъ Запада шли снѣгоносныя тучи,
Зарей по утру ихъ Востокъ побѣдилъ...
И горныя кряжи и горныя кручи
Серебрянымъ блескомъ снѣговъ освѣтилъ..

4.

Въ предутреннемъ мракѣ, въ ночной тишинѣ
Слетаются души людскія ко мнѣ.
И внемлю я снова съ глубокой тоской
Стенанью и плачу юдоли людской.
И людямъ опять я въ ночи говорю,
Что къ нимъ я, какъ прежде, любовью горю.
И люди опять мнѣ сквозь сонъ говорятъ,
Что я дорогой ихъ и преданный братъ.
Но утро разбудитъ лишь шумъ городской
И снова потерянъ въ толпѣ я людской.
Среди многошумнаго, труднаго дня
Изъ братьевъ никто не узнаетъ меня..,

5. ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

(По кинематографу).

Забыты и горе и муки,
Веселье куда ни глядишь..
И льетъ упоительно звуки
Плѣнительно юный матчишъ...
За столикомъ Гарри скучаетъ
И слышитъ какъ будто во снѣ,
Какъ шумъ вкругъ него не смолкаетъ
И жаждетъ забвенья въ винѣ.
А тамъ за окномъ, на панели,
Гдѣ улицы жуткая мгла,
Когда-то прекрасная Нелли
Цвѣты продавать понесла...
И вспомнила ночь она въ барѣ,—
Вотъ такъ же оркестръ грохоталъ,
Когда упоительный Гарри
Впервые ее цѣловалъ.
О, сколько и горя и муки
Принесъ для нея этотъ взоръ,
Пьянящія зыбкія руки
И выжженный прямо проборъ...
Какое блаженство наркоза
Властительный взоръ навѣвалъ!
И тихо посыпались розы...
И вздрогнулъ ликующій залъ...
И пиръ прекратился въ разгарѣ
И чей-то разбился бокалъ...
То Гарри, плѣнительный Гарри
Ее изъ окна увидалъ...

Сергѣй Шапошниковъ.

1. ПѢСЕНКА.

Шурину.

Къ маленькой зеленой вѣточкѣ,
Робко встрѣтившей апрѣль,
Подойду съ улыбкой дѣточки,
Принесу свою свирѣль.
Листъ за листикомъ раскроется,
Зелень съ солнца упадетъ.
Солнце выглянетъ и скроется,
Вѣтка къ вечеру заснетъ.
Утромъ съ радостью наивною
Будетъ къ свѣту жадно льнуть
И навѣетъ сказку дивную
О любви, о чемъ-нибудь.
Тихо, тихо съ лаской нѣжною
Вспомнитъ зимнюю печаль...
Я мечтой своей безбрежною
Улечу за нею въ даль.
А потомъ съ улыбкой дѣточки
Научу свою свирѣль
Этой пѣснѣ, пѣснѣ вѣточки,
Робко встрѣтившей апрѣль.

2. * * *

Мнѣ скучно безъ тебя и мигъ одинъ короткій...
А вечеръ длительный, когда ты не со мной,
Не радуетъ меня ни блѣдною луной,
Ни снѣжной пеленой, ни звѣздочкою кроткой..
Подолгу я сижу у запотѣлыхъ оконъ...
Пью теплый чай... грущу... пью долго, не спѣшу...
...Когда ты вновь пойдешь, тебя я попрошу
Отрѣзать для меня свой бѣлокурый локонъ.

3. ВЕЛИКИМЪ ПОСТОМЪ.

Снѣгъ идетъ и таетъ. Хмуро. Въ сточныхъ ямахъ
Днемъ—вода. подъ утро—тонкій желтый ледъ.
Скучно. Одиноко. Звоны въ дальнихъ храмахъ,
Снѣгъ идетъ и таетъ, таетъ и идетъ.

4. ПѢСНЯ.

Вѣтеръ, вѣтеръ полевой,
Не гуляй по трубамъ.
Сколько хочешь—въ полѣ вой
Да въ лѣсу надъ дубомъ.
Безъ тебя душа полна
Горечью—недугомъ,
Я осталася одна...
Я забыта другомъ...
Но любовь я сберегу,
Измѣнить не въ силахъ,—
Встану тамъ, на берегу,
Вспомню сердцу милыхъ,
Брошусь, вѣтеръ полевой,
И погибну въ рѣчкѣ...
Вотъ тогда и въ полѣ вой
И въ трубѣ, и въ печкѣ.
Вѣтеръ, вѣтеръ, не забудь
Сбѣгать до милова
И, припавъ къ нему на грудь,
Прошептать два слова:
Пусть вѣнчается съ другой...
Мое сердце въ рѣчкѣ...
Слышишь, вѣтеръ полевой,
Какъ стучитъ въ сердечкѣ?...

5. КЛАДЪ.

Землю заступомъ копаю.
Ночь. На тѣлѣ дрожь.
Изстрадаюсь, похудаю,
Выкопаю грошъ.
Въ древней, жизни пережившей,
Въ множествѣ могилъ,
Въ каждомъ гробѣ черепъ сгнившій
Отзвукъ сохранилъ.
Дальше—въ глубь, въ нѣмыя дали,
Въ выцвѣтшій коверъ,
Гдѣ надежды отзвучали,
Мракъ фату простеръ.
Скачетъ въ мракѣ чертъ изъ ада,
Кажетъ желтый клыкъ.
Въ полночь будетъ стражъ у клада,—
Полосатый быкъ.
Упрошу молитвой Бога
Освятить тотъ кладъ.
Вотъ еще, еще немного—
Буду я богатъ!
Вотъ и полночь,—чертъ изъ ада
Взялся за бока..
Вотъ сейчасъ въ борьбѣ изъ клада
Воскрешу вѣка!

6. ДѢВОЧКА.

Няня бѣлье мѣтила,
Она сидѣла рядомъ—на стулѣ,
Сказку читала. Въ дремѣ не замѣтила,
Какъ свѣчку задули.
Осталась одна съ тьмой,
Съ сказкой. Падаетъ за слезою слеза...
„Ахъ, мама... мама... не умирай... постой...
„Ахъ!"... и открыла глаза.
Встала. Пошла. Покачнулась.
Упала. Уснула.
Утромъ очнулась
У стула...

7. * * *

Вотъ по небу, небу синему, горя
Краснымъ пламенемъ, разсыпалась заря.
Листья свѣжіе, зеленые глядятъ.
И поютъ себѣ смѣются, шелестятъ.
Вѣтеръ сказочно разсказываетъ имъ

Повѣсть длинную шуршаніемъ своимъ.
Разукрасилась бутонами сирень.
Начинается весенне—теплый день.

8. * * *

Хотѣлъ бы видѣть въ снѣгу равнину,
Хотѣлъ бы мчаться среди полей.
Съ какою радостью покину
Я этотъ городъ чужихъ людей.
Я здѣсь живу ужъ не годъ, а много,
Но отчего-же меня манитъ
Степная пыльная дорога
Зимой и лѣтомъ какъ-бы магнитъ?
Мужей ученыхъ здѣсь слышишь рѣчи,
Встрѣчаешь массу красивыхъ лицъ,
Въ степяхъ-же радъ бываешь встрѣчѣ
Съ кричащей стаей пролетныхъ птицъ.
Но почему-же и къ рѣчкѣ каждой,
И къ пѣснѣ птичекъ и камыша—
Проникся я какой-то жаждой,
Въ какой-то жаждѣ горитъ душа?
Но почему-же простая вѣтка,
Обыкновенный цвѣтокъ полей
Мнѣ скажетъ большее, чѣмъ рѣдкій
И геніальный изъ всѣхъ людей?

9. ВЪ ГОРОДѢ.

Каждый шагъ встрѣчаетъ только ложь,
Красота вездѣ граничитъ съ прозою...
Вотъ цвѣты живые. Подойдешь,
Чтобъ хоть мигъ одинъ украсить розою.
За стекломъ таинственно цвѣтутъ
Хризантемы, ландыши, настурціи...
Но ко мнѣ подходятъ и зовутъ
Въ яркихъ шляпахъ дамы проституціи.
Я скорѣй скрываюсь въ полутьмѣ,
И лицо отъ ненависти хмурится...
Ландаши, зачѣмъ-же вы въ тюрьмѣ?
И зачѣмъ преступницы на улицѣ?

10. УШЛА.

Мы сидѣли въ тѣни между стройныхъ стволовъ,
Между стройныхъ стволовъ—сосновыхъ, березовыхъ
И сплетали вѣнки изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Голубыхъ и розовыхъ.
На груди, въ волосахъ—мотыльки, васильки,
Мотыльки, васильки, кувшинки и розочки.
А зеркальная гладь горделивой рѣки
Отражала звѣздочки.
Улыбались глаза, и смѣялись цвѣты,
И смѣялись цвѣты, ласкали плѣнительно.
И сливались уста. А гирлянды мечты
Увлекли томительно...
...И теперь я одинъ... И лежать лепестки,
И летятъ лепестки и грустятъ они нѣжные.
Разлюбила она мотыльки, васильки
И цвѣты прибрежные.
Разлюбила она и зеркальную гладь,
И зеркальную гладь и кувшиночки блѣдныя.
И ушла. И ушла... Ну, а мнѣ не создать
Эти сказки... Бѣдный я...

Дебютъ Петра Степанова.

1. БѢЛАЯ НОЧЬ.

Безцвѣтно-сѣры тротуары,
Застылъ въ недвижности гранитъ
И какъ огромная гитара
Ночная улица гудитъ.
Прозрачность сумрака печальна.
Совсѣмъ разсвѣтъ. И ждешь росы...
Но вдругъ застонутъ погребально
На темной крѣпости часы.
Кого, кого они хоронятъ?
Зачѣмъ рыдаютъ безъ конца?..
Тамъ, далеко, чернѣетъ броня
Адмиралтейскаго шпица.
Мелькаютъ одиноко пары.
Нѣмую тайну ночь хранитъ...
И странно гулки тротуары,
И замеръ въ четкости гранитъ.

2. ПАЯЦЪ.

...А вотъ и я—паяцъ продажный...
Какъ много лжи въ моихъ глазахъ!..
На мнѣ колпакъ смѣшной бумажный,
А мой костюмъ весь въ бубенцахъ.
Лицо, подъ наглой полумаской,
Дрожитъ и корчится отъ смѣха.
Напудренъ я, намазанъ краской
Смѣюсь и, подло, жду успѣха.
Меня купить кто хочетъ можетъ—
Я рабъ и мудрыхъ, и глупцовъ...
Пускай тоска мнѣ сердце гложетъ—
Все заглушитъ смѣхъ бубенцовъ.
Давно извѣдалъ всѣ соблазны.
Теперь съ отравленной душой,
Какъ проститутка неотвязный,
Доступенъ всѣмъ и всѣмъ чужой.
Мой путь сгорѣлъ... мнѣ безразлично
Гдѣ завтра будетъ мой пріютъ...
Пусть бубенцы смѣшно цинично
Мнѣ панихиду пропоютъ!..

3. ПОСЛУШНИКЪ.

Я только послушникъ застѣнчивый.
А ты лукаво-богомольная
Пришла съ улыбкою измѣнчивой
И согрѣшилъ съ тобой невольно я.
Ты научила меня многому
И, соблазнивъ, ушла поспѣшная,
А я посту отдался строгому,
Но не смирить мнѣ думы грѣшныя:
Все вижу я черницу скромную,
Паденья моего виновницу...
Ахъ брошу, брошу келью темную,
Пойду къ тебѣ, моя любовница!

4. ТЫ ПРИДЕШЬ...

Ты придешь такая томная
И призывно-поцѣлуйная,
Не стыдливая, не скромная,
Въ ласкахъ—вольная и буйная.
Ты прильнешь губами пряными,
Вся истомная, грѣховная,
Опьянишь словами пьяными,
Наколдуешь сны любовныя.

Вглянешь гибкая и хищная,
Скажешь: „Милаго подруга я"...
Ты отдашь мнѣ тѣло пышное,
Тѣло дѣвичье упругое.

5. ВСТРѢЧА.

На сѣрыхъ плитахъ тротуара
Змѣятся отблески огней.
Въ лучахъ закатнаго пожара
Иду и думаю о ней.
Все такъ знакомо и случайно
Сегодня, завтра, какъ вчера.
На лицахъ встрѣчныхъ та же тайна,
Что и въ былые вечера.
И, какъ вчера, опять замѣчу
Подъ бѣлой шляпкою вуаль...
На шутки шутками отвѣчу
И разставаться будетъ жаль.
Опять чего-то не доскажемъ,
О чемъ мечтаемъ каждый день,
Потомъ за цѣпью экипажей
Она исчезнетъ точно тѣнь...

6. * * *

Ты—сказка, ты черная сказка,
Ты города пьяный кошмаръ,
Твоя ядовитая ласка
Смертельна, какъ стали ударъ.
Ты бродишь по улицамъ сѣрымъ,
Пьяна отъ гнѣенья и зла,
Ты мстишь за разбитую вѣру,
За все—что толпа отняла.
Въ огнѣ твое страшное тѣло,
А смѣхъ твой, а смѣхъ твой, какъ плачъ!..
Ты мстить до конца захотѣла,
Ты улицъ проклятыхъ палачъ!

7. ДѢВУШКА ГОРОДА.

Дѣвушки стройныя, дѣвушки нѣжныя,
Дѣвушки города, въ городъ влюбленныя,
Манятъ васъ—улицы пьяно-мятежныя,
Вы полюбили громады стѣсненныя.
Вотъ вы проходите странно-прекрасныя,
Точно средь улицъ видѣнья отрадныя...
Взоры мужчинъ опьяненные, страстные
Васъ провожаютъ царевны нарядныя!
Чужды вамъ—лѣса зеленые шопоты,
Чужды вамъ—далей просторы безгранные.
Васъ убаюкали сѣрые грохоты,
Властно плѣнили васъ улицы пьяныя.
О какъ родна вамъ—ихъ жизнь безпокойная!
О какъ родны вамъ—громады стѣсненныя!
Дѣвушки нѣжныя, дѣвушки стройныя,
Дѣвушки города, въ городъ влюбленныя...

8. ПОМНЮ.

Помню стоны скрипки,
Взгляды синихъ глазъ,
Слезы и улыбки
И обрывки фразъ.
Помню сумракъ бѣлый,
Столикъ, томъ стиховъ,
Близость ея тѣла,
Тонкій ядъ духовъ.
Помню боль обиды,
Холодъ мертвыхъ губъ,
Свѣчи, панихиду,
Гробъ и... чей-то трупъ...

Петръ Степановъ.

Зиновій Голубевъ.

1. AMOR.

Она таила жуть дубровы,
Тоску болотной черноты
И были царственно суровы
Иконописныя черты,
Она жила избита плетью,
Растлѣна лаской старика—
И рдѣли маково соцвѣтья
Ея ковроваго платка.
Когда жары тупѣло жало,
На улицахъ галдѣлъ народъ,
Она съ опаской приползала
Ко мнѣ въ шалашъ на огородъ.
Густѣли росы. Пахла мята.
Во тьмѣ цѣплялись рукава
И низко никла, перемята,
Передъосенняя трава.

2. ЛѢТО.

Сонный сводъ стеклянно-синій,
Длинный, дымный, душный день...
По оконной парусинѣ
Пробѣгающая тѣнь.
Влажный вѣтеръ. Стоны птичьи.
Непріятно-острый тминъ,
Безжеланье, безразличье,
Пряди пыльныхъ паутинъ.
Позабывъ вѣтровъ измѣны,
Въ сини сплинной высоты
Переплески бѣлой пѣны
Не застыли-ли какъ ты?

3. БѢЛЫЙ РАЗСВѢТЪ.

Я знаю голосъ
Сѣдой зари,
Я знаю голосъ:
„Умри, умри".
Онъ такъ жемчуженъ,
И отдаленъ,
Но кто-то возлѣ
— И сонъ вокругъ,—
Но кто-то возлѣ,
Какъ нѣжный другъ.
Онъ осторожно
Вонзаетъ сталь—
И осторожно
Свѣтлѣетъ даль.

4. ВЪ ГОРОДКѢ.

I.

Опять съ ночною темнотой
Томитъ непознанный порокъ,
Я, отрокъ бѣдный и простой,
Опять всхожу на твой порогъ
И сердце вяжетъ блѣдный страхъ
И колетъ тонкою иглой
И пахнетъ мятою въ сѣняхъ,
Укропомъ, дымомъ и смолой.

II.

На площади вой и драки
И пьяные крики ссоры.

Но злы у тебя собаки,
Но прочны твои затворы.
Спускается вечеръ ранній.
Тепло и блаженно сладко.
Цвѣтутъ на окнѣ герани,
Въ переднемъ углу лампадка.
И голосъ давно забытый
Поетъ про любовь сонливо,
А котъ твой у печки сытый
Мурлычетъ въ углу лѣниво.

5. ВЪ ЦЕРКВИ.

Свѣча голубовато-золотая
И гнется и дрожитъ въ твоей рукѣ.
Покорна ты, суровая святая
Въ затѣйномъ византійскомъ парикѣ.
Кто, нѣжная, тоски твоей виновникъ,
Вамъ сладко-ли полночью вдвоемъ?
Пойми меня, душа моя—терновникъ,
Пылающій языческимъ огнемъ.
Пушистыя темны твои рѣсницы,
Малиновыя губы горячи...
Пусть будутъ жестче ткани власяницы
И пусть больнѣй впиваются бичи.

6. КАКЪ СЕРДЦЕМЪ ХОЧЕТСЯ ПРИЛЕЧЬ...

Какъ сердцемъ хочется прилечь
Къ земному, темному престолу!
Весенній вечеръ скинулъ столу
Закатно-пурпурную съ плечъ;
Въ передполночной тишинѣ
Лишь росы дальнія бѣлѣютъ
И звѣзды блѣдныя лелеютъ
Его дремоту въ вышинѣ.

7. ЗЕМЛЯ РАСКРЫЛАСЬ...

Земля раскрылась вожделѣя,
Внемля весеннему „живи"
И голоса поютъ смѣлѣе
Моей отравленной крови.
Но выси надъ зацвѣтшимъ садомъ
Благословляюще ясны.
Тревожно-зоркимъ, грѣшнымъ взглядомъ
Я не смущу твоей весны.
Пусть будетъ тихъ, какъ часъ разсвѣта
Благополучно-ясный день
И злое солнце, солнце лѣта
Не опалитъ твою сирень.

8. СОСУДЪ.

Я сосудъ осторожно несу
Расцвѣченный, тяжелый и полный...
Розалинда въ Арденскомъ лѣсу,
Предо мною Балтійскія волны...
Я сосудъ осторожно несу,
Позабывъ безразсудство желаній,
Розалинда въ Арденскомъ лѣсу,
Гдѣ пасутся пугливыя лани...
Я сосудъ осторожно несу,
Но приливные близятся шумы,
Розалинда, въ Арденскомъ лѣсу
Ты не знаешь, какъ сосны угрюмы.

9. БЕЗРАЗЛИЧІЕ.

Иной не вѣруя отчизнѣ
Сквозь сонъ безпечно я внемлю
Тревожно, звонкимъ зовамъ жизни,
Но жизни не люблю.
О кровь закатнаго червонца,
Закатно-сизое вино!..
Взойдетъ ли завтра это солнце,
Не все ли мнѣ равно.
Пусть вѣчно небеса темнѣютъ,
Какъ своды низкіе могилъ...
— Такъ въ клѣткахъ звѣри цѣпенѣютъ
Безъ мысли и безъ силъ.

10. ІЮНЬ.

Лѣсныя шуршанія и шумы мнѣ слышатся...
Черты несказанныя такъ близко колышатся.
Люблю въ расцвѣтаніи іюньскаго утра я
Тебя, свѣтлоглазаго, тебя, змѣйнокудраго,
Въ іюньскомъ безсиліи цѣлую оковы я.
Нагнуся—прижму ли я уста пурпуровыя?
Подъ зыбкими ивами въ іюньское утро я
Нагнуся,—настигну ли тебя, русокудраго?
Нездѣшнія, нѣжныя провижу лобзанія
И травы и шорохи еще несказаннѣе.
Подъ тихими водами, подъ тонкими ивами
Уснемъ утоленными. уснемъ мы счастливыми".

11. ГАЗЕЛЛА.

Я прошепчу потоку: „Люблю тебя!
Я уязвленъ жестоко: „Люблю тебя".
Верхи деревъ земныхъ шуршатъ окрестъ,
Склонясь поетъ осока: „Люблю тебя".
Я на травѣ зеленой паду безъ силъ,
Безъ силъ смежу я око: „Люблю тебя".
Печальный и прекрасный, привѣтный ликъ,
Я плачу одиноко, „Люблю тебя",
Ахъ, въ медленно бѣгущей лѣсной водѣ
Прохладно и глубоко. „Люблю тебя"...

12. ЛѢТНІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Въ сладкихъ ласкахъ солнца осенняго
На плодахъ розовѣй румянцы,
Мы не станемъ читать Тургенева,
Нарядившись пойдемъ на танцы.
Золотяся закатомъ волна рѣки
Омываетъ камни устало,
На деревьяхъ чахлыхъ фонарики
Изумрудны, желты и алы.
Монотонны скрипокъ взыванія
И зѣваетъ кассиръ у преддверья,
Отступи; въ тоскѣ разставанія
Закружи лиловыя перья.
И силки не порвавъ паутинныя,
Ослабѣвъ, позабуду потерю,
Я повѣрю, о Клара, единая,
Я любви моей дѣтски повѣрю.

Михаилъ Гартевельдъ.

1. ТЫ ЗНАЛЪ.

Ты зналъ ли женщину прекрасную, какъ смерть,
Не тѣхъ довѣрчивыхъ, коварныхъ, и пугливыхъ,
Холодно преданныхъ, наружно горделивыхъ,
Которыми полна обманчивая твердь.
Впивалъ ты ядъ ея холодныхъ губъ,
Прижатыхъ, властнымъ, огненнымъ движеньемъ,
Въ которомъ страсть сливается съ сожженьемъ,

И человѣкъ блѣднѣетъ точно трупъ.
Ты ласку испыталъ ея руки,
Прозрачно блѣдной, царственной и строгой,
Когда въ душѣ послѣдній призракъ Бога,
Скрывается въ волнѣ сжигающей тоски.
А ты въ ея глаза, хоть разъ, смотрѣлъ,
Въ двѣ темныя миндалины ночныя,
Вкругъ нихъ сплелися жилки голубыя,
И звѣздный мракъ ихъ строгостью одѣлъ.
Ты зналъ ее? Коль нѣтъ, отдай всѣ небеса,
Умри и самъ довѣрчиво и смѣло,
Чтобы мгновенье ласково смотрѣла
Она въ твои застывшіе глаза.

2. ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Отравлено вино кроваваго стакана,
Коварной жизни, радостный привѣтъ,
Она вездѣ: кипитъ вдоль ресторана,
Надъ тьмой міровъ бросаетъ мертвый свѣтъ,
Застыла мраморность столовъ завороженныхъ,
Не слышно скрипокъ бѣшеныхъ румынъ,
И я одинъ среди людей сожженныхъ,
Иду на бой какъ древній паладинъ.
Но съ кѣмъ, лакей почтительно смѣется,
И изгибаетъ свой подвижный станъ,
Волна людей, сквозь створы двери льется,
И пьянымъ шумомъ ожилъ ресторанъ.
„Эй человѣкъ, мнѣ чая и пирожныхъ,
А мнѣ ликеру, легкого вина!
Я, мечъ сломавъ, отбрасываю ножны.
Больна мнѣ явь расторгнутаго сна.
Вотъ жизнь безъ маски свѣтлаго тумана,
Я покоренъ, я слабъ, я скорбно малъ,
За тѣхъ я пью отравленность стакана,
Кто Солнце въ ресторанѣ увидалъ.

3. ЛЬДЫ. (Сонетъ).

Серебристые, синіе льды молчаливо,
Заковали заливъ безконечной стѣной,
И безсильно спадаетъ закатная грива,
Съ ихъ угрюмыхъ вершинъ блѣдно-алой струей.
Снѣговыя лавины повисли лѣниво,
Надъ ихъ острой, холодной, застывшей толпой,
И гигантскія стѣны стоятъ горделиво,
Какъ могучіе стражи, въ тиши голубой.
Кто-то плылъ, кто-то велъ и сюда корабли,
Чтобы имя вписать въ ледяныя страницы,
И коварные льды его дальше влекли,
И возстали кругомъ ледяныя границы,
И открыли, пришельцу далекой земли,
Ледяныя врата, голубыя гробницы.

4. БЕЗСМЕРТІЕ.

И кровь разбудилась,
На дѣтскихъ щекахъ,
Ты снова родилась,
Въ холодныхъ вѣкахъ,
Ты снова вступила,
Въ земной хороводъ,
Ты все позабыла,
Для новыхъ заботъ.
И сѣрыя стѣны
Стѣсненныхъ домовъ,
И яркія смѣны
Волнующихъ словъ,
Холодныя встрѣчи
Усталой зари,
Открытые плечи,
Большое эспри.
Ночные фантомы
Мелькающихъ лицъ,
И толстые томы
Позорныхъ страницъ.
Но кровь разбудилась
На дѣтскихъ щекахъ,
Что было--то скрылось
Въ холодныхъ вѣкахъ.

5. СИРЕНА.

Смѣется сребристо, смѣется и плачетъ,
У берега долго сирена морей,
И локонъ волосъ, ей подаренный, прячетъ,
И смотритъ въ просторъ жемчуговыхъ зыбей.
Коварной колдуньѣ опасна измѣна,
Колдунья надъ даромъ любви ворожитъ, --
Сильнѣе вздымается, пѣнится пѣна,
И вѣтеръ угрюмый сильнѣе шумитъ.
Сирена забылась у берега лежа,
И радостно смотритъ въ холодную даль,
Глаза свои сдвинувъ зеленые, строже,
И смѣхъ зазвенѣлъ покрывая печаль.
Надъ парусомъ синимъ, надъ парусомъ дальнимъ,
Уже собралась грозовая бѣда,
Онъ гордо забылся, въ просторѣ хрустальномъ,
Но онъ не причалитъ къ землѣ никогда.
Вернувшійся вѣтеръ свершенное прячетъ,
Онъ видѣлъ, онъ знаетъ, онъ помнитъ о немъ,
Смѣется сирена, смѣется и плачетъ,
И локонъ бросаетъ въ жемчужность кругомъ.

7. ЗЕМНОЕ ЗЕМНОМУ.

(Посвящается Ст. Пшибышевскому).

И херувимъ снялъ огненный плащъ съ плечъ своихъ и прикрылъ имъ остатки того, кто печати держалъ въ рукахъ своихъ и влекъ на плечахъ кровавый крестъ.

(Ст. Пшибышевскій „Тиртей").

Онъ человѣкъ и не свершивъ обѣта,
Который совершить могъ только Богъ,
Ушелъ онъ въ тьму, безъ путевого свѣта,
И ждать, бороться больше онъ не могъ.
Кровавый крестъ давилъ худые плечи,
Съ нетронутыхъ печатей лился токъ
Холодной крови и молчали рѣчи,
Весь міръ собрался, слился и исчезъ,
Въ его душѣ для непокорной встрѣчи.
И онъ отдернулъ мглу ночныхъ завѣсъ,
И увидалъ на стражѣ херувима,
Но не поникъ, предъ заревомъ небесъ,
А сталъ угрюмо, гордо, недвижимо,
И херувима ликъ сіяніемъ горѣлъ.
И мечъ сіялъ въ рукѣ неотвратимо,
И вскрикнулъ человѣкъ, и какъ потоки стрѣлъ,
Его полились рѣчи негодуя:
— „О Богъ, меня воздвигъ ты и призрѣлъ,
И искупить велѣлъ свой грѣхъ кочуя,
Возьми печати у меня нѣтъ силъ,
Я не достоинъ вскрыть ихъ чистоту, тоскуя,
И крестъ сними, онъ плечи мнѣ вдавилъ,
Лицо мое бѣлѣй холодныхъ лилій,
Не буду ждать, чтобъ часъ судьбы пробилъ.
Меня позоръ и гордость охватили,
Надежды нѣтъ, я не хочу ея,
Я для нея не сдѣлаю усилій,

Пускай прольется благодатная струя,
Отдохновенія на распятыя руки,
И пусть вернется царственность моя.
Ты херувимъ молчишь, сними святыя муки,
А то возстану, крестъ низвергну самъ,
Въ моей душѣ кипятъ возстанья звуки".
И вдругъ ударилъ громъ по яснымъ небесамъ,
То херувима голосъ раздавался,
—„Нетронуты печати, рабъ, словамъ,
Безсильно мощь придать великую старался,
Твои слова, какъ огненосный дождь,
Который о гранитъ холодный разбивался,
Молчи, покорствуй прахъ!".. Но какъ горячій вождь,
Метнулся человѣкъ, на битву, къ херувиму,
Коснулся мечъ его и палъ утративъ мощь,
И съ жалостью горячею, незримой,
Снялъ херувимъ свой освященный плащъ,
И скрылъ ничтожные останки пилигрима
Который шелъ сквозь тьму заросшихъ чащъ,
Сквозь волны огненной и пепелящей лавы,
Израненный камнями вражьихъ пращъ,
Неся свой крестъ тяжелый и кровавый.

Б. Семеновъ.

1.

Опять ко мнѣ пришла мечтательница—Муза,
Больная дѣвочка—подруга юныхъ дней
И власть ея души простерлась надъ моей
Какъ голосъ Патти иль Карузо.
Надъ Міромъ стала ночь—Царица яркихъ сновъ,
Завѣсила окно обрывкомъ звѣздной ткани
И сердце трепетно забилось для исканій
Для незатѣйливыхъ стиховъ.

2. ЛУННЫЯ ТѢНИ.

Мы смутныя тѣни.,. неясныя тѣни...
Приходимъ мы ночи во слѣдъ...
Роняетъ насъ сумракъ древесныхъ сплетеній
На лунный, безжизненный свѣтъ...
Мы сонно скользимъ по извивамъ дорожекъ,
Внимаемъ въ дремотѣ своей
Не слышно-ли шороха маленькихъ ножекъ
По гравію тихихъ аллей.
Сойдетъ она въ садъ утомленной походкой
Отдавшись завѣтнымъ мечтамъ,—
Мы робко замремъ вереницей нечеткой,
Прильнемъ къ чуть-примѣтнымъ слѣдамъ.
Она уведетъ молодого поэта
Подъ сѣнь отдаленныхъ аллей,—
Мы будемъ грустить и любить до разсвѣта
Безстрастной любовью тѣней.
Мы робкія тѣни... намъ много не надо...
Приходимъ мы ночи во слѣдъ...
Роняютъ насъ вѣтви уснувшаго сада
На лунный, безжизненный свѣтъ...

3. НОКТЮРНЪ.

Темно. Созвѣздія картинно
На небѣ бархатномъ горятъ.
Влюбленно звуки піанино
Изъ оконъ дачи льются въ садъ.
Замретъ арпеджіо финала,
Погаснетъ въ крайнихъ окнахъ свѣтъ,
Съ балкона склонится устало
Неясный бѣлый силуэтъ.
И ночь—Царевна-Чаровница,
Мерцая звѣздною фатой,
Заставитъ розно насъ томиться
Быть можетъ общею мечтой...

4. ВЪ МАНСАРДѢ.

Убѣгу тайкомъ изъ дома
И приду къ нему больному.
Безпокойна и грустна.
Я къ челу его несмѣло
Прикоснусь рукою бѣлой,
Легче вкрадчиваго сна.
Онъ окинетъ мутнымъ взглядомъ,
Не узнаетъ. Сяду рядомъ.
Погашу докучный свѣтъ.
Буду трепетно молиться,
Волноваться и томиться,
Буду слушать странный бредъ.
И когда придетъ другая,
Незнакомая, чужая,
Съ наглымъ блескомъ черныхъ глазъ,
Я уйду и въ корридорѣ
Потоплю въ слезахъ и горѣ
Свой поруганный экстазъ!

5. ВЪ ПАВИЛЬОНѢ.

Надъ озеромъ стараго парка,
Въ мечты о быломъ погруженъ,
Бѣлѣется въ зелени яркой
Забытый старикъ—павильонъ.
Люблю я печаль павильона,
Его непробудную тишь,
Перила его и колонны,
И сумракъ таинственныхъ нишъ.
Подъ вечеръ узорныя тѣни
Отъ низко склоненныхъ вѣтвей
Ложатся на камень ступеней,
На гравій широкихъ аллей.
Отъ сумрачныхъ стѣнъ павильона,
Отъ ихъ тишины вѣковой,
Исходитъ томительный, сонный,
Ласкающій душу покой.
И хочется въ нишѣ глубокой
Укрыться, въ объятьяхъ мечты,
Отъ жизни безцѣльно-жестокой,
Отъ пошлой ея суеты!..

6. РОМАНСЪ.

Я ждалъ Васъ въ старинной бесѣдкѣ,
Въ запущенномъ Вашемъ саду.
Сирени лиловыя вѣтки
Шептали мнѣ: „милый, приду".
Я былъ отуманенъ томленьемъ,
Охваченъ желаній кольцомъ,
Склонялся я къ влажнымъ сиренямъ
Горѣвшимъ отъ страсти лицомъ.
Но Вы не пришли почему-то,
Не вняли порыву души...
И вяло тянулись минуты
Въ задумчиво сонной тиши...

Николай Носарь.

1. ПѢСНИ ДѢВЧОНКИ ГРѢХОВОДНОЙ.

Прекрасное восходитъ,
День крѣпнетъ золотой.
Дуняшенька выходитъ

На бережокъ крутой.
Идетъ-цвѣтетъ, любуется
Нарядна и стройна...
Съ листкомъ-цвѣткомъ цѣлуется
Прибрежная волна.
Какъ весело, повадно
Гулять по бережку!
Пестрятъ цвѣтки парадно
По бархату-лужку.
А пташечки-порхашечки
Поютъ, поютъ весной.
Премилыя вы пташечки,
Повейтесь надо мной!
Пахните вѣтерочкомъ
По волосамъ-волнамъ...
Сегодня вечерочкомъ
Сулились гости къ намъ.
Незванные, нежданные
Сулились говорить,
Колечкомъ богоданные
Хотѣли одарить...
Не надо мнѣ колечко—
Мнѣ мужъ не по уму!..
Мнѣ выплачетъ сердечко
Скитъ—бѣлую тюрьму!

2.

Сторона моя, сторонка,
Незнакома здѣшняя!
Незнакомая сторонка—
Нѣту матушки-отца.
Нѣту матушки родимой—
Спитъ моя сердешняя!
Нѣту матушки родимой,
Нѣтъ и мила-молодца.
Я вчера въ слезахъ заснула,
Друга видѣла во снѣ.
Ото сна я встрепенулась—
Закипѣла кровь во мнѣ.
Закипѣла, заиграла—
Чую я въ себѣ любовь...
Закипѣла, заиграла
Первый разъ въ семнадцать лѣтъ.
Если ты меня, милъ, любишь—
Возьми взамужъ въ отчій кровъ.
Если ты меня не любишь—
Возьми въ ручки пистолетъ.
Добрыхъ дѣлъ я не забуду:
Прострѣли мнѣ бѣлу грудь.
Я и тѣмъ довольна буду,
Что покончишь скорбный путь.
Схорони ты мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ.
Схорони ты мое тѣло,
На могилкѣ крестъ поставь.
Изъ осинки крестикъ сдѣлай,
Изъ земельки бугорокъ...
Изъ осинки крестикъ сдѣлай,
Напиши на немъ уставъ,
Чтобы ѣхали, читали—
Зналъ прохожій человѣкъ:
„Плакать струны перестали,
Но любовь жива во вѣкъ".

3.

Заныло сердечко
Въ любовной тоскѣ.
Гляжу на колечко
На правой рукѣ.
Кольцо распаялось—
Дружку не люба.
Въ лицо насмѣялась
Лукавецъ-судьба.
Сказали—милъ умеръ,
Во гробѣ лежитъ.
И крестъ возлѣ гуменъ
Покой сторожитъ.
Покроюсь платочкомъ,
Тайкомъ выйду я...
Тутъ всхлипнетъ листочкомъ
Осинка моя.
Боль черная ляжетъ
На груди къ соску...
Мнѣ мѣсяцъ укажетъ
Дорожку къ дружку.
Пройду осторожно
Ограду, кусты...
Въ безумствѣ тревожно
Заходятъ кресты..
Паду на могилку:
Гори бѣла грудь,
Неси мою силку
Въ невѣдомый путь!
И стихнетъ все кряду,—
„Я, милый, пришла!
„Я выпила яду,
„Кольцо принесла!"

4.

Чуло-слышало ретивое
Надъ собой невзгоду.
Понакаркалъ быль тоскливую
Воронъ въ непогоду.
Во туманѣ солнце красное,
Брезжитъ во туманѣ.
Въ скорби горлица прекрасная
Плачетъ на полянѣ.
Я несчастной сиротинушкой
На горе родилась!
Я недолечко съ дѣтинушкой
Съ малымъ поводилась!
Что со утренней со зореньки
Зорьки до вечерней
Причащалась жизни въ горенкѣ
Съ милымъ нареченнымъ.
Злые-ль видѣли и слышали
Что со мной случилось—
Алой кровью станъ мы вышили...
Въ зорю разлучились.
А медовенькая зоренька
Съ вечера потухла.
Темна ночка паренечка
Въ полюшкѣ застигла.
Тутъ не тучи громоносныя
Градомъ пали въ полѣ,
Не медовы травы росныя
Плакали отъ боли.
Тутъ встрѣчались проходимицы...
Съ милымъ порѣшили.
Сняли шарфикъ, крестъ родимицы,
Тѣло обнажили...
Раздѣвали молчаливое,
Клали въ зелень-воду...
Чуло слышало ретивое
Надъ собой невзгоду!

5. ПОКАЯНІЕ ДѢВЧОНКИ ГРѢХОВОДНОЙ.

Всюду празелень скорбящая...
Я иду ненастоящая...
У часовни на проходинкѣ
Богомольцы Богу молятся.
Стынутъ чахлые уродинки—
Скоро-ль милости сподобятся.
На иконахъ лики строгіе—
Божьи люди и соратники:
„Кайтесь (смотрятъ такъ), убогіе—
„Грѣшныхъ помысловъ собратники!"
Грузно капаютъ священники:
„Кайтесь Боговы измѣнники!"
Я вошла въ часовню бѣлая.
Головы поднять не смѣла я...
Все губами пересохшими
Я шептала покаянія...
Я сжигала предъ усопшими
Вѣры чистыя даянія.
На столѣ стоитъ березовомъ
Гробъ сосновый неоплаканный.
Онъ затихъ въ закатѣ розовомъ
Воскомъ тающимъ закапанный.
Ты прости мнѣ слезы дальныя,
Страсти помыслы безвольные!..
Полюбила я смиренная—
Загорѣлась озаренная...
Да недолечко свѣтилась я—
Измѣнилъ, ушолъ въ разбойный флотъ...
Въ бабье лѣто распустилась я—
Тайно вынесла любовный плодъ...
Погади жъ ты, кадиленочка,
На дѣвчонку грѣховодную!
Задушила я ребеночка,
Въ тину кинула надводную!..
И теперь, какъ тѣ уродинки,
Гнусь у жизни на проходинкѣ!

Дебютъ Филиппа Карпова.

1. ВЕШНІЙ ПЕРУНЪ.

Храня ворчаніе громовъ.
Паденье въ зыби бѣлыхъ стрѣлъ,
Ты рой серебрянный стиховъ
Полямъ лазоревымъ пропѣлъ!
Глашатай ярый звѣздныхъ струнъ,
Ты сердцу гулкій мечешь звонъ!
Безмѣрно свѣтелъ, дикъ и юнъ,
Короной алой ты зажженъ!

2.

Вражды конецъ горитъ вѣнецъ,
Какъ свѣтлая печаль.
О, Дьяволъ—лжецъ, на днѣ сердецъ
Не тми святую даль!
Пусть безъ слѣда пройдутъ года,
Пусть ночи отцвѣтутъ.
Для Нѣтъ есть Да—одна звѣзда:
Поэты жизнь поютъ.
Зажжется день—живой кремень,
Живая красота.
Надъ ней воздѣнь Господню сѣнь—
Сіяніе креста!

3.

Ударъ тяжелъ надъ желтой бездной
Лихого молота—луча.
Душа—мой даръ. Мечтой беззвѣздной.
Ищу цѣлебнаго ключа.
Кипитъ, кипитъ ночная сила,
Чтобъ умертвить желанный свѣтъ...
За пробужденіемъ—могила.
Вопросу мглы глухой отвѣтъ.
Гляжу во мглу нагихъ ущелій,
Какъ молодой безмолвный рабъ,—
У голубѣющихъ отмелій
Зову бурунъ, игрою слабъ...
Но, завершивъ мой кругъ условный,
Я погружусь въ намѣрный сонъ,
И только въ немъ, какъ жрецъ верховный,
На золотой взойду амвонъ.

4.

Горитъ звѣзда во мглѣ кровавой,
Но вечера спокоенъ видъ:
Онъ, зачарованный дубравой,
О днѣ отшедшемъ говоритъ;
Какъ будто пламенное чудо
Таитъ его безсмертный взоръ...
О, этотъ мигъ я не забуду:
Его я чую наговоръ!

5.

Мой мечъ тяжелъ. Мечтой желѣзной
Я закалилъ себя въ бою.
Пусть звѣзды свѣтятся надъ бездной:
Я здѣсь ихъ тайны уловлю.
Мнѣ радостны пиры и битвы
И хоръ встревоженный похвалъ...
Неси грозу, а не молитвы,
Когда востокъ багряно-алъ!
Поютъ, поютъ, какъ струны, стрѣлы.
Какъ громъ—рыканіе копей;
И стонутъ въ ужасѣ предѣлы
Передъ лицомъ грозовыхъ дней.
Моя безумная отрада
Будитъ въ душѣ весенній хмѣль.
Я—воинъ! Мира мнѣ не надо.
Война, война—моя свирѣль!

6.

День отошелъ и дорогу
Вечеръ очистилъ для ночи.
Я приближаюсь къ порогу,
Жутко закрывъ свои очи.
Сердце горитъ: постучися!
Разумъ наполненъ боязнью:
Въ прошлыхъ ошибкахъ учися.
Казнь воздвигается казнью.
Сможешь-ли сердце на битвѣ
Рыцаремъ гордымъ сражаться?
Или быть можетъ въ молитвѣ
Снова намъ плакать и жаться?

7. НАПОЛЕОНЪ.

Стремилъ на подвигъ дикій
Ты хаосъ грозныхъ силъ,
Безумствовалъ, великій;
Свой съ гнѣвомъ сѣялъ пылъ.
Во мглѣ мечты горящей
Какъ громъ гремѣлъ въ вѣкахъ
Твой голосъ, говорящій
О смерти и вѣнкахъ.

Поэтъ, постигшій тайну
Безсмертья своего.
Твой голосъ—не случайный:
Ты создалъ самъ его!
Стоя у достиженья,
Недвижимый, какъ сталь,
Ты слышалъ тайнъ рожденье,
Въ ночи ты видѣлъ даль.
Враждебный волѣ рока,
Ты скипетръ потерялъ,
Но все-жъ ты богомъ сталъ,
Творецъ идей востока.

8.

Я пылкой страстью опьяненный
Безумецъ юный, захотѣлъ
Огня любви не раздѣленной,
Сліянья двухъ поющихъ тѣлъ.
О вы, волнующія муки,
Зачѣмъ сжигаете меня?
Зачѣмъ мои страдаютъ руки
Отъ жгучихъ ласкъ, какъ отъ огня?
Смирись душа, не надо тѣла!
Намъ звѣзды въ небѣ голубомъ
Замѣнятъ жизни помертвѣлой
Опустошительный содомъ.

Н. В. Севастьяновъ.

ПРЕЛЮДІЯ.

Протяжно-печальные аккорды
Въ задумчиво-сумеречный часъ
Разскажутъ про дальніе фіорды.
Протяжно-печальные аккорды
Манящe-загадочны и горды,
Какъ звуки, не вѣдавшіе насъ.
Протяжно-печальные аккорды
Въ задумчиво-сумеречный часъ.
Все громче поютъ—бряцаютъ струны,
И сумерки тонутъ въ зеркалахъ..
Запѣнились гнѣвные буруны...
Все громче поютъ—бряцаютъ струны
О томъ, какъ затмится отсвѣтъ лунный,
О томъ, какъ запляшетъ смѣхъ въ горахъ.
Все громче поютъ—бряцаютъ струны,—
И сумерки тонутъ въ зеркалахъ...

ВЪ АВТОМОБИЛѢ.

Поетъ душа. Въ автомобилѣ
Лечу впередъ межъ дальнихъ странъ,
И сзади сѣрый пологъ пыли
Встаетъ безшумно, какъ туманъ.
Ни властелиномъ, ни министромъ
Я не рожденъ,—я лишь поэтъ...
И этимъ гордъ, я въ бѣгѣ быстромъ
Творю законченный сонетъ.
А захочу—„шофферъ, довольно!"
И въ боръ уйду, и пень—мой тронъ,
И боръ—мой замокъ прямоствольный...
О да, я—самъ себѣ законъ!
Чего хочу?—мнѣ все подвластно:
Я—царь весны. Душа поетъ...
Скорѣй, шофферъ,—до боли страстно
Хочу впередъ, хочу впередъ!

МАЙСКОЕ НАСТРОЕНІЕ.

Колышется зыбкій гамакъ.
Откинувшись, полная лѣни,
Ты тихо забылася такъ
Въ тѣни ароматной сирени!
Твой мужъ не увидитъ тебя:
Онъ занятъ, онъ занятъ, безумецъ!
А май? А игра воробья?
А быстрый ручей—вольнодумецъ?
И скучно тебѣ... Но скажи,
Кто намъ помѣшаетъ ютиться?..
Пройдемся до дальней межи—
Пусть солнце на насъ заглядится!
Тамъ всюду теперь—зеленя.
Побродимъ—вездѣ—побалуемъ...
И можетъ быть нѣжно меня
Ты тамъ подаришь поцѣлуемъ!

Нина Лессъ.

1. ВЪ СИНЕЙ КОМНАТѢ...

Въ синей комнатѣ старинной
Свѣчи трепетно горятъ.
Тѣнью легкой вьется длинной
Сказки призрачный нарядъ.
Вьется сказка въ штофной ткани,
По багетамъ дорогимъ,
Гдѣ въ лазури съ облаками
Сыплетъ розы херувимъ,—
По золоченнымъ обоямъ,
Старой мебели рѣзной,
На часахъ съ пѣвучимъ боемъ
Съ блѣдно-синею каймой.
Передъ зеркаломъ овальнымъ
Въ тусклой рамѣ золотой
Сказка вьется танцемъ бальнымъ,
Смутно вызваннымъ мечтой.
Все что зеркало собою
Отражало въ старину—
Все выходитъ и толпою
Наполняетъ тишину.
И сливается зеркально
Въ сказки трогательный ликъ,
И танцуетъ музыкально
Оживленное на мигъ.
Раскрывается былое:
Тайна тѣней... вдругъ испугъ...
Чу... движеніе людское:
Въ тишинѣ проснулся слухъ.
И волною перемѣнной
Голосъ женскій долеталъ...
Тѣни умерли мгновенно,
Душу сказкѣ передавъ.
Люстра звонко задрожала:
По паркету, какъ по льду,
Внучка въ комнату вбѣжала,
Шарфъ теряя на ходу.
Внучка тѣхъ, что раньше жили.
(Тѣни трепетныя ихъ
Передъ зеркаломъ проплыли
Оживленныя на мигъ).
Внучка въ зеркало взглянула
Парой смѣлыхъ ясныхъ глазъ.
Сказку милую спугнула
Въ тихій, поздній ночи часъ.
Сказка прячется пугливо
Въ блекло-синія драпри.

Жизнь смѣется горделиво...
Сказка старая умри!
Внучка сказкѣ ужъ не вѣритъ,
Внучка знаетъ дерзкій день.
Сказка дрогнула за дверью
Умирающая тѣнь..

2. ВОПРОСЪ.

Пышные локоны золотомъ связаны;
Взоры смущенные тайной пронизаны...
Женщина блѣдная, въ рамкѣ лиловаго,
Ждешь приговора себѣ ты суроваго!—
Цвѣтъ лиловатый—раскаянно-нѣжный;
Скрытые годы въ немъ страсти мятежной.
Цвѣтъ Магдалины, сознавшей свой грѣхъ. .
Въ складкахъ одежды потухнувшій смѣхъ.
Сорваны розы подъ натискомъ бурь.
Свѣтомъ кровавымъ залита лазурь.
Кто же объявитъ тебѣ приговоръ?
Смѣлостью ясной чей свѣтится взоръ?
Взглядъ лицемѣрія полонъ терзанія,
Злобы завистливой къ силѣ дерзанія.
Женщина блѣдная, дай имъ отвѣтъ:
Истина есть-ли въ грѣхѣ или нѣтъ?

Анна Алматинская.

СТЕПЬ ЗОВЕТЪ.

Засинѣли дали вольныя,
Зацвѣла, запѣла степь.
Пѣсни звучныя, привольныя
Разрываютъ рабства цѣпь.
Вѣтеръ шепчетъ чары—сказки,
Воздухъ нѣжитъ и пьянитъ;
Сердце проситъ робкой ласки
И огнемъ весны горитъ.
Дышетъ степь. И звучно, властно
Снова вдаль меня зоветъ.
И съ улыбкой нѣги ясной
Пѣсню гордую поетъ.
Зацвѣла джида златая,
Кружитъ голову, пьянитъ...
Сердце бьется замирая
И огонь въ крови горитъ.
Маки сонные алѣютъ,
Колокольчики звенятъ...
Думы, думы пламенѣютъ,
Ярко, радостно горятъ.
Степь зоветъ и шепчетъ сказки,
Сказки прежнихъ, гордыхъ думъ;
Расточаетъ чары-ласки
И ростетъ призывный шумъ.
На просторъ степной и дикій
Рвется вольная душа...
Какъ прекрасенъ міръ великій!
Какъ свобода хороша!..

Александръ Балагинъ.

1. КЪ СОЛНЦУ!

Растворю темницу—разпахнувъ оконце...
Пусть вздохнетъ свободно сдавленная грудь.
Я увижу Небо, Облака и Солнце,
Я постигну счастье и смогу вдохнуть
Сладкій ядъ Вселенной:—чистый, нѣжный воздухъ
Подниму я руки къ Солнечнымъ лучамъ,
Позабывъ о людяхъ, позабывъ о звѣздахъ,
Что мнѣ свѣтятъ съ Неба, ярко по ночамъ
Заточенъ я въ камни, замуравленъ въ стѣны
Сѣрыхъ и холодныхъ городскихъ громадъ.
Я свободный буду, а не жалко-плѣнный,
Кину кличъ орлиный черезъ сѣть оградъ...
Растворю темницу—распахнувъ оконце,
И вдохнетъ свободу сдавленная грудь.
Я увижу Небо! Я увижу Солнце!
Къ Небу, къ Свѣту, къ Солнцу—я узнаю путь!..

2. ПУСТЬ Я СКОВАНЪ.

Пусть я скованъ ржавой цѣпью
И посаженъ подъ запоръ—
Мысль моя паритъ надъ степью,
Надъ вершиной снѣжныхъ горъ,
Гдѣ надъ шапкой снѣговою
Не страшась, летятъ изъ мглы,
Не внимая вьюги вою—
Гордо-вольные орлы!..
Пусть въ моей темницѣ холодъ
И вокругъ—жестокій мракъ—
Я, душой и сердцемъ, молодъ—
Обойдусь во тьмѣ и такъ,
Мракъ жестокій я разсѣю—
Разожгу въ душѣ огни,
Тѣло мощное согрѣю
И освѣтятъ тьму они!..

3. МОЖЕТЪ ЭТО БЫЛО?

А. К. Ч-ой.

Можетъ это было?.. Или мнѣ приснилось,
Что тебя я встрѣтилъ въ предзакатный часъ?
Какъ пылало небо!.. Какъ зазолотилось
Отъ твоихъ, зажженныхъ яркимъ свѣтомъ, глазъ!..
На груди, красивый былъ цвѣтокъ приколотъ.
Нѣжный и багряный, какъ румянецъ щекъ.
Я тебя увидѣлъ и душой сталъ молодъ,
Сердцемъ чутко понялъ, что—не одинокъ.
Что теперь я полонъ искрометныхъ пѣсенъ,
Что теперь безволенъ и порабощенъ...
И что Міръ привольный—станетъ сердцу тѣсенъ,
Потому что ярко я въ тебя влюбленъ.
Ты прошла... И травы предъ тобой склонились,
А ручей молчавшій—вдругъ заговорилъ...
Это были сказки, что въ мнѣ томились,
А твой взглядъ горящій сердце мнѣ спалилъ..
Кто ты?—я не знаю... Можетъ быть Царевна,
Можетъ быть ты Греза одинокихъ думъ?..
Но тебѣ слагаю этотъ стихъ напѣвный,
Отдаю всѣ чувства и свой свѣтлый умъ...

Сергѣй Коммиссаровъ.

1. ХРУСТАЛЬ ДѢВУШКИ.

Была весна и утро. Въ небѣ чистомъ
Лучи играли мощною игрой;
А на лугу цвѣтущемъ, зеленистомъ
Шла дѣвушка съ хрустальною водой—
Въ хрустальной вазѣ та вода искрилась,
И вазу дѣвушка руками обхвативъ,
Прижавъ къ груди, смѣялась и молилась,
И брызгала водой, все тѣло обнаживъ.
Но... мотылекъ леталъ!.. А гдѣ то межъ кустами
Засѣлъ сатиръ съ пѣвницею своей...
Ей захотѣлось между волосами
Вплести цвѣты пестрѣющихъ полей.
Тамъ гдѣ то тѣнь была... Ахъ, звучная пѣвница
Звала къ себѣ! Наплылъ туманъ на даль!
Видѣній сладостныхъ промчалась вереница
И... зазвѣнелъ разбившійся хрусталь.

2. ВЕЧЕРЪ.

Спустился тихо теплый лѣтній вечеръ.
Подъ лаской сумерекъ уснулъ зеленый лѣсъ.
Шуршалъ въ листвѣ дремотно легкій вѣтеръ,
И свѣжестью росы тянулъ вѣтвей навѣсъ.
Тамъ, гдѣ то въ глубинѣ, качая слабо вѣтки,
Лѣсную грусть мнѣ филинъ разсказалъ;
И отъ луны земля была тѣнистой сѣткой,
Лѣсной ручей весь въ искоркахъ дрожалъ.
Зачѣмъ я здѣсь? Мнѣ кажется, что въ сердцѣ
Такой же филинъ плачетъ, какъ и здѣсь,
И вѣтеръ шелеститъ аккордомъ нѣжныхъ терцій,
И искорокъ въ душѣ моей не счесть.

Дебютъ Гавріила Елачича.

1.

Въ крѣпкія путы незыблемыхъ правилъ,
Въ скрѣпы тяжелыя, въ цѣпи холодныя
Кто васъ оправилъ, смириться заставилъ
Пѣсни живыя, напѣвы свободные?
Можно-ли должно-ль разумно и ясно
Ставить преграды намъ свѣту небесному?
Можно-ль скрѣплять, что бушуетъ, что страстно.
Властно влечетъ насъ впередъ къ неизвѣстному?
Можетъ-ли въ путахъ жить то, что прекрасно?
Должно ль пѣвцу быть и мастеромъ пѣнія?
Нужно-ль законы твердить ежечасно?
Должно-ль Творцу укрощать вдохновеніе?
Нѣтъ! Не въ тюрьмѣ зародилось Искусство!
Лишь въ безпредѣльномъ возможно стремленіе,—
Пѣсня свободна, какъ вольное чувство!
Слава пѣвцу, а не мастеру пѣнія!

2.

Есть тайна великая въ каждомъ мгновеніи,
Въ исчезновеніи, въ бѣгѣ минутъ,
Вѣчность грядущаго, мигъ настоящаго
Въ тьму вѣчно спящаго тихо бѣгутъ.
Кто же познаетъ свершеніе тайнаго,
Странно случайнаго хода временъ?
Нѣтъ настоящаго, есть лишь грядущее,
Есть лишь минувшее... Жизнь развѣ сонъ?

3. ТРІОЛЕТЫ О ЛУННОЙ КОРОЛЕВѢ.

Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Подъ багряной туманной луною
Пѣсни стелятся грустью ночною.
Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Королева гуляетъ съ свѣнцомъ на челѣ
И рыдаетъ подъ темною мглою,—
Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Подъ багряной туманной луною.
Слезы очи полнятъ о погибшей любви
Объ утраченномъ счастьи мгновенномъ.
Въ полумракѣ ночномъ сокровенномъ
Слезы очи полнятъ о погибшей любви,
И чуть слышно поютъ на кустахъ соловьи
Вторя горестнымъ думамъ безсмѣннымъ.
Слезы очи полнятъ о погибшей любви,
Объ утраченномъ счастьи мгновенномъ,
Объ умершемъ, любимомъ рыдаетъ она—
Неземная, какъ ночь, королева...
Льются слезы безъ страсти безъ гнѣва,—
Объ умершемъ любимомъ рыдаетъ она
Озаряетъ ее заревая луна,
Грустны звоны ночного напѣва...
Объ умершемъ любимомъ рыдаетъ она—
Неземная, какъ ночь, королева.

4. СКАЗКА ОЗЕРА РИЦА.

О, сѣвера люди, угрюмаго вида,
Вы, сѣрымъ туманомъ закрывшіе лица,—
Послушайте сказку про озеро Рица,
Про озеро Рица, гдѣ дремлетъ Колхида.
Ночь звенитъ цикадами,
Блещетъ звѣздъ мирьядами,
Къ озеру каскадами
Гибкія ліаны
Свѣсились надъ волнами,
Черными, безмолвными,
Тайной темной полными,—
Въ нихъ тѣней обманы...
Лучъ луны серебрянной
Въ глубинѣ всколебленной
Ищетъ сонъ затерянный
И въ волнахъ дробится...
Сжатыя гигантами
Скалами базальтами,
Черными брильянтами
Меркнутъ волны Рица.
Вздрогнулъ лучъ лунный,
Замерли воды...
Всплескъ многострунный...
Искръ хороводы...
Что то въ лучѣ закачалось
Чище, чѣмъ мраморъ Коринфа,—
То изъ воды показалась
Озера бѣлая нимфа...
Призрачнѣй призраковъ ночи
Блѣдно-зеленое тѣло...
Сномъ отягченныя очи,—
Жизнь въ нихъ давно отгорѣла..
Тѣнью надъ водами
Нимфа качается,
Вся изгибается,
Вся извивается,
Словно изводится
Тайною грезою...
Волны по озеру
Кругомъ расходятся,
Таютъ разводами
Луннаго блеска...
Вздохъ... Трепетаніе
Тихаго плеска...
Шопотъ... Стенаніе...
Въ чащѣ смоковницъ
Птицы безсонницъ
Совы заплакали...
Звѣзды падучія
Съ неба закапали—
Искры летучія,
Блѣдные факелы
Ночи красавицы...
Нимфа качается...
Тише: она вспоминаетъ
Что-то забытое снова...

Тише... Вокругъ воскресаетъ
Тайна Руна Золотого...
Грезы о грезѣ далекой,
Дремлющихъ сновъ отраженье. .
Тѣнью плыветъ огнеокой
Древней Колхиды видѣнье...
Вытянувъ гибкую шею,
Нимфа въ лучахъ серебрится,—
Въ ней воскресаетъ Медея
Тайнаго знанія жрица...
Тѣнью качается,
Вся извивается,
Вся изгибается,
Блѣдно-зеленая
Жрица, влюбленная
Въ отблескъ луны,
Въ древніе сны...
Вотъ она вѣки раскрыла...
Смотрятъ недвижныя очи
Въ ликъ пожелтѣвшей свѣтила,
Въ глазъ потухающей ночи...
Свѣсились къ озеру вѣтви,
Черныя скалы внимаютъ:
Тайну грядущихъ столѣтій
Нимфа подъ утро вѣщаетъ
Вѣтеръ разсвѣтный струится..
Волосы стелятся сѣтью...
Нимфа надъ водами Рица,
Тѣнь позабытая смертью...
О сѣвера люди угрюмаго вида,
Вы сѣрымъ туманомъ закрывшіе лица,—
Вы слышали-ль сказку про озеро Рица,
Про озеро Рица, гдѣ дремлетъ Колхида?

5. РОЗА.

Роза росой умывалася чистою,
Роза красою сіяла лучистою,
И такъ сладостно,
И такъ радостно
На разсвѣтѣ румяномъ цвѣла.
Острой косой на траву, на росистую
Брошена, скошена роза душистая,
И такъ сладостно,
И такъ радостно
На закатѣ она умерла.

6.

На дворѣ подъ шарманку ребенокъ поетъ
Дѣтскимъ голосомъ пѣсни не дѣтскія,—
То печали и плача забытыхъ сиротъ,
То призывной любви молодецкія.
Какъ-то странно и страшно тѣ пѣсни звучатъ
На дворѣ полномъ сырости, плѣсени,
А угрюмыя окна чернѣютъ, молчатъ,—
Безразличны имъ дѣтскія пѣсни...

7. НАДЪ ЮЖНЫЪ МОРЕМЪ.

Въ лазурномъ туманѣ теряется гладь
Лѣниваго, знойнаго моря...
На небѣ чуть видныя тучки,—летать
Имъ весело, съ чайками споря.
Вокругъ на вершинѣ смѣются цвѣты
Въ травѣ ароматной и вольной...
Внизу—пріютились въ долинахъ кусты,
Блеститъ городокъ колокольней...
И тихо, чуть слышно, приливъ и отливъ
Безсчетные шепчетъ привѣты...

Не знаю въ серебрянной рамкѣ оливъ
Гдѣ неба, гдѣ моря просвѣты...
Безгрѣшное солнце надъ миромъ земли
Сіяетъ и манитъ къ покою...
И все говоритъ мнѣ о тихой Любви,
О счастьѣ быть вѣчно съ тобою.

8.

Кто крикнулъ—„понялъ я“? Кто крикнулъ—„я позналъ“?
Онъ лжетъ! Его сомнѣнье тайно гложетъ!
Нѣтъ! Правъ лишь тотъ, чуть слышно кто сказалъ:
„Моя душа почувствуетъ... Быть можетъ“...

9. ГАДАНЬЕ.

Комнатка маленькая,
Лампа керосиновая,
Ширмочка аленькая,
Скатертка малиновая,
Крошечная баночка
Съ вишневымъ вареньемъ,
За столомъ мѣщаночка
Гадаетъ съ упоеніемъ.
— Тузъ, валетъ, девятка
Дальняя дорога,
Будетъ что-то гадко,
Гадкаго не много.
Дама вотъ бубновая!
Будетъ, знать, бѣда
И зима суровая,
Скудная ѣда.
Вотъ восьмерка жданная,
Карта не плоха
Вѣсточка желанная:
Ждать ей жениха.
Долго ждать приходится:
Будетъ ли женихъ,
Все къ тому же сводится—
Буенъ или тихъ.
Эхъ! Какой ни явится!
Будетъ ли? Богъ вѣсть,
Только бы избавиться
Отъ того, что есть.—
По окошкамъ горшочки
Съ вянущей геранью,
Дѣвушка въ платочкѣ
Вѣритъ ли гаданью?

10. ЛѢШЕМУ.

Чудище лѣсное
Добродушно-злое
Все мохнатое,
Волосатое,
Мнѣ въ тебя не вѣрится,
Мнѣ охота смѣриться
Силою-борьбою,
Чудище, съ тобою.
Баютъ, ты прохожаго
Паренька пригожаго
Загонялъ въ чащобу
И срывалъ тамъ злобу;
Для тебя веселье.
Баютъ, коль съ похмѣлья
Кто въ лѣсу заблудется,
Пьянымъ сномъ забудется—
Подослать огневицу...

Иль, поймавши дѣвицу,
Съ ней всю ночь аукаться...
Дятломъ въ сосны стукаться...
Любишь ты ваганиться!
Въ шутку, старый, станется
И въ болото топкое
Заведешь ты тропкою...
Такъ мнѣ люди баяли
Стараго обхаяли;
Только мнѣ не вѣрится...
Хочешь, старый смѣриться
Подъ чащей лѣсною
Шуткою со мною?..

11. БАЛЛАДА.

Королева скончалась съ разсвѣтнымъ лучемъ..
Плачьте, плачьте, ненужныя струны...
Рыцарь умеръ съ разбитымъ, кровавымъ мечомъ
Окровавлена бѣлая лента на немъ...
Плачьте, плачьте, ненужныя струны..
Былъ въ разгарѣ веселый и шумный турниръ,
Бились рыцари въ схваткахъ могучихъ,
Онъ ихъ всѣхъ побѣдилъ, съ ней пошелъ онъ на пиръ
И въ лазурныхъ очахъ обѣщаній былъ міръ
Непонятныхъ, манящихъ и жгучихъ.
Королева скончалась съ разсвѣтнымъ лучемъ,—
Плачьте, плачьте, ненужныя струны...
Съ Нею рядомъ онъ сѣлъ; наконечникъ копья
Бѣлой лентой обвязанъ атласной.—
И онъ ей прошепталъ: „Я люблю! Ты моя...
„Я пѣвецъ... Мнѣ подвластны мечтаній края...
„Королевою будь ихъ прекрасной“...
Не услышалъ отвѣтъ рыцарь пѣсенъ и грезъ
Королевы прекрасной и юной...
Королевскій горбунъ имъ два кубка принесъ..
Въ кубокъ дѣвы упало пять капелекъ слезъ...
Плачьте, плачьте, ненужныя струны...
Рыцарь кубокъ жемчужинокъ слезъ пригубилъ,
Кубокъ рыцаря выпила дѣва,—
Разставанія часъ имъ навѣки пробилъ:
Кубокъ рыцаря полонъ отравою былъ,
И упала безъ чувствъ королева...
Плачьте, плачьте ненужныя струны...
Битвой грозной окончился радостный пиръ,
Много крови пролилось тамъ смѣлой,—
И нарушенъ надолго спокойный былъ миръ. .
Алой кровью окончился славный турниръ
Съ награждающей лентою бѣлой.
Королева скончалась съ разсвѣтнымъ лучемъ...
Плачьте, плачьте, ненужныя струны...
Рыцарь бился съ врагами побѣднымъ мечемъ ..
Пало много... Онъ умеръ съ разбитымъ копьемъ...
Плачьте, плачьте, ненужныя струны...

12. ЗИМНЕЕ.

Горитъ кристальный сводъ серебрянной лазурью,
Холодные лучи играютъ съ ясной глубью,
Жемчужно-матовый лежитъ на крышахъ снѣгъ.
Въ морозномъ воздухѣ пылинки льда сверкаютъ,
Какъ будто ангелы въ немъ крылья отряхаютъ,
Какъ брызги облаковъ, свершающихъ свой бѣгъ.
Сіянье безъ конца: всѣхъ красокъ переходы
Слилъ смерти бѣлый лучъ... И куполъ небосвода
Всю землю превратилъ въ единый свѣтлый храмъ...

И пѣсня бѣлая о небѣ безъ окрайны
Звенитъ въ моей душѣ, постигшей мира тайны,
И рвется, и летитъ къ раскрытымъ небесамъ!

13. ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Лада! Гдѣ ты? Здѣсь твой Лель я...
Травъ сплетемъ мы ожерелья
Въ радости вѣнцовъ!..
Насъ зоветъ лѣсовъ прохлада...
Приходи... Здѣсь Лель твой, Лада...
Ласковъ тихій зовъ.
Надъ журчащими ручьями
Мы украсимся вѣнцами
Свѣжими купавъ...
Лада! Гдѣ ты? Здѣсь твой Лель я ..
Ждутъ насъ радости веселья
Въ изумрудѣ травъ...

Дебютъ Сергѣя Кудинова

1. ВЪ ТРАМВАѢ.

Ты сидѣла одиноко;
На тебя мой взглядъ упалъ,
Но сердито твое око
Вдругъ блеснуло, какъ опалъ.
И, замѣтивъ взглядъ мой длинный
(Былъ къ тебѣ прикованъ онъ)
Изъ-за шалости невинной
Ты покинула вагонъ.
Наша встрѣча длилась мало,
Но я помню тотъ вагонъ.
Гдѣ жизнь сердца замирала
Отъ тебя, мой дивный сонъ
Кто ты, чудное видѣнье
И витаешь гдѣ теперь?
Мнѣ такъ дерзко въ то мгновенье
Распахнувши въ сердце дверь.

2. СМѢХЪ „АРЛЕКИНА“.

Я привыкъ не слезами, а смѣхомъ
Выражать свой душевный разладъ.
Все веселье мое служитъ эхомъ
Лишь того, что въ душѣ моей адъ.
Я смѣюсь, потому что мнѣ тяжко;
Безпросвѣтенъ тяжелый мой путь;
Лишь съ мучительной воли натяжкой
Я таю, что тоска давитъ грудь.
Я смѣюсь, потому что мнѣ больно;
Средь друзей я всегда одинокъ,
Но страданій и тайныхъ довольно
Доставляетъ на долю мнѣ рокъ.
Пусть не знаютъ, какъ въ жизни мнѣ душно,
Пусть зовутъ скоморохомъ пустымъ
Если плакать при всѣхъ малодушно,—
Смѣхъ считаютъ явленьемъ простымъ.

3. НОЧЬЮ.

Ночь ласкаетъ меня, заглянувши въ окно,
Навѣвая фантазіи, грезы,
На душѣ много словъ, на душѣ такъ полно,
На глаза такъ и просятся слезы.
Звѣзды съ неба глядятъ улыбаяся мнѣ.
Грустью ласковой сверху киваютъ,
И дрожащимъ лучемъ по эфирной волнѣ
Свой далекій привѣтъ присылаютъ.

Въ глубинѣ тамъ мерцая, здѣсь счастье сулятъ
Сердцу бѣдному въ жизни постылой
И такъ кротко, такъ нѣжно на землю глядятъ
Въ міръ далекій печали унылой.
Чу! Какъ тихо кругомъ! Одинокій, не сплю,
Отъ тревожнаго дня забываюсь,
Съ ночью темной, со звѣздами я говорю;
Имъ, блестящимъ, однимъ открываюсь.

4. РОНДО.

Лентой безконечной
Тянется дорога.
Съ думою безпечной
Ѣхать очень много.
Все же не наскучилъ
Видъ однообразный
Хоть и дремлетъ кучеръ,
Но поетъ вздоръ разный.
Нѣтъ конца дороги!
Кони рвутъ безъ шуму.
Потеплѣе ноги
Я закуталъ въ шубу.
Дремлется такъ сладко
Въ легкой власти сплина.
Тянется вдоль гладко,
Снѣжная долина.
Мелкій лѣсъ, кустарникъ
Окружилъ дорогу.
Ѣду я лишь, странникъ
Къ милому порогу.

5. ЖЕЛАНЬЕ.

Когда бъ по прихоти я рока
Желанья исполнять всѣ могъ,
Не славы, мудрости пророка
Хотѣлъ бы я, что-бъ далъ мнѣ Богъ.
И не того, чтобъ въ этомъ мірѣ
Я былъ единый властелинъ,—
Нѣтъ, предпочелъ бы я порфирѣ
Твой поцѣлуй всего одинъ.

6. СЛУЧАЙНОЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Нѣтъ ужъ больше темъ поэту,
Для него прошла пора,
Я сознавши правду эту,
Не беру теперь пера.
Тускло на небѣ, уныло
Все кругомъ и холодно.
Это все давно ужъ было
И описано давно.

7. NN.

Одиноко, равнодушно
Долго въ жизни я блуждалъ,
Задыхался въ сферѣ душной
И въ грядущемъ мало ждалъ.
Шелъ безсмысленно, безъ цѣли
Подойти къ чему-нибудь
И не зналъ, когда—въ концѣ-ли,
Иль въ началѣ кончить путь.
Но случайно въ жизни сѣрой
Ты явилась мнѣ, какъ Богъ,
И съ тѣхъ поръ идти безъ вѣры
Безъ надежды я не могъ.
Но была ты шуткой рока,
Ты отвергнула мольбы,
Какъ безстыдный крикъ порока.
Я смирился безъ борьбы.

8.

Мой богъ - богъ свѣтлый
и веселый.
Тургеневъ, „Наканунѣ“.

Мой богъ—богъ мрачный и жестокій,
Немилосердной мести богъ.
Капризный, алчный и всеокій,
Чреватый болями тревогъ.
Къ престолу женственнаго бога
Съ мольбой не поднимайте рукъ.
Бѣгите страшнаго порога
И бойтесь, люди, сердца мукъ!

9.

Горе сердцу, не любившему
съ молоду.
Тургеневъ, „Дворянское гнѣздо“

Горе сердцу, не любившему
Съ молодыхъ, весеннихъ лѣтъ.
Ему послѣ въ жизни—осени
Ни любви, ни счастья нѣтъ.
Но я рано ужъ умѣлъ любить,
Рано проклялъ я любовь
И весны ядъ милой осенью
Не хочу извѣдать вновь.

10.

Кудесникъ, кудесникъ, скажи мнѣ скорѣй,
Что, если погибну я рано
Успѣетъ ли въ сердцѣ у смертныхъ дверей
Зажить устарѣвшая рана!
Кудесникъ, кудесникъ, скажи мнѣ одно,—
Что если вдругъ ранней весною
Опустятъ мой прахъ на могильное дно,
Заплачетъ ли кто на до мною?
И въ чьемъ-нибудь сердцѣ оставлю ли слѣдъ,
Открой мнѣ волхвъ, вѣщимъ гаданьемъ
Иль, можетъ быть, въ жизни погибнувшихъ лѣтъ
Никто не увидитъ страданья.
И даже судить будутъ страшнымъ судомъ
Глумиться надъ честью и званьемъ!
Но лучше молчи, волхвъ объ этомъ одномъ.
Невѣдѣнье лучше, чѣмъ знанье.

11.

Предо мной мелькнули вдругъ
Картины родины далекой,—
Высокій боръ, зеленый лугъ
И домъ старинный, одинокій.
Мнѣ все знакомо тамъ и мило:
Поля, рѣка и темный лѣсъ,
Безъ дна лазурь родныхъ небесъ.—
Въ скитаньяхъ къ нимъ любви моей
Ничто съ тѣхъ поръ не измѣнило.
И вотъ опять краса полей,
Дремучій боръ и соловей,
Какъ въ небѣ крики птичьихъ стай,
Зовутъ меня въ родимый край.

12. ОТЧАЯНІЕ.

Въ минуты печали мнѣ нѣтъ утѣшенья,
Въ минуту тоски я всегда одинокъ,
А жгучихъ и горькихъ обидъ, поношенья

Всегда полнъ мой жизненный бѣдный челнокъ.
Я вижу, что всякій находитъ забвенье
Въ любви или вѣрѣ въ счастливые дни,
А мнѣ нѣтъ ни въ чемъ, о, ни въ чемъ утѣшенья,
А мнѣ ни откуда не свѣтятъ огни.
Я цѣль потерялъ въ мглѣ далекихъ мечтаній,
Я вѣру оставилъ давно позади,
И вотъ безъ идей, безъ надеждъ—ожиданій
Иду, ибо шепчутъ мнѣ сзади: „Иди“!
Не тѣмъ я кажуся другимъ, чѣмъ бываю.
Я—вѣчно подъ маской; вѣдь жизнь — маскарадъ.
Я скорбь отъ людей глубоко зарываю
О, нѣтъ, человѣкъ человѣку не братъ!

Николай Лубнинъ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Утомительно стучатъ колеса...
Непригляды исцарапанныя койки...
Надоѣдливъ дымъ дешевой папиросы,
Смыслъ рѣчей забавныхъ и нестойкихъ.
На стеклѣ вагона съ ночи арабески
Драпируютъ надоѣвшіе пейзажи...
Солнце свѣтитъ въ предвесеннемъ блескѣ..
Паръ плыветъ, смѣшавшись густо съ сажей...
И мелькаютъ, и мелькаютъ, монотонно:
Перекладины мостовъ въ нелѣпомъ танцѣ,
Рядъ поселковъ, снѣгомъ занесенныхъ,
Водокачки и вокзалы станцій...
Духота и пыль въ натопленномъ вагонѣ;
Вѣетъ скукой отъ немытыхъ оконъ..
Дымъ вдали рѣдѣетъ медленно и тонетъ
Прядью легкихъ, маленькихъ волоконъ...

Дебютъ Георгія Казарова.

1.

Нѣтъ солнышка и нѣтъ живой былинки,
И нѣтъ небесъ бездонной синевы.
Но есть морозъ и нѣжныя пушинки—и Вы!.
Вы говорите что-то дѣтски важно,
А я любуюсь блескомъ Вашихъ глазъ.
А голосокъ, намѣренно-протяжный—
Какъ выдаетъ онъ маленькую—Васъ!
Я Васъ смущаю восхищеннымъ взглядомъ,
О, хрупкое, о, нѣжное дитя!
И все боюсь—а вдругъ, недѣтскимъ ядомъ
Я Вашу душу отравлю, шутя?..
И будетъ мигъ...—такой-ли онъ желанный,
Такой-ли яркій, чтобъ черезъ него
Вошли Вы въ грязно-сладкіе туманы,
Отдавши святость сердца своего?
Ахъ, нѣтъ прекраснѣй одного предѣла:
Невѣдѣнье—какъ нѣжный дѣтскій сонъ!
А зной несмѣлый молодого тѣла
Въ лучистомъ взглядѣ мягко отраженъ...

. . . .

Мы сѣли въ сани. Трудно въ нихъ: безъ спинки
Обнялъ. Поднять не смѣю головы.
Красивый сонъ! Пушистыя снѣжинки—и Вы!..

2. СВѢТЛАЯ СТРАНИЧКА.

Гляжу на твой портретъ. Ласкаю
Твои глаза и тонкій станъ.
И вспоминаю, вспоминаю
Нашъ неоконченный романъ.
Я вспоминаю наши встрѣчи
Въ аллеяхъ дальнихъ и глухихъ.
Любилъ твои глаза и плечи,
Но не смутилъ невинность ихъ.
Вся хрупкая, въ нездѣшней власти,
Порывы нѣжные тая,
Ты такъ боялась яркой страсти,
И такъ съ собой боролся я!..
Я помню: трепетно, несмѣло
Хотѣлъ къ груди твоей прильнуть.
Ты испугалась, онѣмѣла...
Сказала жуткое: „Забудь“...
Былъ вечеръ ласково-лазурный,
Переходившій въ лоно тьмы...
Моей любви, земной и бурной,
Ты не взяла. Разстались мы..
Быть можетъ—ты права, святая,
И вся любовь моя—обманъ?..
...Я съ нѣжной болью вспоминаю
Нашъ неоконченный романъ...

3. ВЪ СУМЕРКАХЪ ВЕЧЕРНИХЪ.

Въ сумеркахъ вечернихъ непонятно-грустно,
Непонятно-грустно погасаютъ тѣни...
Въ сумеркахъ вечернихъ пѣнье многоустно,
Многоустно пѣнье трепетныхъ видѣній...
Въ сумеркахъ вечернихъ утихаютъ шумы.
Утихаютъ шумы. Тишина колдуетъ—
—И тоской неясной и тоской безъ думы,
Сладкою тоскою сердце зачаруетъ.
Въ сумеркахъ вечернихъ ждешь внезапной ласки,
Ждешь внезапной ласки рукъ наивно-блѣдныхъ...
И тревожно вѣришь нѣжнотканной сказкѣ,
Милой, ложной сказкѣ, въ краскахъ многоцвѣтныхъ.
Сказка очаруетъ сердце такъ искусно!
Я повѣрю сказкѣ—хоть на рядъ мгновеній..
Въ сумеркахъ вечернихъ непонятно-грустно
Непонятно грустно погасаютъ тѣни...

4.

Я тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ не нуженъ.
Мы съ тобой знакомы лишь два дня.
Пріоткрыла милый рядъ жемчужинъ,
Разсмѣялась ты—не для меня.
Я съ тобой совсѣмъ, совсѣмъ послушный.
Ночь и звѣзды новый свѣтъ таятъ.
Я грущу, какъ будто равнодушный,
Въ тайной жаждѣ—уловить твой взглядъ.
Я хочу совсѣмъ, совсѣмъ влюбленно
Заглянуть въ спокойные глаза,
Чтобы въ нихъ наивно и смущенно
Вдругъ занялась вешняя гроза.
Я хочу совсѣмъ, совсѣмъ случайно
Разгадать нежданно, вотъ сейчасъ,
Дѣвичью, ласкающую тайну,
Скрытую въ сіяньи этихъ глазъ.
Завтра я совсѣмъ (совсѣмъ?) забуду,
Для другихъ иныхъ твои глаза.
Но сегодня для меня повсюду
Глазъ твоихъ сіяетъ бирюза.
Я тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ не нуженъ?
Но въ лучахъ вечерняго огня

Кругъ нашъ нѣжный, кругъ нашъ сладкій суженъ,
Ты мелькомъ взглянула на меня...

5.

Изъ окна проплывшаго вагона
Ты прощально улыбнулась мнѣ.
Я остался средь толпы и звона,
Съ тонкой раной, гдѣ-то въ глубинѣ...
Я ушелъ одинъ съ перрона,
Погрустить о промелькнувшемъ днѣ.
Можетъ быть, люблю тебя? Не знаю.
Только знаю прелесть сладкихъ мукъ:
Я твою улыбку вспоминаю
И нѣмую нѣжность милыхъ рукъ.
Можетъ быть,—всего лишь—чары Мая,
Только знаю: въ сердцѣ—мягкій стукъ...

6.

Въ зрачки твои гляжу, счастливый:
Въ нихъ я такъ ясно отраженъ!
Какъ маленькій портретъ, стыдливо
Укрытый въ малый медальонъ.
И значитъ правда, дорогая,
Что жизнь безумно хороша:
Въ твоихъ глазахъ—я вѣрю, знаю—
Отражена твоя душа!..

7. ОСЕНЬЮ.

Оттого-ль, что осень помертвѣлая
Съ темной ночью мнѣ въ окно глядитъ,
Оттого-ль, что вѣтеръ, съ силой смѣлою
Жутью темной въ улицахъ гудитъ
Я не сплю, тревогою охваченный,
Такъ неясно-жуткой по ночамъ.
Я ищу мечты, давно растраченной
По ненужнымъ, да по злымъ путямъ.
Ты одна теперь—моя любимая!
Ты придешь и сядешь здѣсь, со мной.
Я усну, съ мечтой неуловимою,
Убаюканъ ласковой рукой.
Я съ тобой—и снова мальчикъ чистый я.
Я съ тобой—былого нѣтъ слѣда!..
Ты поймешь?.. Гляжу въ глаза лучистые.
Ты простишь?.. Ты плачешь?.. Плачешь!.. Да?..

8. ПЕРЧАТКИ.

Иногда причуды милой
Такъ смѣшны и сладки:
Вдругъ однажды подарила
Мнѣ свои перчатки.
Помню вечеръ. Санокъ снѣжныхъ
Легкій бѣгъ. Я—съ нею...
Пару кожицъ бѣло-нѣжныхъ
Я теперь лелею.
Внутрь, въ перчатку, гляну, дай-ка:
Сколько милой были;
Тамъ, подъ мягкой бѣлой лайкой,
Пальцы милой были!
Будто что-то и сейчасъ тамъ
Нѣжное осталось!
Сердце звонко, въ стукѣ частомъ
Счастью отозвалось!
Потянулось, рвется съ жаждой
Къ счастью, съ страстной силой!..
...Я цѣлую пальчикъ каждый
На перчаткахъ милой!..

9. СЕСТРѢ,

у которой очень маленькій ростъ и очень красивое личико.

Съ красивымъ личикомъ, съ фигуркой малою,
Ты вѣсишь съ шубкою, ну—пуда два.
Грустишь, что „двадцать лѣтъ“, что ты усталая...
(Шестнадцать лѣтъ тебѣ, на видъ, едва).
Все только начато, пойми-же милая!
Ты только вдумайся —и не грусти.
Жизнь надо съ боя брать... А ты унылая.
А счастье ждетъ тебя въ твоемъ пути!
Ты вспомни: Дѣтскія проказы—шалости,
И садъ съ бесѣдкою, и игръ часы
Какъ часто доблестно, не знавъ усталости,
Съ качель срывались мы—и въ кровь носы!
Но забывали мы всѣ огорченія
Мгновенно, походя, чтобъ вновь и вновь
Безумной шалости познать мгновенія!
И пѣла радость въ насъ, и пѣла кровь!..
Такъ въ жизнь входи теперь, имѣя главное:
Какъ прежде ясной будь—и съ плечъ гора!
Далекихъ дней моихъ подруга славная,
Миніатюрная моя сестра!

Дебютъ Вл. Королева.

1.

Блѣдный сонъ мой, сонъ мой долгъ
Въ тусклой тишинѣ
Закрываетъ темный пологъ
Сердце мрачно мнѣ.
И лежу, лежу я вѣчно,
Въ сумракѣ могилъ
Чутко слышу безконечный
Жизни шумной пылъ.
Слышу, какъ надъ соннымъ прахомъ
Вѣютъ звонко дни,
Какъ ночнымъ объяты страхомъ
Падаютъ они;
Какъ, дыханіемъ желѣзнымъ
Рѣжа города,
По полямъ, по злобнымъ безднамъ,
Мчатся поѣзда;
Какъ, среди огней, машины
Яростно гремятъ
И склоняетъ жалко спины
Черныхъ ратей рядъ
Какъ плывутъ по волнамъ синимъ
Корабли въ туманъ,
Какъ блуждаетъ по пустынямъ
Желтымъ, караванъ
Слышу я весь жизни шумной
Безконечный крикъ,
Онъ въ чертогъ мой безраздумный
Ропотомъ проникъ.
И лежу, лежу, лѣниво,
Слушая, безъ силъ,
Многозвучный, торопливый
Жизни шумной пылъ...

2. ВЕСНА

Тамъ, вдалекѣ, надъ желтой пылью,
Надъ сѣрымъ городомъ моимъ.
Поетъ весна и ширитъ крылья,
Отдавшись далямъ голубымъ.
И тишина надъ нею движетъ
Мечты прозрачныхъ облаковъ.
Ихъ легкій летъ лазурно нижетъ
Очарованья томныхъ сновъ.
И, побѣжденная весною,
Уходитъ снѣговая мгла,
И лаской солнца золотою
Земля веселая свѣтла.
Но сердце тихое устало,
Не вѣритъ грезамъ голубымъ:
Весна навѣки запоздала
Надъ сѣрымъ городомъ моимъ...

3. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Сонный воздухъ не тревожа,
Затаивъ свой тяжкій гнѣвъ,
Смотритъ съ мраморнаго ложа
Горделивый мощный левъ.
Тихой сказкѣ водъ далекихъ
Молчаливо внемлетъ онъ
И въ глазахъ его глубокихъ
Отразилъ лазурный сонъ.
Вкругъ него лучамъ палящимъ
Сэлнцу ласковому пиръ;
Залитъ золотомъ блестящимъ
Голубой полдневный міръ.
Но упорной занятъ думой
Затаивъ тяжелый гнѣвъ
Онъ молчитъ, молчитъ угрюмо,
Горделивый мощный левъ.

4. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Молчаливый, безтревожный,
Блѣдный, грустный и больной,
Онъ вникалъ мечтою ложной
Въ таины смерти голубой.
Онъ считалъ въ тиши минуты
Сновъ безумныхъ и нѣмыхъ,
Разрывая злыя путы
Скучныхъ лепетовъ земныхъ.
Онъ слѣдилъ душой безгласной
Знаки вѣщіе свѣтилъ
И напрасный, безучастный,
Безполезный жизни пылъ.
Онъ читалъ слѣпыя строки,
Черной книги письмена,
Безтревожный, одинокій
И холодный какъ волна...

Дебютъ Е. Цедербаумъ.

1.

Ты прислалъ мнѣ хризантемы,
Но безъ слова безъ записки.
Хризантемы вѣчно нѣмы,
Вѣчно холодны, не близки.
Ты прислалъ мнѣ хризантемы,
Ярко-желтыя, большія,
Хризантемы—для гарема,
Непонятныя, чужія
А бывало, мнѣ мимозы
Посылалъ ты, уѣзжая.
Мнѣ мимозы, будто слезы,
На прощанье оставляя.
Ароматъ твоей мимозы
Долго-долго сохранялся,
Ароматъ мимозы—грезы
Возвращенья дожидался...

2.

Еще душа ея чиста,
И грудь лобзаньями не смята,
И дѣтскихъ взоровъ чистота
Огнемъ желанья не объята.
Но почему она дрожитъ,
Боится трепетно признанья,
И такъ испуганно бѣжитъ
Отъ каждой встрѣчи и свиданья.
Порой невинная рука
Ее нечаянно задѣнетъ...
Сейчасъ же трепетъ и тоска
Ея спокойствіе замѣнитъ.
Когда же раннею весной
Любовь незримая витаетъ,
Средь смѣха шумнаго порой
Она нежданно зарыдаетъ.
Ея порывовъ не понять...
Вопросъ является невольно;
За что должна она страдать,
Зачѣмъ ей горестно и больно?
Еще не вѣдая страстей,
Она—предчувствіе лобзанья,
И ужъ скользитъ слегка по ней
Грядущей страсти содраганье.

3.

На моемъ столѣ увядшая мимоза.
Боже мой, какъ ты хрупка!
Какъ неясная дѣвичья греза
Ты прозрачна и легка!
Я грущу и плачу надъ тобою,
Но и я сама такая же мимоза,
Кто же надо мною склонится съ тоскою?
Надо мною кто проронитъ слезы?

4. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Не Христу молюсь—Спасителю Вселенной—
Я душой наивной и смиренной,
И не Господу—Великому Отцу—
Возсылаю я молитвы и хвалу.
Я молюсь Мадоннѣ—Чистой Дѣвѣ,
Женщинѣ, дитя зачавшей въ чревѣ,
Матери земли, луговъ, полей,
Птицъ, цвѣтовъ и гадовъ и червей,
Я съ мольбой свои слагаю руки
И несу ей радости и муки,
Вешнія и дѣтскія печали,
Все, что днемъ мои уста шептали,
— Ты Одна, и Женщина и Мать
Научаешь насъ прощать и понимать.
И Твой свѣтлый, праздничный алтарь
Не цвѣтами уберу какъ встарь.
Вмѣсто ризы пышной и богатой,
Принесу цвѣты души несмятой.
Ты ихъ примешь, Ласковая Мать,
Ими храмъ свой будешь украшать...
И разсыплю я сокровища души

Въ благовонной, благостной тиши.
И Святая Мать Пречистая Его
Не отвергнетъ дара моего.

5.

Не трогай, не трогай... Мои лепестки
Такъ бѣлы, и хрупки, и нѣжно легки.
Едва прикоснулся,—и ихъ уже нѣтъ.
Проходитъ мгновенно ихъ запахъ и цвѣтъ.
Прозрачны и чисты мои лепестки,
Они,—какъ летящіе вдаль мотыльки.
Сожженные разъ—возродятся ли вновь.
Какъ бабочкѣ пламя, страшна имъ любовь.
Не трогай... Блѣднѣютъ мои лепестки...
Взгляни,—тамъ мелькаютъ вдали огоньки...
Что стоитъ имъ снова зажечься блеснуть?
А я—только разъ совершаю свой путь.

6.

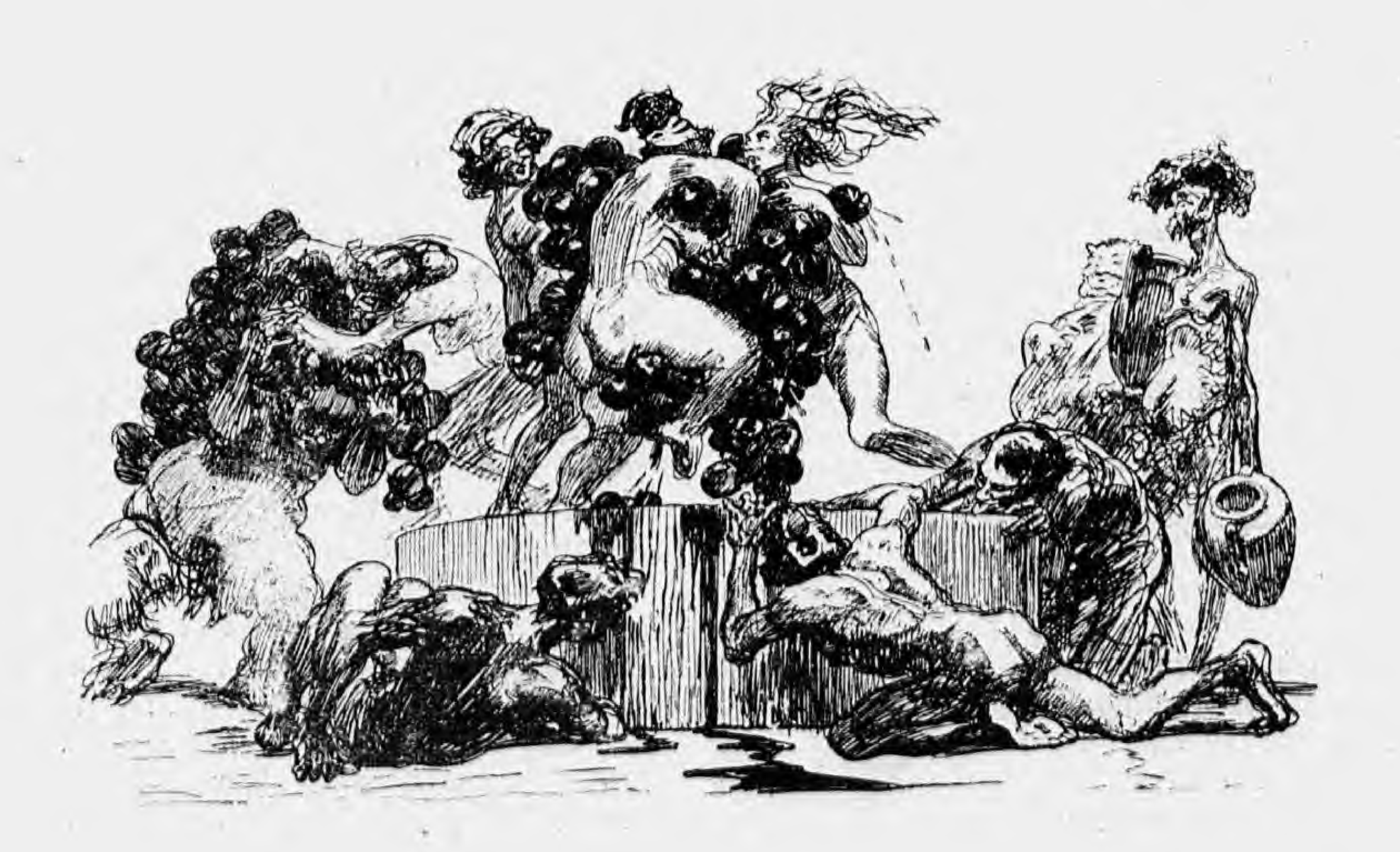
Мы въ темной комнатѣ сидѣли,
Мерцали свѣчекъ огоньки...
И звуки музыки звенѣли
И раздавалися вдали.
Чуть слышно ноты шелестѣли,
Послушно вздрагивалъ рояль.
И пальцы длинные бѣлѣли,
Зовя въ невѣдомую даль.
Рождались звуки, умирали,
Склонялась къ нотамъ голова.
И пальцы клавиши ласкали,
До нихъ касаяся едва.
Уныло свѣчи догорали,
Въ душѣ рождалася тоска...
На крышкѣ темнаго рояля
Бѣлѣла женская рука...

7.

Быть можетъ, ты—рыцарь Грааля,
Съ серебрянно-блѣднымъ лицомъ,
Въ кольчугѣ изъ кованной стали,
Съ отточеннымъ остро мечемъ.
Быть можетъ, ты викингъ суровый
Далекихъ невѣдомыхъ странъ,
Къ скитаньямъ и битвамъ готовый,
Не знающій страха и ранъ.
Быть можетъ, ты—изгнанный геній,
Съ незнающей міра душой,
Дал.къ отъ людскихъ сожалѣній,
Не понятый грубой землей,
Быть можетъ, ты—сказка больная,
Капризной фантазіи плодъ,
И скоро дѣйствительность злая
Далеко тебя унесетъ.
Пускай... Но мгновенье прекрасно,
О чемъ я мечтала давно,
Я вижу исполненнымъ властно,
И трепета сердце полно.
И снова ты—изгнанный геній,
Какого никто не встрѣчалъ,
И пью я безъ всякихъ сомнѣній
Исполненный ложью бокалъ.

8.

На мхѣ зеленомъ и узорномъ
Такъ странно на зарѣ лежать.
Движеньемъ радостнымъ, покорнымъ
Всю землю сразу обнимать.
Ахъ, сколько странной, сладкой муки,
Когда, отдавшися землѣ,
Невольно простираешь руки
Въ неощущаемой тоскѣ.
Всю жизнь до смерти отъ рожденья
Намъ надо медленно пройти,
Чтобы къ землѣ прикосновенье
Дало намъ истину найти.
А я подъ пышною листвою
Нежданно истину нашла,
И, обручившися съ землею,
Всю мудрость жизни обрѣла.





„ФРОЙЛЕЙНЪ".

Вовочка—такое нѣжное, полудѣтское, сладкое имя.

Когда я произношу его, мои губы улыбаются. Ему было только двѣнадцать лѣтъ, онъ носилъ синюю куртку съ блестящими пуговицами, у него были смѣшныя круглыя бровки и нѣжно алыя губы. И въ сущности онъ былъ совсѣмъ маленькій мальчикъ и только большой забіяка. Какъ онъ дрался въ гимназіи и какіе синяки приносилъ домой. И я припоминаю какъ онъ говорилъ: „было бы очень нехорошо, если-бы я получалъ пятерки—они принадлежатъ Богу,—у меня четыре съ крестомъ". Четыре для того, чтобы мама не сердилась, а крестъ для моей фройленъ, она же помогаетъ мнѣ", объяснялъ онъ. Да, и онъ такъ говорилъ: „для моей *Фройленъ*".

Онъ былъ разбойникомъ въ гимназіи, а когда его побѣждали, ему говорили, дразнили,—„какой же ты мальчикъ, ты маленькая дѣвочка,—у тебя фрейленъ".

— Не смѣй!—кричалъ Вовочка. Позже онъ сжималъ маленькія руки и говорилъ:—Вы ничего не понимаете, я большой, я мужчина.

А ему было двѣнадцать лѣтъ.

Когда, сначала, Фройленъ поступила въ домъ, она была робкой и тоненькой, ей было 17, а Вовочка только недавно снялъ платьице; и они начали со сказокъ и съ того, что складывали кубики и играли въ лошадки.

Потомъ они вмѣстѣ выросли.

Фройленъ выросла, она высокая и красивая. У нея ловкія руки, она все умѣетъ—эта Фройленъ. Но когда Вовочкѣ будетъ двадцать три года—онъ будетъ еще выше, здоровѣй и ловче—онъ часто говорилъ объ этомъ.

— Но ты будешь удивительно красивъ—добавляла Фройленъ—и счастливъ.

— А это хорошо быть красивымъ?

— Да очень хорошо.

— А счастливымъ? Что это такое-счастье, такъ часто повторяютъ.

Но Фролейнъ не могла объяснить этого—она была молода и одинока.

Когда вырастешь, говорила она—теперь ты еще не поймешь.

У Вовочки была слишкомъ хорошая память, и онъ помнилъ все:—кубики, лошадки и сказки; онъ помнилъ о медвѣдяхъ о бѣлыхъ и черныхъ „Bern“ въ сказкахъ.

Я помню еще, какъ онъ прятался въ колѣняхъ Фройленъ и какъ храбрясь говорилъ:—„Когда мы встрѣтимъ ихъ въ лѣсу, мы убѣжимъ шибко... на лошадяхъ... Я сильно натяну возжи вотъ такъ!!! И мальчикъ бралъ Фройленъ за косы:—„Это упряжь,—говорилъ онъ,—хорошая упряжь, даже у лошадей не бываетъ такой. Не сердись Фройленъ; я знаю, что ты не лошадка и я тебя очень люблю“.—„Милый Вовочка“,—„Милая дорогая дѣвочка,—онъ обхватывалъ Фройленъ за шею, „О“! онъ говорилъ „liebe Freulen я боюсь страшно“—тогда они засыпали вмѣстѣ на дѣтскихъ кроваткахъ.

И такъ какъ у него была хорошая память, то въ двѣнадцать лѣтъ, онъ часто просилъ:—
—Разскажи мнѣ что нибудь на ночь а послѣ заснемъ вмѣстѣ, какъ тогда когда мы были маленькими“.

Нельзя говорила Фройленъ—„Ты уже большой; вѣдь ты не боишься“?

И она цѣловала мальчика и говорила—„покойной ночи“—иногда же Фройленъ цѣловала въ губы, тогда она краснѣла и оглядывалась на дверь.

Но „иногда“ бывало чаще, чѣмъ могло-бы быть.

Мальчикъ сердился:—я не хочу, чтобы ты смотрѣла на дверь, хочу, чтобъ на меня. Знаешь, когда ты цѣлуешься, ты дѣлаешься еще красивѣе—у Фройленъ лицо становилось бѣлымъ:
—молчи.

Онъ говорилъ, что Фройленъ цѣловала гораздо лучше, чѣмъ мама, мама только касалась губами, а Фройленъ цѣловала крѣпко, и отъ Фройленъ пахло духами... какъ цвѣты, и онъ повторялъ:—„Усни со мной, усни со мной“!

Онъ повторялъ это слишкомъ часто.

Я припоминаю другое—утромъ онъ всегда купался, этотъ милый разбойникъ, тогда онъ говорилъ—„Я не хочу, чтобы ты мнѣ помогала, а зачѣмъ ты сказала вчера, что я большой,—папу не обтираетъ Фройленъ“—и когда онъ былъ раздѣтъ,—онъ выглядѣлъ какъ маленькій Фебъ, такое стройное, такое нѣжное тѣло, и эта низко остриженная голова и дѣтски ясные сначала, пытливые синіе глаза... вѣдь ему же было двѣнадцать лѣтъ.

И вотъ это случилось,—но Фройленъ не виновата, что это вышло такъ.

Была такая снѣжная буря, и вѣтеръ такъ стучался въ окна и вылъ какъ овчарка; кромѣ того потухла лампадка—это было въ воскресенье, и горничная, торопясь въ гости, забыла добавить масла.

О, вѣрьте Фройленъ—она не погасила лампадки, огонь потухъ самъ.

Мальчикъ проснулся ночью:—„Фройленъ, ты спишь“?—спросилъ онъ тихонько—Отчего темно. Но Фройленъ не спала, она лежала вытянувшись, и щеки и губы у нея горѣли, потому что въ комнатѣ было сильно натоплено.—„Отчего темно?—повторилъ Вовочка,—я боюсь, иди ко мнѣ, Фройленъ... пожалуйста“...

И Фройленъ даже имѣла мужество отвѣтить:—„Не говори глупостей, спи—не бойся. Я не сплю“.

Онъ перебѣжалъ босикомъ и сѣлъ на край постели.—„Слышишь, Фройленъ, какой вѣтеръ, навѣрное холодно на улицѣ. Какъ папа вернется домой—онъ замерзнетъ; онъ пріѣдетъ на саняхъ—рѣшилъ Вовочка, подумавъ.—Мнѣ тоже холодно—сказалъ онъ—я въ одной рубашкѣ“.—Тогда Фройленъ подвинулась и сказала:—„Прилягъ—она же не могла поступить иначе, мальчикъ зябнулъ, онъ могъ простудиться. Теперь онъ обрадовался, онъ весело шепнулъ:—„Теперь мы уснемъ какъ давно, какъ маленькіе“. Онъ поцѣловалъ Фройленъ и прижался, онъ такъ тѣсно прижался.

Ахъ, не вините такъ жестоко фройленъ за то, что она прильнула къ мальчику такъ, словно это не былъ мальчикъ... онъ былъ такъ соблазнительно красивъ, не осуждайте фройленъ,—она была женщина, и у нея такъ стучало въ вискахъ, и она была все же еще молода и одинока, и она больше, чѣмъ любила этого мальчика, какъ это ни странно.

— Я помню... я помню, что онъ говорилъ, какъ хорошо, какъ хорошо, что съ нами—мы летимъ...

— Это — счастье, — назвала фройленъ. Она обнимала мальчика, она такая сильная, высокая.

— Ты моя милая, моя золотая, я тебя больше всего на свѣтѣ люблю, больше мамы...—онъ путалъ слова.

Горячія свѣжія полудѣтскія губы и ласки неумѣлыя... Милый, милый мальчикъ, милая вьюга, милая потухшая лампадка и украденная радость. Не говорите, что это преступленіе—развѣ преступно быть счастливымъ. Когда раздался на парадномъ звонокъ, фрейленъ вскочила и заперла дверь на затворъ для того, чтобы можно было не разставаться до утра.

Пришла вторая ночь и третья и четвертая... онъ быстро научился любить, этому такъ быстро научаются.

Вовочка, фройленъ убѣжала отъ тебя черезъ двѣ недѣли, фройленъ испугалась,—ты сталъ требовательнымъ маленькимъ любовникомъ, и такъ измѣнился, у тебя сдѣлались такіе круги подъ глазами, ты такъ странно держалъ себя днемъ и мать говорила, что ты, вѣроятно, боленъ, и даже получилъ двойку, а когда я хотѣла помочь тебѣ въ урокѣ, ты, не хотѣлъ слушать, ты хотѣлъ только цѣловаться, мой мальчикъ... Мать думала, что ты боленъ, но кто же лучше меня могъ знать твою болѣзнь. О, какъ нетерпѣливо ждала ночи, мое маленькое, мое бѣлокурое счастье. И вотъ я ушла отъ тебя.

Я была фройленъ въ Россіи когда-то, не такъ давно, и это было со мной.

Я сама ограбила жизнь на нѣсколько ночей, И если бы я не украла, то ихъ бы у меня не было.

Я была бы еще бѣднѣе.

Теперь тебѣ должно быть двадцать съ лишнимъ лѣтъ. Не можетъ быть, чтобы ты забылъ меня—вѣдь я же научила тебя любить наслажденіе.

Теперь ты знаешь многихъ женщинъ. И если ты распутенъ потому что я такъ рано отравила тебя... и если тебѣ пусто и холодно въ мигъ любовнаго обряда... Вовочка милый Вовочка, самое милое существо въ мірѣ—тебѣ надо простить свою фройленъ. И она больше и пламеннѣе, чѣмъ любила тебя.

Теперь она такъ одинока. Не молода и одинока. Въ маленькомъ городкѣ, гдѣ живетъ фройленъ ее называютъ: „alte Mädchen“ и фройленъ хочетъ, чтобы ты иногда думалъ о ней. Мальчикъ, милый мальчикъ!

Н. Аркина.

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Лидочкѣ

Онъ былъ очень впечатлительнымъ человѣкомъ. Онъ былъ художникомъ. Творчество, это вѣчное сладостно-напряженное трепетаніе души въ со зерцаніи Неба, еще болѣе обострило и развило въ немъ его природную чуткость. Оно всецѣло захватывало его. За работой онъ волновался, въ груди загоралось солнце, на обычно блѣдныхъ щекахъ выступалъ румянецъ. Онъ жадно пилъ тогда воду и снова и снова катилъ въ гору свой жерновъ.

Теперь онъ заканчивалъ картину „Вдохновеніе“, и каждый мазокъ въ ней (онъ это чувствовалъ) былъ матеріальнымъ воплощеніемъ частицы его души. Поэтому онъ не удивился бы очень, если бы эта картина жила бы, и ея символы сошли бы на землю. Это для него не было бы чудо.

Сегодня, когда онъ оторвался на минуту отъ мольберта, чтобы протянуть руку къ графину съ водой, ему припомнилась одна сказка, которую разсказывала ему въ дѣтствѣ старушка-няня. Однажды зимой хоронили какого-то военнаго генерала. Было трудно дышать на морозѣ, и густой паръ вился отъ дыханія. Иней одѣлъ деревья въ бѣлыя ризы, и было гакъ холодно, что звуки замерзали въ воздухѣ. Вы понимаете?.. Музыка играла, а звуковъ совсѣмъ не было слышно—замерзали. А когда пришла весна, свѣтлая солнечно-золотистая весна, когда все стало оживать и расцвѣтать къ счастью, когда за городомъ радостно заговорили ручьи, а на улицахъ газетчики стали звончѣе выкрикивать названья газхтъ — однажды вдругъ надъ зарождающейся жизнью пронеслись странные, скорбные звуки похороннаго марша. Пронеслись и растаяли гдѣ то въ вышинѣ. Онъ началъ думать о глубокомъ смыслѣ и красотѣ этого символа, и въ его ушахъ вдругъ ясно и отчетливо, помимо желанія, началъ звучать траурный маршъ Шопена. Чтобы настроить себя на веселый ладъ онъ сталъ насвистывать како-то безшабашный мотивъ, затѣмъ подошелъ къ окну и долго сморѣлъ на улицу. Не видно ли почталіона?.. Нѣтъ, не видно..

Погода была великолѣпная, совсѣмъ весенняя. Солнца такъ много, такъ много!.. Настроеніе у него съ самаго утра было чудное. Его странная способность души, впитывать, вбирать въ себя окружающее все, что увидитъ, все, что услышитъ, сегодня была особенно обострена, и ему почему-то казалось, что сегодняшній день для него будетъ очень счастливымъ.

— Войдите! Вошла горничная и подала письмо.

— Мнѣ письмо?!.

— Да, баринъ...

Такъ и есть... Изъ Ниццы! Онъ узналъ ея подчеркъ. Боже! какъ много онъ ждалъ отъ этого письма! Что-то оно ему несло, счастье или отчаянье?

Торопливо разорвалъ конвертъ и быстро началъ пробѣгать взоромъ мелкія, бисерныя строчки. Онъ читалъ, и чудный. невыразимый восторгъ сталъ захватывать духъ, переполнилъ все его существо, сталъ рости, рости и тѣснить грудь. Онъ вдругъ неожиданно разсмѣялся. Упалъ въ кресло и смѣялся славнымъ, заразительнымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Ура! Таня—моя невѣста! Она меня любитъ! Она сама мнѣ объ этомъ пишетъ. Боже, какъ я счастливъ!—думалъ онъ, опьяненный восторгомъ. Онъ подошелъ къ окну.

Ахъ, какъ хорошо. Вся улица залита золотомъ солнца, и окна домовъ пылаютъ пурпуромъ. Гдѣ то далеко играетъ музыка. Онъ сегодня во всѣхъ былъ влюбленъ, готовъ былъ всѣхъ обнимать и ему хотѣлось всѣмъ говорить „ты“.

Весенній воздухъ былъ странно-звонкій, чуткій... Сегодня ясно были слышны даже самые отдаленные звуки, которыхъ въ другіе дня воздухъ совсѣмъ не передавалъ. Какая это музыка слышится вдали? „Это—военная музыка“—рѣшилъ онъ.

— Таня—моя невѣста!.. Таня—моя невѣста!.. радостно повторялъ онъ. Ему казалось, что въ этихъ словахъ скрыто чудное и большое, какъ солнце, счастье. Ему хотѣлось повторять эти слова безъ конца, ему хотѣлось, какъ маленькому кричать, рѣзвиться, шалить. Онъ смѣялся, ходилъ изъ угла въ уголъ, потиралъ руки и раскланивался передъ пустой студіей.

Но что это за музыка, которая все звучитъ въ его ушахъ, такая далекая и неясная? Чу!.. Что тамъ играютъ?... Онъ остановился и внимательно прислушивался. Гдѣ-то далеко военный оркестръ игралъ похоронный маршъ Шопена.

— Ахъ, опять этотъ похоронный маршъ! Вчера я отъ него не могъ отвязаться и сегодня повторяется то же самое!—подумалъ онъ.

Его восторженная радость исчезла, имъ овладѣло непріятное волненіе и изъ глубины души стала выползать смутная тревога. Ему стало что то страшно. Можетъ быть, его счастье—чудная, дорогая и очень хрупкая ваза, которая можетъ очень скоро разбиться?.. Какъ знать...

Одна за другой съ хрустальнымъ, грустнымъ звономъ падали капли воды въ умывальникѣ.

Затѣмъ онъ вспомнилъ, что Таня очень любитъ музыку, что, играя, она вкладываетъ въ рояль свою душу, и похоронный маршъ Шопена у нея выходитъ особенно вдохновенно. Его душевная тревога стала немного утихать.

Да, Таня очень любитъ музыку, и ее всѣ считаютъ большой музыкантшей.

Онъ сидѣлъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и думалъ, думалъ... Вчера перевезли на выставку его картину „Вдохновеніе“. Онъ выбросилъ на рынокъ часть своей души. Выбросилъ и скрылъ душевную боль. А теперь душа остеклянѣла отъ боли, а изъ сердца все сочится и сочится пунцовая кровь.

По временамъ онъ поднималъ глаза на большой, во весь ростъ, портретъ Тани, его невѣсты, висѣвшій на противоположной отъ дивана стѣнѣ, Странная немного эта Таня- Въ свои слова она всегда вкладываетъ какую то глубокую, волнующую значительность.

— Смотрите—на небѣ кровь!—говорила иногда она такъ испуганно, такъ серьезно.

Онъ взглянулъ на портретъ, и ему показалось, что въ ея большихъ мерцающихъ глазахъ была какая-то ѣдкая грусть. Всегда нѣжная, въ минуты волненія она прикусывала губы такъ, что

онѣ окрашивались алой кровью. Внѣшностью она была похожа на чудную, дорогую и очень хрупкую вазу.

Онъ опять поднялъ глаза на портретъ и вспомнилъ, какъ нѣсколько дней назадъ онъ получилъ отъ Тани письмо, и какъ его глубоко взволновалъ, доносившійся все время съ улицы, похоронный маршъ Шопена. Припомнилъ, какъ онъ старался (уже день послѣ этого) себя успокоить тѣмъ, что—можетъ быть, это ему только такъ показалось... А если кто-нибудь и умеръ, то ему-то что до этого? Мало ли людей умираетъ?

И вотъ теперь, глядя на ея портретъ, на ея глаза, на носъ съ горбинкой на блѣдно-матовомъ лицѣ онъ, вдругъ догадался, что Таня можетъ умереть. Удивительно, что эта догадка явилась въ его душѣ внезапно, и раньше онъ никогда не допускалъ такой возможности. Въ первыя мгновенія онъ совсѣмъ спокойно отнесся къ этому. Таня можетъ умереть? Что-жъ!.. Это такъ и должно быть, и ничего тутъ страннаго нѣтъ. Но потомъ, когда онъ почувствовалъ, что предчувствіе переходитъ въ увѣренность, а затѣмъ можетъ стать и убѣжденіемъ, онъ очень испугался и, глубоко волнуясь, сталъ сопротивляться этому всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. Нѣтъ! Это не должно быть!.. Не можетъ быть!.. Пусть умираютъ другіе... Въ волненіи онъ сталъ ходить по кабинету. Поднесъ къ губамъ стаканъ воды, и зубы слегка застучали о стекло.

Чтобы успокоиться, онъ сталъ читать послѣднее письмо Тани, полное радостныхъ восклицаній и солнечнаго восторга. Она теперь въ Венеціи.

Она стояла у Львинаго столба и переходила Мостъ Вздоховъ.Тамъ пейзажъ изъ свѣта, камня и лазоревой воды. Тамъ явь похожа на несбыточные сны. Она хотѣла бы остаться тамъ навсегда.

Сквозь толстыя портьеры жизнь улицы доносилась до него, какъ отдаленный, заглушенный ропотъ моря. Онъ рѣшилъ выйти погулять, окунуться съ головой въ уличной толпѣ, уйти отъ самого себя. Онъ одѣлся и вышелъ на проспектъ.

Онъ переходилъ съ одной улицы на другую, съ одного троттуара на другой, но всюду видѣлъ только ее, Единственную, Любимую; видѣлъ только ея большіе мерцающіе глаза на блѣдноматовомъ лицѣ. А душа его томилась таинственными предчувствіями, трепетала и билась въ испугѣ, какъ раненая птица.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ скорбишь, бѣдная моя душа? Отчего все стонешь и стонешь?..—думалъ онъ, идя по троттуару со скорбной улыбкой на лицѣ, и сталкиваясь съ прохожими. Сегодня Великій Четвергъ. Воздухъ насыщенъ пурпуромъ и, словно обезумѣвшій отъ отчаянья, скорбно гудитъ вечерній колоколъ на бѣлой колокольнѣ. Завтра будетъ Голгоѳа, затѣмъ смерть... Но вѣдь за смертью всегда слѣдуетъ Воскресеніе, свѣтлое, радостное Воскресеніе къ жизни. Я вѣрю въ Жизнь, въ торжествующую Жизнь! Уже весна чувствуется въ воздухѣ, уже за городомъ журчатъ ручьи и развѣ не по весеннему пышно пылаетъ закатъ?..

Отъ долгой ходьбы онъ усталъ и ему захотѣлось отдохнуть. Онъ сѣлъ на одну изъ скамеекъ сквера. Изъ вечерняго сумрака, слегка украшеннаго въ пурпуръ уже гаснувшей закатной каймой, вышла женская фигура. Подошла и сѣла рядомъ.

— Зачѣмъ ты такъ скорбишь, Сережа?.. Забудься, перестань...—вдругъ сказала она.

— Скажите мнѣ, кто вы? Вѣдь я васъ не знаю.

— Развѣ, ты меня не узнаешь? Вѣдь я—твоя Таня...

— Ахъ!.. Удивительно, что я тебя сразу не узналъ... Да, да... Теперь я припоминаю... Ты—Таня?.. Ты любишь музыку и такъ вдохновенно всегда играешь Valse triste Сибеліуса и похоронный маршъ Шопена? Не такъ-ли?...

— Успокойся дорогой... Я пришла сказать, что *надо повѣрить въ Смерть*, надо сжечь въ пепелъ цвѣты прошлаго. Вѣдь надо повѣрить сначала въ Смерть, чтобы вѣрить въ Воскресеніе.

— Да, я знаю. Это—мои мысли... Зачѣмъ ты повторяешь мои мысли?

— Я хочу ихъ подчернуть. Въ нихъ скрыта высшая мудрость. Вѣрь мнѣ, вѣдь я тебя люблю. Вѣдь, это я родила въ твоей душѣ идею твоей геніальной картины, за которую тебя завтра превознесутъ до небесъ.

— Да. Но, какъ ты сюда пришла? Вѣдь, ты теперь въ Венеціи. Я только что читалъ твое письмо...

— Ты все еще сомнѣваешься? Посмотри: развѣ эти глаза—не мерцающіе глаза твоей Тани?...

Она приподняла вуаль и, приблизившись, заглянула своими огромными, мерцающими глазами въ его глаза. Онъ услышалъ любимые духи Тани, и у него закружилась голова.

Потомъ она поднялась и такъ же медленно и тихо, какъ и пришла, стала уходить. И вдругъ ему невыразимо захотѣлось видѣть ее вблизи себя, слышать ея голосъ, чувствовать запахъ ея духовъ: вѣдь, она была частью его души. Онъ поднялся и пошелъ, почти побѣжалъ, вслѣдъ за ней. „Не уходи!.. Вернись ко мнѣ, вернись...“ — шептали его губы.

Съ одной улицы она свернула на другую, затѣмъ вдругъ рѣзко повернула и вошла въ какой-то магазинъ.

Онъ сейчасъ-же, за ней, вбѣжалъ въ магазинъ, но удивительно—ея тамъ уже не было. Одинъ приказчикъ стоялъ за прилавкомъ и наливалъ въ стаканъ кипятокъ изъ синяго чайника, а другой, что-то пережевывая, заправлялъ газо-калильную лампу и теперь вытиралъ рукавомъ ротъ.

— Что прикажете? —спросилъ онъ вошедшаго.

— Не вошла ли сюда одна дама, вотъ сейчасъ, нѣсколько минутъ назадъ?

— Нѣтъ, дама сюда не входила.

— Не можетъ быть! Я ясно видѣлъ, какъ сюда вошла только что одна дама въ черномъ платьѣ.

— Нѣтъ, дама сюда не входила. Это вошелъ Петръ Алексѣевъ съ кипяткомъ для чаю.

Смущенный и сбитый съ толку онъ вышелъ изъ магазина. Вихрь мыслей терзалъ его сознаніе.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—почти съ отчаяніемъ повторялъ онъ, возвращаясь домой. Онъ любилъ искусство, любилъ жизнь, вѣрилъ въ ея торжество и не могъ повѣрить въ смерть. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ сжечь цвѣты прошлаго—вѣдь, сжигая ихъ, онъ долженъ былъ сжечь и себя.

Когда онъ позвонилъ къ себѣ на квартиру, отворившая дверь горничная сказала:

— Ахъ, баринъ! Этотъ большой портретъ барышни Татьяны Николаевны, который висѣлъ въ кабинетѣ, сорвался и упалъ на полъ. Это было какихъ-нибудь 20 минутъ назадъ!

— Это пустяки, моя милая!—отвѣтилъ онъ съ какой-то веселой развязностью.—Портретъ такъ же можетъ упасть на полъ, какъ какая-нибудь тарелка или стаканъ. Ничего тутъ страшнаго нѣтъ.

— Нѣтъ, баринъ.. Извините меня, но я, право, очень перепугалась. Изъ столовой мнѣ показалось что въ кабинетѣ упалъ человѣкъ. Въ обморокъ, что-ли...

— Перестаньте, наконецъ, говорить глупости!—невольно оборвалъ онъ слова горничной и вошелъ въ кабинетъ. Бережно, бережно; сталъ собирать осколки стекла, взялъ въ руки портретъ Тани и сталъ глядѣть въ ея большіе, мерцающіе глаза.

— Что съ тобой, Таня!—вдругъ неожиданно громкій крикъ вырвался изъ его груди.—Скажи мнѣ, что съ тобой, иначе я не вынесу этихъ мукъ...— уже прошепталъ онъ упавшимъ голосомъ и вдругъ разрыдался глухими, потрясавшими грудь и плечи, рыданіями.

Спустя часъ онъ успокоился. Сѣлъ за рояль и сталъ вдругъ играть похоронный маршъ Шопена. Въ нѣжныхъ, скорбныхъ звукахъ слышалось движеніе траурной процессіи, слышался отзвукъ лошадиныхъ копытъ. Порой безмѣрная скорбь дорогой утраты вспыхивала, какъ пламя, и гасла въ порывѣ къ небу, заглушаемая рыданіями. И тогда ему казалось, что онъ видитъ свою Таню всю бѣлую, такую нѣжную, какъ всегда, съ вѣнкомъ изъ черныхъ лилій на головѣ.

— Если ты умерла, я тоже уйду къ тебѣ...— подумалъ онъ, закрывая рояль.

Къ нему позвонили. Вошелъ молодой художникъ Серединскій.

— Я забѣжалъ къ тебѣ на минуту. Поздравляю, поздравляю... О твоей картинѣ говоритъ весь городъ. Тебя возносятъ до небесъ... Но ты, я вижу, совсѣмъ не радъ этому?..—съ удивленіемъ кончилъ Серединскій.

Да, его не радовала эта новость. Онъ только грустно улыбнулся. Вѣдь, онъ уже зналъ это.

Когда Серединскій ушелъ, онъ приказалъ никого не принимать, сѣлъ на диванъ, сталъ смотрѣть на портретъ Тани и думалъ, думалъ...

На слѣдующій день онъ получилъ изъ Венеціи телеграмму о смерти Тани. Это печальное извѣстіе онъ принялъ спокойно и даже равнодушно. Онъ уже повѣрилъ въ смерть и рѣшилъ умереть. Вѣдь, Таня была его душой. Развѣ можетъ человѣкъ жить безъ своей души?.. Въ странномъ, волнующемъ восторгѣ онъ сталъ рвать и сжигать письма, портреты, фотографіи, все, все, что напоминало ему прошлое. Порой ему казалось, что онъ сжигаетъ самъ вырываетъ изъ груди свое трепещущее сердце, но странно—все это онъ дѣлалъ безъ боли, съ какой-то пріятной радостью.

Когда онъ умиралъ, радостно, звонко заливались колокола на колокольнѣ. Онъ лежалъ на диванѣ, въ кабинетѣ. Ахъ, онъ такъ усталъ, такъ усталъ.. Но все его существо было пронизано золотомъ солнца, и въ груди, какъ въ дни отзвенѣвшаго счастья, восторженно билось сердце. Порой ему казалось, что онъ слышитъ чудную, неземную музыку.

И вотъ она пришла за нимъ, вся торжественная, тихая, бѣлая. Да, это была его Таня. Онъ ждалъ ее. Въ ея глазахъ былъ свѣтъ высшей мудрости и вокругъ головы бѣлыя лиліи. Она взяла его за руку и сказала: „Пойдемъ въ мое царство, гдѣ цвѣтетъ неомраченное счастье“. Исчезла усталость, исчезли душевныя муки, исчезло все, все, и онъ, покорный какъ ребенокъ, шелъ за ней и слышалъ чудную неземную музыку.

За стѣной, въ сосѣдней квартирѣ, кто-то игралъ похоронный маршъ Шопена.

Иванъ Витоль.

КОГДА СВѢТАЕТЪ.

„Мигъ это былъ, только мигъ. но онъ вдругъ перевѣсилъ всѣ годы“.

I.

Ноющая боль въ забинтованной ногѣ заставила ее проснуться. Завѣшенное окно еще бѣлѣло среди мрака комнаты. Такъ трудно было, не вызывая снова боли, зажечь свѣчу, принять лекарство, поудобнѣе уложить ногу..

Еще очень рано и тихо такъ, какъ бываетъ предъ разсвѣтомъ.

Боль въ ногѣ затихла и въ теплотѣ постели сладко дремлется. Смутные образы, обрывки воспоминаній сплетаются съ неясными грезами...

Еще такъ недавно она чувствовала себя обездоленной.

Все яркое и живое, казалось, осталось позади, дальше лишь дорога подъ гору, въ мракъ и холодъ одиночества. И вотъ пришла сказка и привела съ собой счастье

Какъ это случилось?

Дѣла по имѣнію,—мужа не пускала служба,— заставили ее покинуть Москву въ неурочное время и очутиться среди глубокой зимы,—въ этой глуши. Недѣля уединенной жизни вдвоемъ со старой экономкой въ засыпанной снѣгомъ усадьбѣ. Днемъ прогулки по протоптаннымъ, хрустящимъ дорожкамъ въ словно серебряномъ саду, въ компаніи пріятелей добродушныхъ дворняжекъ; вечеромъ провѣрка счетовъ и записей подъ пѣніе самовара и шумъ вьюги... Трескъ дровъ въ жарко натопленной печи...

Какъ это было давно!

А тамъ день отъѣзда, долгій путь на лошадяхъ, и это нелѣпое паденье изъ саней передъ самымъ выѣздомъ въ мѣстечко, оно-же узловая станція желѣзной дороги.

Тутъ воспоминанія сбиваются.

Какъ очутилась она въ уютномъ домикѣ мѣстнаго лѣсничаго давняго пріятеля ея покойнаго брата, она толкомъ и до сихъ поръ не знаетъ.

Отъ боли,—у нея оказался переломъ ноги,— она потеряла сознаніе. Къ этому присоединилась сильная простуда, грозившая перейти въ воспаленіе легкихъ,—и много дней и ночей провела она мечась въ горяченомъ бреду.

Когда первый разъ пришла въ себя и сознательно вглядываясь въ стоящаго около кровати доктора,—и радость, и страхъ, страхъ, что это галлюцинація, что это исчезнетъ сейчасъ, охватили ее.

Неужели онъ? - Онъ,—товарищъ и герой ея молодости?!.

Такъ давно утраченное, но никогда незабываемое, милое и грустное лицо!

И онъ узналъ ее.

Радостно заблистали глаза и сорвалось взволнованно: „Ты!—Вы!".

Проходили дни. Мучительныя перевязки, тяжелые кошмары, приступы лихорадки смѣнялись блаженнымъ состояніемъ покоя и забвенія.

Такъ хорошо было лежать въ свѣтлой уютной комнаткѣ, окруженной бережнымъ уходомъ хозяевъ, простыхъ, безхитростныхъ людей и нѣжной заботливостью ея друга.—Друга!..

Ни слова лишняго не говорили они,—они лишь чувствовали, какое вотъ сейчасъ счастье—быть вмѣстѣ въ этой тихой комнатѣ! Жили настоящей минутой, не рѣшаясь трогать прошлаго, не пытаясь заглядывать въ будущее.

Зачѣмъ? Имъ было хорошо вмѣстѣ.

Иногда онъ не выдерживалъ своей серьезной, безстрастной роли врача.

Какъ-то окончивъ перевязку и укладывая осторожно на подушки больную, онъ внезапно горячо припалъ къ ея рукамъ: „Боже, до чего тяжело!—Какъ слабъ человѣкъ! Вотъ сейчасъ, когда Вы такъ лежите, какъ ярко представляется мнѣ то далекое прошлое, когда Вы,—моя,—тамъ, въ моей студенческой кельѣ!"

Она торжествовала.

— Ага!—Не забылъ!..

Годы, женитьба, дѣти,—ничто не могло заглушить того яркаго счастья, того буйнаго хмѣля, что когда-то пьянило ихъ, уносило въ волшебный міръ,—дѣлало равными богамъ.

И она заражалась его волненіемъ. Шепотомъ, словно въ бреду, признавалась также, что во всѣ эти долгіе годы разлуки не могла забыть его, что онъ единственный, что его одного она и любила, и желала всю жизнь.

И долго потомъ цѣловалъ онъ ея блѣдныя руки и падали на нихъ скупыя, холодныя слезы:—его-ли, ея—не знаетъ...

А на дняхъ, тихонько войдя къ ней,—она была въ полуснѣ,—онъ положилъ ей на грудь двѣ дивныя розы на длинныхъ стебляхъ и такъ живо напомнилъ былое.

Тогда былъ веселый мѣсяцъ май. Они много гуляли, ссорились, мирились. Потомъ отдыхали гдѣ-то, на пустой еще дачѣ.

Проснувшись въ тотъ жаркій полдень, она увидѣла у себя на груди двѣ розы на длинныхъ стебляхъ.

„Такъ вкусно—,увѣрялъ онъ тогда, смѣясь,—цѣловать,—и розы, и грудь".

Но этимъ воспоминаніемъ не подѣлилась она съ нимъ, боясь спугнуть очарованіе минуты.

Вдвое суровѣе и сдержаннѣе дѣлался онъ послѣ такихъ порывовъ,—уходилъ съ головой въ свою земскую практику, въ домашнюю жизнь съ болѣзненной, отцвѣтшей женой и кучей ребятишекъ.

Она еще крѣпче замыкалась въ себѣ, ревниво тая отъ всѣхъ то свѣтлое, что нарождалось въ ней, что будило мечты. А мечты искали около нея сладкій туманъ, отъ котораго порой кружилась голова и замирало сердце.

Словно въ заколдованномъ царствѣ жила она теперь. Далеко отъ всего прежняго, далеко отъ сутолоки и шума большого города. Какъ всякій выздоравливающій, она чувствовала себя особенно умиленно и радостно. Словно спали съ нея всѣ путы, тенета, въ которыхъ еще такъ недавно билась она. Близко прошедшая смерть сдунула своимъ ледянымъ дыханіемъ весь соръ съ ея души и обновленная, свѣжая, душа открылась на свѣтъ и зовъ жизни.

Жить,—жить бодро,—свободно, никого и ничего не боясь.— Стряхнуть всѣ предразсудки, условности, глупые страхи.

Она словно нашла теперь самое себя послѣ долгихъ годовъ сѣрой мутной жизни. Какъ могла она такъ скучно и трусливо жить? Что держало ее тамъ въ плѣну у живыхъ мертвецовъ, сдѣлавшихъ изъ жизни какой-то мрачный склепъ?!

Что общаго между нею и окружающими ее тамъ, въ большомъ городѣ,—людьми?

И нѣтъ у нея сейчасъ въ душѣ ни обиды, ни раздраженія. Смыслъ жизни такъ ясенъ.

Быть самой собою, не насиловать душу.

Десятокъ лѣтъ она трусливо цѣплялась за какіе то призрачные обломки счастья и сколько силъ потратила даромъ! Сколько лжи самообмана?

На какую мелочь размѣнялись всѣ ея былые лучшіе порывы?

Чѣмъ дорожила она?

Вѣдь даже веселья, простого, искренняго веселья не было въ ея искусственной, безцвѣтной жизни!

Изумленно вглядывалась она въ прошедшую жизнь.—Какъ могла она жить безъ счастья?—Каждый обязанъ быть счастливымъ,—каждый имѣетъ право на счастье, надо только умѣть его взять.

Жизни не стоитъ бояться, также какъ и людей Они—безвредны, если умѣть жить по своему, на свой страхъ.

А жить—такъ хорошо! Жить просто, тихо, трудясь,—дѣлясь съ сильными и слабыми. Тогда и одиночество не страшно.

Что-то свѣтлое, чудесное мерещится ей, и она засыпаетъ крѣпкимъ сномъ выздоравливающаго человѣка.

II.

„Не чудо было тутъ истиной,
а истина была чудомъ".

Блѣдный разсвѣтъ апрѣльскаго утра робко пробрался въ вагонъ черезъ неплотно занавѣшенное окошко, какъ она уже встала и поднявъ штору, всматривалась въ несущіеся мимо поля и лѣса. Еле виднѣлись они въ окутывавшемъ ихъ, молочномъ туманѣ словно гигантское море разлилось вокругъ, и небо слилось съ нимъ.

Все тонетъ въ этомъ бѣлесоватомъ свѣтѣ.

Жуткая печаль сильнѣе охватила ее, словно въ этомъ туманѣ расплывалось то недавнее свѣтлое счастьѣ.

Что спугнуло его?

Неужели оно не вернется?

Вспоминается свѣжій мартовскій день, когда она, уже совсѣмъ оправившаяся послѣ болѣзни, встрѣтила на прогулкѣ своего доктора. Пошли вмѣстѣ. Она чувствовала на себѣ его восхитительный взглядъ. Кругомъ все ликовало, словно празднуя ея выздоровленіе.

Сіяла улица залитая солнцемъ; текли ручьи, капало съ крышъ, летѣли откуда-то брызги. На деревянныхъ заборахъ жалкихъ домишекъ си

дѣли стаями воробьи и кричали, какъ безумные. Пахло весной, талымъ снѣгомъ, смолистыми почками.

Мокро, солнечно и свѣтло... На душѣ до того радостно, что не возможно было говорить и не улыбаться,—не улыбаться тому, что тѣло въ душѣ.

Въ противоположность обычному ихъ молчанью, въ эту прогулку они болтали и смѣялись, какъ школьники вырвавшіеся на свободу, хотѣлось пѣть дурачиться и бѣжать куда-то далеко, вотъ такъ дружно взявшись за руки. И оба шли бокъ о бокъ бодро и ритмично. у обоихъ были такія оживленныя и свѣтлыя лица, что немногіе прохожіе невольно оглядывались на нихъ и съ обычнымъ провинціальнымъ любопытствомъ старались опредѣлить ихъ взаимныя отношенія какъ забрели они въ единственную въ мѣстечкѣ крохотную кондитерскую. По старой памяти,—онъ долженъ былъ угостить ее шеколадомъ. Невозможную 'бурду подали имъ въ толстыхъ исцарапанныхъ чашкахъ.

Но тутъ оживленіе прошло,—исчезло съ заходившимъ уже солнцемъ.

Хотѣлось сказать хорошее большое,—и не выходило.

Она, избалованная за время болѣзни его близостью, его нѣжными заботами, пыталась первая подойти поближе къ его душѣ, рѣшить вмѣстѣ что-то важное и необходимое для нихъ обоихъ. Онъ, видимо, смущался ея порывовъ, старался ея скорѣй сойти съ опасной дороги воспоминаній и дружбы. Она поняла—и замкнулась. Все безсодержательнѣе дѣлался разговоръ и подъ конецъ, прогулки въ ихъ рѣчахъ ничего не осталось отъ того значительнаго и чудеснаго, что еще такъ недавно звучало въ нихъ.

Когда у крыльца, она подняла на него глаза, ей почудилось въ его лицѣ, упрекъ и мольба... Жутко чуствовалось, что это мгновеніе для нихъ невозрватимо и вѣчно, какъ смерть,—что имъ нельзя сейчасъ молчать.

Безконечная, нестерпимая жалость охватила ее и сдѣлала еще безсильнѣе. Такъ и не вырвалось на волю то, что кричало въ душѣ.

На другой день пріѣхалъ за ней мужъ, бравый полковникъ, самоувѣренный и шумливый,—а еще черезъ день уѣзжала она изъ мирнаго, такъ радужно пріютившаго ее, городка.

Какъ во снѣ тяжеломъ и странномъ, провела она тотъ послѣдній день. Механически уложилась, механически попрощалась съ своими милыми старичками хозяевами.

Даже стоя передъ своимъ купе, она не могла стряхнуть оцѣпенѣнія, не могла дать себѣ отчетъ, что съ ней происходитъ?

Пришелъ и докторъ.

Желтый, потерянный, съ какимъ-то дикимъ видомъ,—еле отвѣчалъ онъ на любезныя слова ея мужа,—у него къ тому-же сильно заболѣлъ младшій сынишка.

И такъ далека, казалось, была ему эта элегантная барыня, и такъ фантастична вся ихъ дружба. Терялась нить связавшая на мгновеніе эти двѣ, такія различныя жизни!

И когда раздался послѣдній звонокъ, ее не взволновалъ даже горячій, полный какого то отчаянья, прощальный поцѣлуй ея руки,—ей было только невыносимо холодно и тяжело. Казалось, кто-то злой толкнулъ ее сначала въ тепло и свѣтъ, потомъ грубо вырвалъ и бросилъ въ мракъ и холодъ.

Зачѣмъ? Неужели жизнь можетъ такъ жестоко издѣваться надъ людьми?

Неужели все перечувствованное и передуманное въ долгія ночи болѣзни—лишь минутные порывы, экзальтація выздоравливающей?

Неужели эта встрѣча, это „чудо" ея жизни пройдетъ безслѣдно?

Нѣтъ,—нѣтъ... Она чувствовала, что тамъ, въ глуши, среди добрыхъ и простыхъ людей, тамъ было запрятано ея настоящее, непризрачное счастье, тамъ нашла она самое себя.—Былъ-ли то простой случай, или судьба готовила ей новые пути,—„прежней" она не можетъ быть. И ни жизнь, ни люди теперь не запугаютъ.

Что-то бодрое крѣпло въ ея тоскѣ, когда задумавшись, стояла она передъ окномъ вагона.

А туманъ уже разсѣивался. Вставало солнце и розово-золотистымъ блескомъ заливало просыпающіеся, покрытые первой нѣжной зеленью лѣса и луга.

Начинается чудный день.

М. Автократовъ.

Е. Дюруа.

ВѢЧНОЕ.

Разсказъ.

Сегодня Николай Николаевичъ зашелъ въ министерство по привычкѣ; первый солнечный день звалъ къ своей еще холодной яркости съ самаго ранняго утра.. Занятія въ канцеляріи прекратились въ четвергъ и, кромѣ дежурныхъ курьеровъ, никого не было въ пустыхъ, полутемныхъ залахъ. Заглянувъ въ свой кабинетъ, спросивъ нѣтъ ли писемъ, Николай Николаевичъ торопливо сбѣжалъ съ послѣднихъ ступеней сѣрой широкой лѣстницы, съ словно льющейся по ней сверху красной бархатной дорожкой, кивнулъ головой молодому рослому курьеру, подскочившему къ нему съ предупредительно приготовленнымъ пальто, поправилъ котелокъ передъ зеркаломъ и дымя папиросой, плотно зажатой въ зубахъ, неторопливо дѣловито натягивая перчатки, прошелъ въ широко распахнутыя празднично улыбающимся швейцаромъ тяжелыя зеркальныя двери и вышелъ на тротуаръ...

Дошелъ до угла... остановился, щуря глаза предъ силой яркихъ лучей, еще не грѣющихъ, но мощныхъ... Ощущеніе непривычки въ такое необычное время быть свободнымъ странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ остро волнующе прошлось по нервамъ, захотѣлось нежданно новаго въ дальнѣйшихъ впечатлѣніяхъ сегодняшняго дня, куда-то далеко ушелъ перечень всего повседневно необходимаго, особенно спѣшнаго въ этотъ послѣдній день Страстной недѣли... Отошла обычная жизнь, а откуда-то прилетѣли и вихремъ на мгновеніе столпились въ мозгу обрывки, лепестки воспоминаній дѣтства, юности... такіе же дни весны, прошедшіе въ прелестной рамкѣ ушедшаго счастья... Торопливо, смятенно отогналъ вихрь мыслей... „Нѣтъ, нѣтъ... не надо... Извозчикъ!" Сѣлъ, откинулся—„ступай прямо!"
Четкое постукиваніе подковъ дробно мѣшается

съ торопливой дрожью резинокъ по мостовой... Кругомъ разнозвучный шумъ суетливаго кануна праздника, изъ-за громадныхъ витринъ словно тянутся къ свѣту причудливо цвѣтныя розы, сирень и гвоздики. на долго остаются въ памяти ихъ необычайные желтые и голубые оттѣнки, по сторонамъ бѣгутъ ставшія совершенно безразличными для зрѣнія вывѣски... Весенней красочностью пестрѣютъ туалеты женщинъ, вызывающе трепетно вздрагиваніе ихъ улыбокъ, возбужденна чувственна задорность взглядовъ „нѣтъ, нѣтъ... не то... дальше!..“

Лихорадочно суетлива многоликая толпа, далеко впередъ видна то сжимающаяся то выпрямляющаяся, неустанно ползущая ея пестрая лента... Надъ сверкающимъ шпицемъ Адмиралтейства прозрачная глубина нѣжно голубого неба зоветъ дальше къ простору и тишинѣ... гулко застучали подковы по мосту, молчаливы сѣрыя стѣны домовъ надъ гранитомъ оковъ набережной. внизу медленно катится свинцово тяжелая глухая здѣсь ко всему рѣка и... наконецъ тишина запущеннаго густого парка... Въ глубинѣ бѣлѣетъ еще въ прогалинахъ пористый, твердый, оледянѣвшій сверху снѣгъ съ черными точками пыли, словно сдвинулись ближе другъ къ другу, чуть просыпающіяся отъ зимнихъ сновидѣній стройныя деревья, а на опушкѣ снѣга нѣтъ совсѣмъ и чувствуется острый запахъ прѣющихъ листьевъ прошлой осени съ ея печалью умиранія... Надъ скомканными, почернѣвшими листьями вьется безпомощная, маленькая птичка, недоумѣло непривычно громко чирикая, суетится по вѣточкамъ, почему-то выбирая самыя хрупкія, съ чуть слышнымъ хрустомъ ломающіяся и пугающія наивную пташку...

Гулко басисто... бумъ!.. бумъ!.. бумъ!.. медленно звучнымъ призывомъ прозвонилъ великанъ колоколъ далекаго собора .. мощная разнотонно аккордная масса звуковъ дробила прозрачный воздухъ, гулко таяла въ глубинѣ полутемнаго парка. Николай Николаевичъ шелъ по запущеннымъ извилистымъ дорожкамъ, чуть оттаявшимъ и рельефно отпечатлѣвшимъ слѣды; съ чувствомъ остраго наслажденія вдыхалъ онъ воздухъ, казалось, напоенный бальзамомъ, особенно послѣ многомѣсячнаго сидѣнья въ темной канцеляріи... Николай Николаевичъ пріостановился, прислушался къ легкому хрусту ломающихся вѣтвей, къ звонко падающимъ съ деревьевъ каплямъ тающаго снѣга, поднялъ голову къ верху, въ просвѣтѣ вѣтвей увидѣлъ легкое, бѣлое облачко на блѣдной синевѣ сѣвернаго неба, вздохнулъ глубоко, разъ, другой... какая-то дурманящая истома безъ мыслей и образовъ охватила его онъ шелъ машинально, не подымая глазъ отъ бѣгущей предъ нимъ дорожки, пока почти испуганно не наткнулся на грубую, облупившуюся скамью, прислонившуюся къ гладкосѣрому стволу старой осины; совершенной неожиданностью въ дальнѣйшемъ для него явилась женская фигура, уютно прижавшаяся въ углу старинной, съ высокой спинкой и боками, скамьи... Не отдавая себѣ отчета, Николай Николаевичъ медленно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ на противуположный ея конецъ... Женщина, вся въ черномъ, сидѣла къ нему въ полуоборотъ, грусно глядя въ глубину парка, серьезное, печальное лицо, сильно тронутые сѣдиною, изсиня черные вьющіеся волосы, непокорно выбивались изъ подъ изящной шапочки, руки дамы скрывала большая, нѣжнаго мѣха муфта, сверхъ которой лежалъ букетикъ видимо недавно сорванныхъ подснѣжниковъ.

Было что-то величаво спокойное, безконечно милое въ грустномъ поворотѣ поникшей головы очень немолодой, но еще красивой женщины... Николай Николаевичъ мысленно рѣшалъ кто она, искоса разглядывая незнакомку; словно подчиняясь его взгляду, дама повернулась къ нему лицомъ, вдумчивые строгіе глаза пристально посмотрѣли на него и мгновеніе поколебавшись, она проговорила:

— Простите, можетъ быть у васъ есть спички, до головной боли хочется курить, я забыла спички. а итти обратно еще не могу, устала...

Николай Николаевичъ обрадовался началу разговора съ заинтересовавшей его незнакомкой засуетился; въ такія минуты никогда сразу не найдешь нужное, наконецъ нашлось, сверкнулъ огонекъ, потянуло на мгновеніе острымъ запахомъ бензина, въ тишинѣ парка отчетливо щелкнулъ затворъ зажигательницы...

— Очень вамъ благодарна,—привѣтливо сказала дама.

Изящная папироска затеплилась въ крупной рукѣ съ тонкими пальцами, обтянутыми шведской перчаткой, дама пристально смотрѣла на тоненькій дымокъ, извилисто расплывчатыми паутинками скользящій вверхъ, тая въ воздухѣ...

Николай Николаевичъ вынулъ портсигаръ...

— Позволите?—обратился онъ къ сосѣдкѣ...

— Пожалуйста!—откликнулась она.

Какой милый грустный звукъ голоса, подумалъ Николай Николаевичъ и внезапное чувство невольной симпатіи, тепла къ этой чужой, одинокой подобно ему сейчасъ, женщинѣ, охватило его. Онъ мягко спросилъ ее:

— Вы не боитесь одна въ этомъ пустомъ паркѣ?

Дама улыбнулась;

— О нѣтъ, я не боюсь вотъ тамъ направо, черезъ двѣ дорожки. за оградой домъ, въ которомъ я живу, а вы изъ города, вѣроятно?

— Да,—порывисто отвѣтилъ Николай Николаевичъ,—какое-то нелѣпое стремленіе къ воздуху, тишинѣ привело меня сюда.

— Да, вамъ какъ городскому кажется страннымъ то, что я одна, это только сегодня здѣсь тихо, Страстная Суббота. такъ всѣ по домамъ, а то всегда здѣсь шумитъ дѣтвора, да и такъ, гуляютъ, собираютъ подснѣжники.

Дама взяла лежащій на муфтѣ букетикъ, небрежно бросила за скамью докуренную папироску и стала нѣжно расправлять чуть свернувшіеся скромные лепестки...

Долгое молчаніе... Николай Николаевичъ поднялъ одинъ изъ упавшихъ на землю цвѣточковъ и глядя на него задумался... волна утреннихъ воспоминаній снова нахлынула, закрыла пологомъ все окружающее... пронеслось въ мысляхъ:

„Какъ хороша весна тамъ, на далекомъ родномъ югѣ теперь тамъ жарко грѣетъ солнце, сосны въ багрянцѣ заката, тополи въ дурманѣ весеннихъ лунныхъ ночей... звѣздное небо... прозрачная синева дали за Днѣпромъ, безпредѣльной, розовато голубой, дали... даже почудилось на мгновеніе тепло довѣрчиво прижавшейся дорогой руки...

Привелъ въ себя грустный голосъ незнакомки:

— Какъ вы задумались!—тихо улыбнулась она.

— Не надо!... Весеннія мысли пробуждаютъ печали въ тѣхъ, кому знакомы уже слезы осени... осени жизни... Слезы... Въ дѣтствѣ мнѣ разсказывала одна старая чешка повѣрье далекихъ вѣковъ, тогда я скоро позабыла ея разсказъ, потомъ припомнила его, а теперь, когда голова моя посѣдѣла, я все чаще вспоминаю сказку старухи чешки.

— О чемъ разсказываетъ она?—спросилъ тихо Николай Николаевичъ.

— Это сказка о судьбѣ, непреложныхъ законахъ природы... я разскажу вамъ ее... если хотите.

— Да, да, прошу васъ,—поспѣшилъ отвѣтить пришедшій въ себя Николай Николаевичъ.

— Нѣкогда, о это было очень давно, когда началъ существовать человѣкъ, съ нимъ на землю пришли страданія, слезы любви, горя, непосильнаго труда, слезы утратъ... Среди своихъ грѣховъ, преступленій, человѣкъ все же бывалъ кристаленъ въ упоеніи чистой любви, великъ въ ея экстазѣ, честенъ въ своемъ трудѣ, искрененъ въ горѣ утратъ. Тогда Прекрасный Творецъ вселенной убѣдился въ томъ, что человѣкъ сохранилъ въ себѣ отпечатокъ Святыни, создавшей его душу, и чтобы освѣтилась его жизнь, чтобы могъ онъ, низвергнутый на землю, находить силу для стремленій къ прекрасному, Творецъ повелѣлъ природѣ запечатлѣвать все лучшее на землѣ... красотою своихъ явленій. Съ той поры свѣтлыя, чистыя, дѣтскія слезки превращались въ наивные колоколчики подснѣжниковъ... Слезы первой любви съ ея неизвѣданными восторгами безумной, но чистой страсти обращались въ упругіе пьяняще ароматные колокольчики ландышей, стыдливо скрывающіеся въ прохладѣ темной листвы... Безропотная слеза матери усталой на жатвѣ въ знойный полдень лѣта, кротко кормящей своего первенца, лежащаго на заплатанномъ зипунѣ у края колючей межи эта слеза превращалась въ серьезно склоненный и вмѣстѣ съ тѣмъ развлекающій малютку лиловый, тихо колышащійся колокольчикъ ржаного поля. Но когда настала осень, цвѣты увяли. Не стало ихъ... Пришли болѣзни, холодъ, нужда, на землѣ еще больше стало литься горкихъ слезъ, эти слезы скорби, въ заунывной пѣснѣ осенняго вѣтра о печаляхъ земли, донеслись туда, высоко, далеко, къ темному небу, и тогда стали вспыхивать и мерцать словно тихій пламень свѣтиленъ, кроткіе огни далекихъ звѣздъ, а въ серебрянно холодные дни инея и мороза, отъ времени до времени опускался снѣжный пологъ надъ землею и замерзшія звѣздочки слезинки, нѣжно-трепетно льнули къ груди почернѣлой земли, покрывая ее бѣлоснѣжнымъ покровомъ сновидѣній и покоя... Неизбѣжный сонъ смерти былъ чистъ въ своемъ величіи, какъ первая слеза ребенка полна величія своей чистотою... И стало по волѣ Творца возрожденіе неизбѣжно, какъ непреложна смерть... Въ ознаменованіе этихъ величавыхъ символовъ близости всего прекраснаго къ Божеству, люди начали молиться, призывая въ храмы торжественнымъ звономъ колоколовъ; въ безконечной красотѣ молитвеннаго экстаза склонялись они предъ величіемъ Творца, предъ священной гармоніею безпредѣльной силы природы, дающей смерть для новой жизни...

На мгновеніе дама замолкла, потомъ грустно продолжала:

— Не правда-ли... сначала мы переживаемъ чувства весны, потомъ о красотѣ лунныхъ ночей любви стыдливо звонятъ намъ нѣжные пьянящіе ландыши, послѣ... улыбается лиловымъ колокольчикомъ серьезная трудовая жизнь... потомъ... намъ остается тихое мерцаніе звѣздъ надъ нами и снѣжный саванъ покоя надъ нивой нашей жизни... Одинокіе, приходимъ мы тогда любоваться на тѣ-же подснѣжники и ландыши, вспоминая свое безвозвратно ушедшее прошлое, пока не зацвѣтутъ уже надъ нашими могилами эти милые наивные цвѣтики весны... Но пока мы живы, пусть всегда въ душѣ нашей звенятъ серебряно хрустальные колокола благословеній прошедшему счастью, и пусть оно всегда зовется молитвой настоящаго, въ этомъ возрожденіе сердца, тогда живъ человѣкъ въ себѣ, не умерла душа его, она чужда темнымъ силамъ, она свѣтла кротостью и прощеніемъ... слышите... звонятъ колокола... звонятъ...

Дама зядумалась, умолкнувъ... Молчалъ и Николай Николаевичъ.

— „Прошедшее счастье пусть будетъ молитвой настоящаго“ звучали слова грустнаго голоса...

— „Прощайте!“ тихо—устало сказала дама... Николай Николаевичъ очнулся, сосѣдки уже не было рядомъ, въ концѣ аллеи ея силуэтъ сливался съ туманомъ, начавшимъ обволакивать корни деревьевъ, тихо куриться надъ дорожками...

Въ состояніи какого-то небытія Николай Николаевичъ подошелъ къ ожидавшему его извозчику, сказалъ адресъ, закрывъ глаза, доѣхалъ къ дому, расплатился съ извозчикомъ, добрался къ дверямъ комфортабельной меблированной комнаты, которую занималъ, снялъ поспѣшно шубу и, закрывъ за собою дверь,—тотчасъ-же бросился къ письменному столу, сосредоточенно порывшись въ ящикахъ его, и не найдя въ нихъ, желаемаго то нервно бросился къ сундуку, повозившись съ ключами, поднялъ наконецъ тяжелую крышку и суетливо началъ искать, искалъ долго, пока не попался ему подъ руку въ числѣ другихъ бумагъ на днѣ сундука, конвертъ, пожелтѣвшій большой конвертъ, изъ него выпала на полъ ярко золотистая прядка волосъ, какія-то вѣточки, но этого не замѣтилъ Николай Николаевичъ, жадно выхватилъ онъ изъ конверта портретъ, подошелъ къ окну, прислонился къ его косяку и въ почти темно-лиловыхъ, совсѣмъ погасающихъ отблескахъ умирающаго дня, жадно всматривался въ полузабытый абрисъ дорогого лица, глядѣвшаго на него чисто, довѣрчиво, такъ живо и похоже.

„Ландышъ мой нѣжный“ шептали вздрагивавшія губы... Дѣтка моя свѣтлая, родная, гдѣ ты теперь, что съ тобою... Молитва... молитва настоящаго... молитва!.. шепотъ звучалъ прерывисто, мѣшаясь съ захлебываніемъ рыданій, слезы жгучей тоски о невозвратномъ далекомъ, свѣтломъ счастьѣ. охватили сердце, подступили къ глазамъ, скатывались по трясущимся отъ рыданій щекамъ, расплывчатыми каплями ударялись о подоконникъ, тяжело упадали на полъ, темныя на свѣтломъ паркетѣ...

Николай Николаевичъ разговлялся въ ту ночь у своего начальника, проборъ его замѣтно рѣдѣющихъ рыжеватыхъ волосъ былъ со строгой правильностью волосокъ къ волоску при-

глаженъ рукою моднаго парикмахера, ногти переливались блескомъ перламутра, въ безукоризненно сидѣвшемъ фракѣ, какъ всегда дѣловито сдержаннымъ, корректно холоднымъ былъ и въ ту ночь Николай Николаевичъ, чиновникъ крупнаго Министерства, далекій отъ сказокъ и слезъ...

Е. Дюруа.

Ф. Кузнецовъ.

МАШИНИСТЪ ВИНОВАТЪ.

Мучительные, отрывные, безконечные звуки вылетаютъ изъ подъ гигантскихъ колесъ высокаго зеленаго чудовища—паровоза. Онъ тихо, медленно ползетъ на высокій подъемъ, таща за собой хвость красныхъ вагоновъ: извивается, какъ змій на закругленіяхъ, показывая свою страшную голову. Напряженно силится ползти впередъ между двухъ высокихъ горъ и шипя пускаетъ острый бѣлый паръ, который таетъ въ сумрачномъ холодномъ пространствѣ; черный косматый дымъ стелется по обѣимъ сторонамъ крупныхъ горъ и умираетъ на черно зеленой груди земли. А паровозъ ползетъ—ползетъ и стучитъ твердыми членами стали по двумъ свѣтлымъ полосамъ, тянущимся на многія версты.

Сырая, холодная ночь, обвѣенная тоской, пала рыдая съ слезами на землю и плакала, и билась подъ колесами гигантскаго змія. Дулъ вѣтеръ пронзительный, властный и качалъ верхушки придорожныхъ деревьевъ косматыхъ, таинственныхъ съ упругими и длинными, кривыми руками. Они охватывали сырой порывистый воздухъ и гордо бились съ суровой непонятной силой природы: то тихо пѣли, унылую, грустную пѣсню, то властно протягивались къ шипящему змію и вскрикивали. Кой-когда черную,—зеленую голову змія освѣщала робкая блѣдная луна и пряталась за густую сѣть блуждающихъ облаковъ.

Машинистъ Дубовъ всматривался въ полотно скрытой дороги съ какой-то особой зоркостью но ничего не видѣлъ кромѣ сумрака и густыхъ ползучихъ тѣней отъ летящаго дыма.

Отъ паровоза пахло нефтью, алинаортомъ, керасиномъ и какой-то ядовитой гарью, которая кружила, хотя и привычную ко всему, голову Василія Дубова. Три глаза паровоза прорѣзывала густой сумракъ ночи и обнажали яркія лезвея двухъ стальныхъ ровныхъ полосъ, которыя чѣмъ-то особымъ казались въ глазахъ Дубова—они пугали его—эти два лезвея, когда по нимъ проходила сумрачная, печальная тѣнь невѣдомая и жалкая.

— Кто она?—шепталъ онъ, но шопотъ умиралъ на дрожащихъ устахъ и сердце трепетно жалось въ усталой груди.

— Жертва!—скорбно произнесъ Дубовъ и смолкъ, поворачивая рычагъ на полный ходъ. Паровозъ быстро подался впередъ, какъ бы срываясь съ цѣпи и загремѣлъ по стальнымъ полосамъ огромными колесами. Дрожала земля отъ тяжелаго хода, сотрясался воздухъ, а окрестность отвѣчала стонущимъ эхомъ.

Гигантскій змій—паровозъ катился подъ— уклонъ, толкаемый какой-то невѣдомой силой, властной и безжалостной. Въ его безумномъ порывѣ стихійнаго стремленія была сокрушаемая власть. Его стальная грудь кипѣла, билась и толкала впередъ.

Опять сквозь мутныя облака показался блѣдный мѣсяцъ и освѣтилъ змія, деревья и всю окрестность.

Около крутого поворота, когда поѣздъ долженъ огибать высокую насыпь горы, близъ полотна дороги метнулась тѣнь, нерѣшительно остановилась, потомъ пала на холодныя лезвея Паровозъ близко,—всего нѣсколько саженъ отъ упавшей тѣни.

„Жертва“, промелькнула острая мысль въ головѣ Дубова. Его дрожащая рука схватилась за веревку,—раздался пронзительный рѣзкій свистокъ короткій и сильный.

Глаза устремились на полотно дороги. Страшный змій—паровозъ быстро быстро катитъ, шипя и извиваясь зеленымъ тѣломъ вагоновъ, развивая силу скорости 60 верстъ въ часъ, нѣтъ не силы и власти его остановить—онъ идетъ по наклонной плоскости. На полотнѣ дороги спокойно притаясь лежитъ тѣнь—разувѣрившійся въ жизни человѣкъ, поруганный загнанный людьми несчастливецъ. Еще и еще рука Дубова прикасается къ веревкѣ—рѣзкій свистъ разрѣзаетъ сырой воздухъ и далеко разносится по окрестности. Вотъ тѣнь вздрогнула,—стала подыматься, но поздно страшный змій близко-близко... Раздался ужасный крикъ смерти короткій и больной. Хрустнули кости и огромныя колеса обдались теплой липкой кровью и жидкимъ мозгомъ. Блѣдный серебристый свѣтъ коснулся обрызганныхъ колесъ и мгновенно потухъ за уступомъ спокойной горы.

По тѣлу Дубова пробѣжала холодная дрожь; сердце въ трепетномъ испугѣ сжималось отъ боли: въ головѣ кровавое представленіе картины стирало свѣтлые тоны. Жизнь превращалась въ сплошной ужасъ. Онъ посмотрѣлъ въ черную нависшую даль облочковъ ночи и подумалъ при этомъ: „неужель все такъ глупо должно совершаться здѣсь,—на моихъ глазахъ, безъ всякой возможности спасти человѣка“? Подумалъ и черный вихрь порывистого вѣтра донесъ до него какой то знакомый звукъ, а колеса немолчно говорили; „Да“, „нѣтъ“, „да нѣтъ“.

Деревья около дороги безумно рычали, вскидывали косматыми головами порывъ вѣтра, погружаясь въ безпредѣльную тьму и вновь ожидали что то—ожидали битвы.

Далеко уже то мѣсто, гдѣ колеса огромнаго змія окрасились кровью. Дорога пошла вновь на крутой подъемъ. Паровозъ уменьшилъ быстроту хода.

Зелено-черный змій кашлялъ въ огромную трубу и изъ нея, какъ спертый воздухъ изъ раскупариваемой посуды вылетали густые, глухіе звуки.

„Это стоны умершихъ несчастливцевъ. Это ихъ черной ночи невѣдомые звуки, это ихъ крики проклятья, ихъ гробовые голоса. Труба паровоза воспринимаетъ ихъ стоны“. Подумалъ Дубовъ.

Паровозъ, между тѣмъ, катитъ уже подъ уклонъ, выбивая учащенные звуки. Онъ прислушался.

Въ этихъ звукахъ была его никому неизвѣстная, скрытая имъ тайна. „Пять... пять... пять...“—слышалось ему изъ подъ паровоза. „Пять... пять... пять...“—отчетливо выбивали колеса все чаще и чаще.

— Пять! — вскрикнулъ Дубовъ, шатаясь и леденѣя—весь блѣдный... Зрачки глазъ мутно

остановились на зримой черной ночи. А все вокругъ его кричало, стонало, билось и отчетливо выбивало „пять... пять... пять...“.

Пять жертвъ пало подъ колесами страшнаго чудовища. Пять жертвъ, для которыхъ онъ явился вѣрнымъ свидѣтелемъ, бѣгущихъ отъ жизни возставали передъ нимъ въ сумракѣ ночи и требовали отъ него разсказать, повѣдать, утаившую тайну ихъ смерти другимъ, а иначе они будутъ его тревожить. И онъ ясно услышалъ голоса:

— Ты долженъ сказать о этомъ людямъ, ты долженъ сказать о нашей смерти.

— А что отъ этого будетъ если я скажу, что вы погибли?—говорилъ Дубовъ неизвѣстнымъ.— Развѣ человѣчество вновь возвратитъ вамъ жизнь? Развѣ оно не будетъ пускать по этому пути паровозы? Нѣтъ... нѣтъ!.. Цивилизація, культура этого требуетъ. Можетъ быть вотъ сейчасъ, въ этотъ моментъ, погибнутъ подъ сильнымъ движеніемъ управляемаго мной чудовища не пять васъ, а десятки, сотни... съ стономъ, скрежетомъ зубовнымъ, съ безумнымъ воплемъ голосовъ, проклятьями... и быть можетъ эти стоны, вопли, проклятья... обрушатся только на одного меня, какъ на виновника гибели всѣхъ. А цивилизація, культура въ сторонѣ? А изобрѣтатель машины тоже? А все человѣчество?..

Паровозъ шелъ все быстрѣй и быстрѣй подъ уклонъ. Промчался мгновенно мимо зеленаго диска и закрытаго семафора. Станціонные огни блуждали по линіямъ и лучились въ сѣрой мути. Но Дубовъ не замѣчалъ ничего. Сплошной темный кошмаръ давилъ его голову, а въ ушахъ слышались надоѣдливые, безъотвѣтные звуки: „пять... пять... пять...“

Но вотъ раздался страшный ударъ. Сильнымъ движеніемъ Дубова толкнуло что то въ спину и онъ не соображая ничего ударился головой обо что то твердое. А кругомъ его ползло, двигалось, трещало, съ силой ударялось... стонало, плакало... взывало о помощи... безумно кричало въ безумныхъ мученіяхъ... Что-то невѣроятное, ужасное царило кругомъ.

Потомъ онъ забылся. Его охватила темная, мучительная даль—невѣдомая и непонятная, какъ больная но жалкая тайна, которую онъ не способенъ теперь разгадать.

Вдругъ въ немъ явилось сознаніе и, что на первый разъ онъ почувствовалъ, это страшную боль въ груди, невыносимую муку въ сердцѣ и невысказанную тоску въ кровавыхъ мысляхъ.

Мучительная гримаса людской крови исказилась въ мертвый блѣдный ужасъ на лицѣ Дубова.

Сквозь спертый воздухъ муки и слезъ онъ услышалъ многогранность смертельность голосовъ, невыясненныхъ колючихъ звуковъ, надрывныхъ, оборванныхъ выкриковъ. Они рвали, терзали, какъ звѣри, тѣло и душу Василія Дубова. А сквозь весь этотъ, давящій сплошной ужасъ разрушенія, гибели... крови, стоновъ... тоски... муки... какъ остріе раскаленнаго желѣза вонзаясь,—слышалось самое больное для сердца, самое великое изъ страданій: „Машинистъ виноватъ! Машинистъ виноватъ!“

Дубовъ хотѣлъ что-то сказать сильное, но съ обоженныхъ губъ терзаясь слетело только одно слово „Богъ!“

И онъ весь корчась въ мукахъ, съ прощеніемъ и глубокимъ страхомъ на лицѣ, издалъ смертный протяжный и послѣдній вздохъ.

Чудовище—паровозъ лежалъ спокойно безъ трубы на боку, а съзади его поле обломковъ разбитой жизни.

Вокругъ катострофы ходили люди съ значками,—серьезно говорили и пытливо смотрѣли.

Иларіонъ Войтенко.

1. НОЧЛЕГЪ.

1.

Длинный, томительно-знойный и душный лѣтній день угасалъ, солнце медленно, но неуклонно клонилось къ западу. Косые лучи его золотили верхушки деревьевъ и ближайшихъ горъ и тѣни, отъ деревьевъ падали непомѣрно—длинными и уродливыми полосами. Мужики кончали свою работу, выпрягали лошадей и торопливо спѣшили домой, что-бы еще засвѣтло вымыться къ празднику въ банѣ. Послѣднимъ уже кончилъ допахивать свою полосу Ефимъ.

Выпрягши коня, онъ спуталъ его и пустилъ пастись въ болото. Поставивъ затѣмъ соху безъ хомута (на случай дождя), подъ кудреватую елку, сиротливо—одиноко пріютившуюся на пригоркѣ среди поля, Ефимъ забралъ хомутъ, порядкомъ-таки измочалившійся за день пеньковый кнутъ и свою старую и неизмѣнную сопутницу каждой страдной поры, сильно уже износившуюся и истрепанную, съ дырками на локтяхъ, свитку, и отправился по большаку домой. Кроваво-изумрудный дискъ солнца, посылая своими пурпурно-золотистыми лучами прощальный привѣтъ утомленной и жаждавшей ночного покоя и безмолвія землѣ, плавно скользнувъ внизъ, скрылся за стоявшій въ мѣлово-пепельной дымкѣ дальній лѣсъ, точно потонувъ въ голубыхъ волнахъ безбрежнаго эфирнаго океана. Послѣдніе косые розоватые лучи его, нѣжно, съ материнскою лаской, поцѣловавъ короткимъ прощальнымъ поцѣлуемъ гребни позлащенныхъ багрянцемъ заката горъ и пышно-зеленый коверъ луга, внезапно померкли, и только на томъ мѣстѣ неба, гдѣ скрылось солнце, заалѣлъ стыдливо яркій румянецъ вечерней зари, и, постепенно разгораясь, онъ захватилъ малиновымъ заревомъ пылающаго пожара весь западъ, и потомъ тоже сталъ медленно и незамѣтно погасать. Длинный лѣтній день любовно и ласково уступилъ свое мѣсто короткой, какъ мгновеніе счастья, ночи, и прозрачныя сумерки вечера незамѣтно для глаза стали обволакивать землю своей призрачно-дымчатой чадрой. Придя домой, Ефимъ повѣсилъ хомутъ на гвоздь подъ амбаромъ, кинулъ кнутъ въ сусѣкъ, и сѣлъ на порогъ амбара разуваться. Скинувъ съ ногъ портки, онъ бросилъ ихъ на лежавшія подъ амбаромъ дрова, и вошелъ въ избу. Изба у Ефима была большая, свѣтло-обширная и чистая; въ правомъ переднемъ углу, какъ и полагается въ каждомъ православномъ крестьянскомъ домѣ, помѣщалась божница, завѣшенная бѣло-чистымъ вышитымъ рушникомъ, въ которой находились старые, переходившіе въ наслѣдственность поколѣнія къ поколѣнію, облупившіеся и потемнѣвшіе отъ времени такъ, что ликовъ святыхъ, на нихъ изображен-

ныхъ, разобрать ни въ какомъ случаѣ не представлялось возможнымъ, деревянные и фольговые, густо-засиженные мухами, образа. Русская печь съ плитой тоже была обширная, чисто выбѣленная мѣломъ. Налѣво отъ входа, у печи, стояла самодѣльная деревянная кровать, завѣшенная на грядкѣ ситцевыми занавѣсками и, вообще, вездѣ были замѣтны зажиточность, чистота и опрятность, которыми Ефимъ такъ гордился. Войдя въ избу, онъ снялъ съ головы шапку, перекрестился на образа, и, пройдя въ передній уголъ, сѣлъ на лавку у окна. Жена его, Лукерья, здоровая и красивая тридцатипятилѣтняя хозяйственная женщина, укачивала за занавѣской въ люлькѣ ребенка-полуторагодовалаго сына Лешу.

— Платье мнѣ въ баню готово, аль нѣтъ?— спросилъ Ефимъ у Лукерьи.

— Готово, Ефимушка, давно готово,—заторопилась Лукерья, показываясь изъ-за занавѣски,—вонъ тамъ въ сунницѣ лежитъ!—указала она рукой на крайнее къ двери окно.—Бери да ступай скорѣй, а то мужики ужъ давно парятся! Минка давно уже ушелъ!—добавила она, вновь скрываясь за занавѣской.

— А мыло-то съ мочалкой положено?—опять спросилъ Ефимъ, поднимаясь уже съ лавки.

— Минка взялъ,—отвѣтила Лукерья.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ Ефимъ, и взявши съ окна завернутое въ газетную бумагу платье, вышелъ вонъ изъ избы.

Зайдя подъ повѣть, онъ взялъ свѣже-зеленый, не успѣвшій еще завянуть вѣникъ, и направился въ баню, находящуюся въ оврагѣ за деревней, гдѣ протекала небольшая но глубокая и извилистая въ своихъ высокихъ крупныхъ берегахъ, покрытыхъ кой-гдѣ зарослями молодого, густо разросшаго орѣшника и ольхи, рѣчушка. Раздѣвшись въ предбанникѣ и взявъ вѣникъ, Ефимъ вошелъ въ баню.

2.

Баня была темная и низкая, вросшая за долгій вѣкъ своего существованія чуть-ли не на половину въ землю. Слабо и тускло мерцало, едва разгоняя густую мглистую тьму, воткнутая въ стѣнку подъ потолкомъ березовая лучина. Народу въ ней было много. Слышно было, какъ старики яростно хлещутся на полку распаренными вѣниками. Молодежь-же размѣстилась, кто гдѣ имѣлъ возможность: кто на лавкѣ, а иные за неимѣніемъ свободнаго мѣста, и прямо на грязно-мокромъ и сыромъ земляномъ полу. Найдя себѣ свободное мѣстечко на лавкѣ, Ефимъ взялъ у своего сына Минки, шустраго шеснатдцатилѣтняго парня, который уже успѣлъ вымыться и уходилъ домой, мочалку съ сѣрымъ мыломъ, и намылилъ имъ себѣ голову. Старики, допарившіеся до одуренія, выскакивали наружу и окачивались рѣчки, холодной водой изъ которую они черпали ведрами, не рѣшаясь, однако, входить въ воду. Зато ребята и болѣе взрослые—подростки—плескались и баловались въ рѣчкѣ, какъ выводокъ молодыхъ рѣзвыхъ утятъ. Глядя на нихъ, взрослые мужики и старики лишь сокрушенно покачивали головами, какъ-бы говоря этимъ: что дескать, съ нихъ взять—извѣстно, зеленая молодость! Вѣдь и сами мы такими когда-то были! Но набаловавшись, наконецъ, вдоволь, и вымывшись и выпарившись, всѣ ушли домой. Послѣднимъ уже вышелъ изъ бани Ефимъ. Онъ, не торопясь, одѣлся и также побрелъ домой.

— Ну, жинка,—сказалъ онъ, входя въ избу и кидая грязное бѣлье на лежанку печи,—торопись скорѣе въ баню, пока еще паръ есть да вода, а то послѣ выстудятъ бабы!

— Я сейчасъ,—отозвалась Лукерья, наливая ковшомъ воду изъ ведра въ самоваръ,—вотъ только самоваръ вамъ поставлю!

— Ладно ужъ, мы и сами, я думаю, сумѣемъ поставить, возразилъ ей Ефимъ.—А гдѣ-жъ Минка?—спросилъ онъ.

— Ушелъ въ деревню, къ Гришкѣ,—отвѣтила Лукерья,—насчетъ, кажется, ночлега сговариваться съ ребятами, куда ѣхать!

— А—а, ну ладно, протянулъ Ефимъ и сѣлъ къ окну на лавку.

Наливъ полный самоваръ воды, Лукерья разожгла его и ушла сама въ баню, наказавъ Ефиму, что-бы онъ слѣдилъ за нимъ и не забылъ-бы покачать ребенка, вслучаѣ, если тотъ надумаетъ плакать. Черезъ пять минутъ послѣ ея ухода явился домой Минка. Онъ былъ въ новой нарядной пестрой рубахѣ, и такихъ-же, засученныхъ до колѣнъ, порткахъ.

— Ты гдѣ шельмецъ, пропадалъ? набросился на него отецъ.

— Я, тятенька, на деревнѣ у Гришки былъ: сговаривались съ ребятами, куда на ночлегъ поѣдемъ,—сталъ оправдываться Минка.

— Скоро-ль-же вы поѣдете-то?—строго спросилъ отецъ.

— Да вотъ напьемся всѣ чаю, поужинаемъ, и поѣдемъ тогда,—отвѣтилъ Минка, съ виноватымъ видомъ обдергивая подолъ рубахи.

— Ну ладно, коли такъ,—сказалъ отецъ, замѣтно смягчившись,—погляди-тка самоваръ да подбрось въ него угольковъ, что-бы онъ скорѣе закипалъ,—сказалъ онъ Минкѣ.

Минка послушно исполнилъ приказаніе отца и усѣлся съ нимъ рядомъ на лавку, уставившись тупымъ взглядомъ въ окно, въ которомъ сквозь окутывающія землю вечернія сумерки угасавшаго дня видѣнъ былъ стоявшій сплошной массой на горизонтѣ, словно полчище равноростныхъ великановъ, покрытый зеленой листвою лѣсъ, полный нѣмого очарованія и выжидательно напряженной, чуткой тишины. Скоро скипѣлъ самоваръ и пришла изъ бани Лукерья. Зажгли висящую надъ столомъ керосиновую лампу и сѣли пить чай, а вслѣдъ за тѣмъ и ужинать. Во время ужина разговаривали объ покосѣ, засухѣ, свирѣпствовавшихъ послѣднее время пожарахъ и послѣднихъ деревенскихъ новостяхъ и сплетняхъ, на которыя такъ падки досужіе языки бабъ. Поужинавъ, Ефимъ пошелъ спать въ сарай на сѣно, Лукерья стала убирать со стола остатки ужина, А Минка, одѣвъ свитку отца поверхъ своего зимняго полушубка и захвативъ заодно двѣ порядочныхъ краюхи хлѣба, густо посыпалъ солью, отчего одна сторона его казалась совсѣмъ бѣлою, отправился на ночлегъ.

3.

На улицѣ уже было совершенно темно. Сумерки сгустились и окутали, подобно щупальцамъ спрута, своимъ зловѣще-чернымъ покровомъ и

землю, и хоромы, и казавшіеся въ наступившей тьмѣ призраками, деревья. Надъ болотами бѣлымъ пологомъ разстилался бѣло-молочный, мутно-призрачный бѣлесоватый туманъ. Затихшую тишину ночи нарушало лишь кваканье лягушекъ да звучали гдѣ-то вдали пѣсни ночлежниковъ. Выйдя въ поле и отыскавъ своего коня, Минка обротал՝ъ его, сѣлъ на него при помощи большого камня верхомъ и поѣхалъ въ ту сторону, откуда до него доносились крики и звуки пѣсенъ ночлежниковъ. Минка издали увидѣлъ привѣтливо мигавшій огонекъ костра, который успѣли уже разложить ночлежники, и поѣхалъ по направленію къ нему. Не доѣзжая до огня шаговъ пятидесяти, Минка остановилъ коня, слѣзъ съ него, спуталъ его и прогналъ подальше въ болото, а самъ пошелъ къ костру. У костра, расположившись полукругомъ, сидѣли ребята и парни-подростки, сверстники и товарищи Минки, и среди этой шумящей, какъ растревоженный пчелиный рой, компаніи, важно возсѣдалъ на почетномъ мѣстѣ, дѣдъ Анисимъ, любимецъ и любившій ребятъ и молодежь вообще, которая липла къ нему, какъ мухи къ меду. Нѣсколько въ сторонкѣ, особнякомъ, на небольшомъ заворчикѣ, лежало штукъ пять шесть дѣвокъ, которыхъ Минка не успѣлъ еще порядкомъ разглядѣть. Минка скинулъ съ себя верхнюю одежду и также присѣлъ къ огню. Посидѣвъ недолго у огня и поговоривъ съ ребятами, онъ не утерпѣлъ: рѣшительно всталъ и пошелъ къ мирно бесѣдовавшимъ промежъ себя дѣвкамъ, откуда въ скоромъ времени послышались визгъ и возня. Дѣвкамъ, наконецъ, скоро надоѣли приставанія къ нимъ назойливаго Минки, и они всей оравой дружно выпроводили его изъ своего стана вонъ, подъ громкій хохотъ остальныхъ ребятъ и парней.

— Ну и дѣвки, чортъ ихъ возьми,—сердиты сегодня, какъ вѣдьмы!—сказалъ Минка, почесывая помятые бока и вновь, какъ ни въ чемъ не бывало усаживаясь къ огню, на свое старое мѣсто.

— И подѣломъ тебѣ: не приставай къ кому не слѣдуетъ—насмѣшливо и, вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ показалось Минкѣ) ехидно-издѣвающе сказалъ Денисъ Гришкинъ, давнишій соперникъ и лютый врагъ Минки, старавшійся при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ досадить Минкѣ и надѣлать ему пакостей.

— Ну, братцы, закаркала наша ворона Іерихонская!—сказалъ чтобы не остаться въ долгу у противника, Минка.

Ребята дружно заржали въ отвѣтъ на Минкины слова, и окончательно уничтоженный Минкой, Дениска конфузливо замолкъ и молчалъ весь остальной вечеръ, боясь дальнѣйшихъ насмѣшекъ Минки.

Минка-же обратился съ своею назойливостью къ дѣду Анисиму, мирно почесывавшему свою неизмѣнную подругу долгой жизни—трубку, которая, какъ онъ неоднократно хвастался ребятамъ, досталась ему въ наслѣдство еще отъ его давно умершаго дѣда и которою онъ гордился, какъ своего рода, родовою реликвіей.

— Дѣдушка, разскажи намъ что-нибудь такое интересное! Ты вѣдь много кой-чего слыхалъ и знаешь, не даромъ-же ты семьдесятъ лѣтъ на бѣломъ свѣтюшкѣ живешь!

— Что-жъ я могу разсказать вамъ?—сталъ уклоняться тотъ,—я ничего не знаю, а если что либо и зналъ, то позабылъ уже, память стала, касатикъ, плоха!

— А ты все-таки вспомни, дѣдушка, что-нибудь интересное,—не унимался Минка,—да и разскажи намъ, а мы послушаемъ. Смотришь, оно и веселѣй будетъ, да и время скорѣе и незамѣтнѣе пройдетъ!

Вслѣдъ за Минкой стала приставать къ нему и остальная молодежь, и, волей неволей. ему пришлось сдаться на ихъ единодушную просьбу и согласиться.

— Что-бы только разсказать вамъ такое?—сталъ припоминать онъ, наморщивъ лобъ, и, подумавъ непродолжительное время, сказалъ:

— Такъ ужъ и быть! Потѣшу васъ на этотъ разъ и разскажу вамъ старую исторію, которая мнѣ сейчасъ вспомнилась.

— Ну, вѣтроноги, слушайте.

4.

Ребята тѣснѣе сгрудились вокругъ дѣда Анисима и окружили его тѣснымъ кольцемъ. Даже дѣвки и тѣ заинтересовались и пересѣли поближе къ костру, что-бы услышать то, что будетъ разсказывать дѣдъ Анисимъ. Дѣдъ-же Анисимъ помолчалъ нѣсколько минутъ, точно заранѣе стараясь разогрѣть и безъ того огромный интересъ своихъ слушателей, выколотилъ изъ трубки пепелъ, разгладилъ свою широкую лопатистую бороду, и тихимъ голосомъ, точно боясь нарушить обаяніе завороженной тишины ночи, началъ свой разсказъ:

— Помню когда я былъ еще маленькимъ (мнѣ въ ту пору лѣтъ десять было не больше), то вотъ собрались мы большущей компаніей, какъ и вы сейчасъ, только съ тою разницею, что взрослыхъ и дѣвокъ съ нами не было, и поѣхали въ ночное въ Кряковскій лѣсъ. Партія насъ была большая—человѣкъ тринадцать насъ было—все сорванцы—ребята. Ну, вотъ пріѣхали мы въ лѣсъ, разложили костерокъ, напекли картошки, и сѣли есть ее. Поѣли, и стали играть и баловаться. Извѣстно, одни были, и стѣсняться и бояться намъ нечего и не кого было. Бросали другъ въ друга горящія головешки, играли въ прятки. И лишь одинъ только Ваня Ермолаевъ не игралъ съ нами, а прикурнулъ этакъ у пенька, положилъ ручку подъ голову и сладко задремалъ. Тихій онъ такой, болѣзный малецъ былъ. Всегда, бывало, одинъ вездѣ. Всѣ ребята на улицѣ лѣтомъ играютъ, а онъ сидитъ себѣ смирнехонько въ избѣ да меньшого братушку въ зыбкѣ укачиваетъ, или играетъ, няньчится съ нимъ. Семья ихняя бѣдная была,—бабка съ дѣдомъ все бывало побираются, а матка тоже хворая женщина была, худущая, какъ шкелетъ какой. Почитай, круглый годъ она съ постели не вставала. Увидѣли мы, что заснулъ онъ, и захотѣлось намъ подшутить надъ нимъ. Забралось двое самыхъ хропкихъ изъ насъ на осинку небольшую, что неподалеку отъ огня стояла пригнули маковку ея къ землѣ и абротями привязали къ ней за ноги Ваню. Выпустили мы изъ рукъ осинку-то, а она выпрямилась, поднялась вверхъ, да утянула съ собою и Ваню. Проснулся онъ, сердешный, видитъ, виситъ онъ, привязанный за ноги къ макушкѣ осины, внизъ головой, испугался, да какъ завизжитъ благимъ матомъ,

словно рѣзанный! А намъ и любо-весело смотрѣть: заржали, какъ жеребцы,— го-го-го-го! Ну, надорвали мы животики, смѣясь надъ Ванькой-то этимъ самымъ, и только что хотѣли пригнуть осину опять къ землѣ и отвязать его, какъ вдругъ, случилось что-то такое непостижимое. Откуда ни возьмись,—словно изъ земли, проклятый, выросъ!—выбѣжалъ въ это время на полянку заяцъ, остановился совсѣмъ близко отъ костра, такъ что мы всѣ его видѣли, да какъ закричитъ этакъ пронзительно—гу-гу-гу-гу-у! И что съ нами случилось только тутъ!—забыли мы и про Ваньку, и про все на свѣтѣ, и бросились ловить зайца. Ночь была мѣсячная, видная. И вотъ, кажется намъ, что заяцъ этотъ близко близко,—стоитъ только протянуть руки и схватить его, и онъ будетъ у насъ. А черезъ секунду онъ исчезалъ и оказывался уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Мучились, мучились мы съ нимъ, окаяннымъ, завелъ онъ насъ за версту, отъ огня, и все-таки мы не могли никакъ его изловить. И вдругъ онъ, какъ и появился, мигомъ исчезъ, ну, словно въ землю провалился! Никто изъ насъ не видалъ, куда онъ дѣлся, хоть свѣтло было, какъ днемъ и мы были уже въ чистомъ полѣ. И вотъ, хлопцы вы мои, столпились мы въ кучу и стоимъ, какъ стадо неразумныхъ барановъ, и сами не знаемъ, что намъ дѣлать.

— Ребята, а какъ-же Ванька-то Ермаковъ?— сказалъ тутъ одинъ изъ насъ.

Тутъ только вспомнили мы про Ваньку, и побѣжали къ костру. Но было уже слишкомъ поздно: Ванька болтался на осинѣ внизъ головой на одной ногѣ, уже неживой. Глаза у него страшно вытаращились, языкъ высунулся изо-рта и густая пѣна застыла на губахъ.

— Я такъ полагаю, хлопцы,—закончилъ дѣдъ Анисимъ свой разсказъ,—что это не иначе, какъ самъ сатана былъ обернувшись зайцемъ, что-бы, значитъ, заманить насъ подальше, что-бы мы не отвязали Ваньку, а самому взять его душу. Разсказывали потомъ, что если кто ночью или поздно вечеромъ проѣзжалъ или проходилъ по лѣсу мимо того мѣста, гдѣ все это произошло, то, будто-бы, слышали жалобный плачъ и причитанія,—то плакала невинно-загубленная нами душенька Вани...

— Вотъ и весь сказъ, ребятушки —сказалъ дѣдъ Анисимъ, и смолкъ. Молчали и ребята, задумавшись. Слышалась гдѣ-то вблизи монотонная жвачка лошадей да кваканье неугомонныхъ лягушекъ. Чувствовалась такая пріятная и освѣжающая послѣ пыльно-жаркаго и душно-знойнаго дня легкая, съ вѣтеркомъ, прохлада ночи. Шаловливый вѣтерокъ слегка шелестѣлъ листьями сонныхъ деревьевъ, и деревья испуганно и недовольно ворчали своими косматыми верхушками на непрошеннаго дерзкаго нарушителя ихъ глубокаго, безмятежнаго покоя.

— Ну, однако, хлопцы, заговорились мы,— сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время, взглянувъ на небо, въ загадочной дали котораго, какъ огоньки далекихъ маяковъ, ярко мерцали безчисленныя звѣзды:—спать давно уже пора, а мы съ вами все еще балакаемъ!

— Выспимся, дѣдушка!—поспѣшилъ успокоить его Минка.—Завтра воскресенье, не на поле вѣдь ѣхать!

— Такъ-то оно такъ,—согласился съ его доводами дѣдъ Анисимъ,—а все-таки нужно ложиться: пора уже! Скоро и пѣтухи, гляди, запоютъ!

И разостлавъ тутъ-же на землѣ, у пня, свой когда-то видавшій лучшіе дни и бывшій новѣе армячишка, онъ легъ, укрылся шубою съ головою и въ короткое время захрапѣлъ. Его примѣру послѣдовали и ребята съ дѣвками, и скоро у начинавшаго уже потухать и гаснуть костра водворились тишина и ничѣмъ не нарушаемый покой, такъ необыкновенно гармонировавшіе съ общимъ настроеніемъ ночи.

5.

Незадолго до разсвѣта дѣдъ Анисимъ проснулся. Высунувъ, какъ мышка изъ норки, голову изъ подъ тепло-пригрѣвшей его шубы, онъ оглядѣлся кругомъ и прислушался. Ребятишки, укутавшись наглухо въ свитки, шубы и отцовскіе армяки, мирно и съ наслажденіемъ храпѣли. Рядомъ съ собою онъ увидѣлъ разметавшагося Минку. Шубу Минка стянулъ во время сна съ себя ногами и лежалъ, сжавшись отъ знобящаго его холода въ комочекъ. „Замерзнетъ совсѣмъ малецъ, надо прикрыть его!“—подумалъ дѣдъ Анисимъ, и вставъ, хотя и не совсѣмъ охотно, со своего согрѣтаго за ночь мѣста, подошелъ къ Минкѣ и прикрылъ его шубой. Потревоженный Минка проснулся.

— Что, дѣдушка, вставать развѣ уже пора?— испуганно вскочивъ на ноги и протирая кулаками сонно-заспанные глаза, спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рано еще спи!—успокоилъ его дѣдъ Анисимъ.—Я только шубой хотѣлъ прикрыть тебя, а то ты замерзъ-бы совсѣмъ.

Тишина ночи царила невозмутимая; лошадей поблизости не слышно и не видно было. И вдругъ въ этой напряженной тишинѣ болѣзненно - чуткое ухо дѣда Анисима ясно различило хлопающіе по водѣ въ болотѣ неподалеку шаги человѣка. Дѣдъ Анисимъ насторожился и сталъ прислушиваться „Кто-бы это могъ быть?“—съ тревогой подумалъ онъ. И совсѣмъ неожиданно отчетливо послышался совсѣмъ близко грубый мужской голосъ: „тпру, стой, окаянный!“—и затѣмъ тѣ-же булькающіе шаги вонъ изъ болота человѣка и лошади вмѣстѣ. Ужасная догадка многовенно осѣнила дѣда Анисима. „Конокрадъ“!—молніей мелькнуло у него въ мозгу эта страшная мысль, и онъ почувствовалъ, какъ непріятный холодокъ, подобно электрическому току, пронизалъ все его существо и по тѣлу забѣгали мурашки. Онъ проворно скинулъ съ себя шубу, и вскочивъ на ноги, сталъ расталкивать вторично уснувшаго Минку.

— Минка, а Минка! Да проснись-же, бѣсъ!— сердито разсталкивалъ онъ что-то безсвязно бормотавшаго во снѣ Минку.

— А, что?—испуганно вскочивъ, недовольно и недоумѣвающе спросилъ Минка, трясясь весь отъ ночного холода, какъ осиновый листъ.

— Конокрадъ коня твоего увелъ, вотъ что!— громко, раздражительно и сердито, точно Минка былъ повиненъ въ этомъ, отвѣтилъ ему дѣдъ Анисимъ, и не давъ ошеломленному этими словами Минки опомниться и толкомъ сообразить, въ чемъ дѣло, будилъ уже остальныхъ ребятъ.

— Берите камни въ руки, вскакивайте на

коней и догоняйте его, разбойника!—торопливо отдавалъ онъ распоряженія.

— Увидите его, сшибайте камнями съ коня и тащите сюда! Ну, живо, не медлить, пока онъ не успѣлъ еще далеко удрать!

И расторопные, зоркіе ребята—проныры черезъ минуту были уже готовы къ погони и бѣжали къ лошадямъ.

— Главное, камнями его, камнями сшибайте!— напутствовалъ ихъ своими указаніями дѣдъ Анисимъ.—Да скачите не всѣ вмѣстѣ, кучей, а вразсыпную, кто куда, и если кто первымъ увидитъ его, кликни за собой и остальныхъ, а то одному изъ васъ съ нимъ не справиться!

Но ребята плохо слушали его; духъ молодчества и соперничества обуялъ ихъ. Съ разбѣга вскакивали они на своихъ коней, мирно щипавшихъ густую и сочную зеленую осоку, и не обратывая ихъ съ гикомъ и свистомъ разсыпались въ разныя стороны дороги и лѣса, пугая мирно-дремавшихъ птицъ и зайцевъ. Вѣсь лѣсъ огласился и, казалось, застоналъ отъ ихъ громкихъ и пронзительныхъ, рѣжущихъ ужи, свиста и улюльканій. Минка, слѣдуя за убѣжавшими впередъ ребятами, тоже прибѣжалъ къ болоту, гдѣ паслись всѣ лошади, но сколько онъ ни рыскалъ по болоту, увязая въ его топкой трясинѣ и перемочившись съ ногъ до головы, коня нигдѣ не было. „Его и угнали, навѣрное! Такъ и есть! Правду, значитъ, сказалъ дѣдъ Анисимъ!—подумалъ онъ, и вдругъ сатанинская злоба и ненависть къ конокраду, похитившему ихъ послѣдняго кормильца и поильца—коня, который былъ купленъ лишь въ позапрошломъ году и за котораго отецъ заплатилъ съ большимъ трудомъ и лишеніями скопленные за годы трудовые 180 рублей, потрясла его. Въ бѣшенной злобѣ онъ скрипнулъ зубами и крѣпко, по матерному, какъ ругался въ минуты остраго раздраженія его отецъ отъ котораго и онъ научился этому искусству, скверно выругался. Онъ увидѣлъ на опушкѣ лѣса чьего-то коня (чей онъ—онъ не разбиралъ, такъ какъ ему это было все равно), торопливо распуталъ его, вскочилъ на его холку, и, выѣхавъ изъ зарослей на большакѣ, отстоящій отъ мѣста ночлега въ полуверстѣ, во весь духъ помчался по пыльной дорогѣ. Звѣзды уже начинали одна за другой меркнуть и гаснуть; во всей окружающей обстановкѣ чувствовалось наступленіе близкаго разсвѣта. Лишь круглоликая луна свѣтила все такъ-же ровно и спокойно, освѣщая окрестности, благодаря чему было видно, какъ днемъ. Минка мчался по тянувшемуся передъ нимъ ровной бѣлой лентой большаку, поднимая за собою огромный, тянувшійся ему во слѣдъ столбъ пыли, и нещадно хлесталъ лошадь мокрымъ и оттого особенно хлесткимъ путомъ; конь вытягивался и летѣлъ, какъ пущенная изъ лука мѣткой и вѣрной рукой стрѣла. У Минки отъ непривычно-бѣшенной скачки захватывало духъ. Такъ скакалъ онъ дико до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, версты черезъ четыре, не доѣхалъ до перекрестка, гдѣ большакъ пересѣкала проселочная дорога. На этомъ перекресткѣ Минка остановилъ взмыленнаго коня, соскочилъ съ него и сталъ внимательно разсматривать слѣды лошадиныхъ копытъ. До этого перекрестка онъ замѣчалъ на густой пыли разъѣженнаго большака свѣжіе лошадиные слѣды. Было очевидно, что кто-то незадолго передъ тѣмъ ѣхать верхомъ; но на перекресткѣ этотъ слѣдъ терялся, и по большаку его дальше не было видно.

„Навѣрно онъ, негодяй, свернулъ куда-нибудь въ сторону!—подумалъ Минка, и сталъ разсматривать проѣзжую дорогу. „Такъ и есть!—радостно воскликнулъ онъ, замѣтивъ на лѣвой сторонѣ проселочной дороги, въ сырой почвѣ, свѣже выдавленные слѣды лошадиныхъ копытъ. „Онъ, навѣрное, поѣхалъ на Песковатку!—рѣшилъ Минка, вскакивая на коня и поворачивая его съ большака влѣво, на проселочную дорогу, на которой чуть-ли не на каждомъ шагу попадались рытвины и выбоины, и размытыя дождемъ колеи которой были похожи на глубокія канавы.

„А тѣ, подумалъ Минка про остальныхъ ребятъ,—навѣрное, рыскаютъ тамъ по лѣсу, какъ перепуганныя до смерти свиньи, да орутъ только! Глупый и безтолковый народъ!“—самодовольно, не безъ оттѣнка гордости и сознанія своего превосходства надъ ними подумалъ онъ и пришколилъ нѣсколько приуставшаго коня.

Конь встрепенулся и опять понесся галопомъ. Проѣхавъ проселочной дорогой версты двѣ, Минка замѣтилъ въ полуверстѣ разстоянія стоявшій ровной стѣной, подобно несокрушимой твердыни, облитый серебряннымъ свѣтомъ луны лѣсъ. Къ лѣсу подъѣхала и скрылась въ немъ фигура коннаго всадника, молодцовато сидѣвшаго на невзнузданномъ конѣ. Минка сразу-же узналъ лошадь—это былъ „Воронко“, его нѣжный любимецъ. „Ага-а-а, догналъ таки, злодѣя!“—радостно подумалъ Минка, и свернувъ съ дороги, дабы преслѣдуемый имъ воръ не замѣтилъ его и не поспѣшилъ скрыться, подъѣхалъ къ лѣсу, остановилъ коня, и взявъ съ разборонованной пашни за пазуху штукъ пять увѣсистыхъ булыжниковъ, поѣхалъ уже по лѣсу въ сторонѣ отъ дороги, стараясь перегнать ѣхавшаго впереди всадника и попасть ему на перерѣзъ. Воръ—на видъ здоровенный дѣтина лѣтъ 25—увѣренный, должно-быть, въ полной своей безопасности (отъ мѣста ночлега до этого лѣса было семь верстъ) и въ томъ, что его никто не преслѣдуетъ и преслѣдовать не будетъ, такъ какъ всѣ ночлежники крѣпко спятъ и спохватятся исчезновенія коня не раньше утра, ѣхалъ медленно, шагомъ. Онъ любопытно, какъ человѣкъ, попавшій въ этотъ незнакомый ему край въ первый разъ въ жизни, озирался по сторонамъ и беззаботно посвистывалъ. Минка далеко опередилъ его, привязалъ коня невдалекѣ отъ дороги, въ густыхъ заросляхъ ольхи и молодыхъ елокъ, и притаился, какъ тигръ, готовый броситься на зазѣвавшую жертву, за мощнымъ стволомъ столѣтней сосны, у самой дороги. Въ нервно дрожавшихъ отъ волненія и томительно-долгаго ожиданія рукахъ онъ судорожно сжималъ пятифунтовые камни. Сердце его отъ бѣшеной скачки и отъ сознанія неизбѣжной и неминуемо—близкой опасности билось учащенно и тревожно. Тѣсно прижавшись всѣмъ корпусомъ своего тѣла къ стволу сосны, затаивъ дыханіе, онъ ждалъ. Минуты ожиданія казались ему безконечными. Но вотъ, наконецъ, послышался невдалекѣ звукъ лошадиныхъ копытъ о корни деревьевъ и слышный все ближе и ближе свистъ. Минка окончательно заталилъ дыханіе и замеръ на мѣстѣ, стиснувъ въ рукахъ камни. Вотъ, наконецъ, показался изъ-за ствола профиль коня. „Господи, благо

слови!"—отчаянно подумалъ Минка, и широко размахнувшись, на отмашь, почти не мѣтясь, какъ Давидъ въ Голіафа, пустилъ камнемъ въ голову вора. Камень сердито прожужжалъ въ воздухѣ и звонко тьявкнулъ вора въ затылокъ. Тотъ пронзительно-испуганно вскрикнулъ, и какъ снопъ, перегнулся на правую сторону и грузно свалился на земь. Испуганный конь рванулся и понесся впередъ одинъ, безъ сѣдока. Минка стремительно изъ своей засады и ударилъ стонавшаго вора еще разъ камнемъ въ затылокъ. Изъ лѣваго виска его и проломленнаго затылка сочилась быстрой, на подобіе фонтана, струйкой кровь, образуя на землѣ большую лужу ея, темнымъ пятномъ выдѣлявшаго на бѣлой пыли. Минка-же билъ вора палкой по затылку до тѣхъ поръ, пока тотъ не былъ совсѣмъ оглушенъ и не потерялъ сознанія. Тогда Минка отвязалъ и подвелъ къ нему своего коня, связалъ его абротью, и взваливъ его. хотя и съ большими усиліями, на холку коня, такъ что руки и окровавленная голова его болталась на одной сторонѣ, а ноги на другой, сѣлъ самъ на коня верхомъ, и, придерживая безпомощно болтавшагося и свисавшаго на сторону конокрада поѣхалъ домой. Когда онъ пріѣхалъ въ деревню, было ясное, яркое утро, и солнце улыбчиво обливало встрепенувшуюся и проснувшую отъ сна свѣжесіявшую природу своими животворными лучами.

6.

Вѣсть о пойманномъ Минкой конокрадѣ быстро разнеслась по деревнѣ и въ скоромъ времени поженка среди деревни, гдѣ лежалъ связанный и весь окровавленный конокрадъ, быстро была запружена сбѣжавшимся, точно на диво, народомъ. Тутъ были и дряхлые старики со старухами, и ребятишки, съ смѣшаннымъ чувствомъ почтительнаго страха и любопытства, взиравшіе на этого связаннаго „разбойника", и бабы—молодухи, и дѣвки съ парнями, и, вообще, вся деревня стеклась насладиться столь рѣдкимъ зрѣлищемъ. Нѣкоторые, наиболѣе смѣлые изъ ребятъ, боязливо и съ опаской дотрагивались до конокрада руками, и сейчасъ-же быстро отскакивали въ сторону, не совсѣмъ, должно быть, увѣренные въ его безпомощности и своей безопасности. А нѣсколько въ сторонкѣ отъ этой шумящей и галдящей толпы, сидѣли на сваленныхъ на землѣ у хлѣва бревеньяхъ мужики и съ любопытствомъ слушали подробности поимки Минкою конокрада, которыя онъ разсказывалъ, кой-гдѣ и кое что привирая и присочиняя отъ себя, для пущей сгущенности красокъ и хвастливаго, чисто-мальчишескаго доказательства своего молодчества и неустрашимости.

— Ну, что жъ намъ тутъ теперь дѣлать съ нимъ, съ разбойникомъ? говорилъ послѣ того, какъ Минка кончилъ разсказывать, оживленно жестикулируя и волнуясь, благообразный, похожій въ своихъ длинныхъ волосахъ на библейскаго апостола, бѣлокурый мужиченко въ продырявленной и съ заплатами въ разныхъ мѣстахъ свиткѣ, — краснорѣчивой и достаточно яркой свидѣтельницѣ его бѣдности.

— Сколько онъ на своемъ вѣку крестьянъ разорилъ, сколько онъ заставилъ слезъ пролить добрыхъ людей! Ну, мы сейчасъ скажемъ, пойдемъ и скажемъ о немъ урядшику. Урядникъ понятно, заарестуетъ его, и посадятъ его на 1—2 года въ тюрьму, а тамъ глядишь, и опять выпустятъ. И пойдетъ онъ опять воровать и и разорять въ конецъ нашего брата. Убить его, мерзавца, надо, убить такую гадину, что-бы она не ползала по землѣ и не дѣлала зла людямъ. Убить!—изступленно, съ пѣной у рта, твердилъ онъ, сжимая кулаки и грозя ими въ сторону конокрада, и видно было, что его страстность и аффектированность, ослѣпленныя жгучей ненавистью, заразили и остальныхъ мужиковъ. Лица у всѣхъ стали мрачными и насупленными. Видно было, что они всѣ вполнѣ соглашались съ нимъ, раздѣляли его мнѣніе, но пугались, высказать это вслухъ, боялись могущей быть отвѣтственности.

— Ну, что-жъ тутъ, братцы, раздумывать?—убѣждалъ ихъ бѣлокурый мужиченко,—затащимъ его въ огородъ, что-бъ никто не видалъ-бы, да и прикончилъ такую гадину! За такую сволочь не только грѣшно не будетъ, а даже многіе за насъ Богу молиться будутъ, что мы изоавили міръ отъ такого злодѣя и душегубца! Идемте, братцы,—обратился онъ въ сторону угрюмо молчавшихъ мужиковъ, и выступилъ самъ первымъ впередъ.

Всѣ мужики, числомъ около двадцати человѣкъ, покорно встали и пошли вслѣдъ за нимъ. Они уже твердо и безповоротно рѣшили: „раздавить эту гадину", и шли твердо и увѣренно. Это предстоящее убійство — вѣрнѣе, самосудъ,—въ ихъ пониманіи и представленіи было не страшнымъ, навѣки неисправимымъ и неизгладимымъ грѣхомъ, а просто случайностью, и даже больше того—необходимостью. Незлобивый русскій крестьянинъ, такой мирно-забитый, холопски-раболѣпствующій съ испоконъ вѣковъ, дѣтски-наивнѣй и сердечно-прямодушный, становится безпощадно-мстительнымъ по отношенію къ ворамъ, конокрадамъ, и прочимъ рыцарямъ легкой наживы и большой дороги, разоряющимъ благосостояніе мирныхъ тружениковъ-пахарей и даже пускающимъ ихъ съ сумой по міру за подаяніемъ. Тогда онъ, ни минуты не раздумывая, попросту расправляется съ такими вредными и нежелательными въ труженической крестьянской средѣ порочными элементами судомъ Линча. Придя на запруженную народомъ пожню, мужики разогнали ребятишекъ и бабъ по домамъ и поволокли прямо по землѣ за ноги пришедшаго въ себя и жалобно стонавшаго конокрада на огородъ отца Минки, за гуменники, гдѣ-бы никто не могъ видѣть изъ постороннихъ этой кровавой картины. Преступника приволокли въ заранѣе намѣченное мѣсто и, не развязывая, положили на землѣ.

— Бра-а-тцы, отцы родные, простите меня, пощадите хоть ради моихъ дѣтокъ малолѣтнихъ!—взмолился онъ жалобнымъ голосомъ, и въ осипшемъ и хрипящемъ голосѣ его звучали плаксивныя и неувѣренныя нотки. Онъ зналъ и былъ твердо увѣренъ въ томъ, что пощады уже нѣтъ и не будетъ. Смерть, страшная и неминуемо-близкая смерть ожидаетъ его, злорадно оскаливъ зубы и держа наготовѣ косу. Будь самъ на ихъ мѣстѣ, онъ поступилъ-бы точно также, и онъ закусилъ до крови губы и замолкъ, зная, что мольбы о пощадѣ безполезны, рѣшивъ покориться печальной и неизбѣжной дѣйствительности.

М. Врубель «Маіолика».



— Ага-а! Теперь онъ жалобный, пощады просить вздумалъ!—злорадно-издѣвательски сказалъ бѣлокурый мужиченко, скрививъ губы въ злую, мефистофельскую улыбку,—а раньше-то, вы, милый человѣкъ, позвольте васъ спросить, объ чемъ-же думали? Вотъ мы сейчасъ пощадимъ тебя, голубчика, за ми-илую душу!—сказалъ онъ и крикнувъ въ сторону мужиковъ, безмолвно и насупленно-мрачно стоявшихъ съ выломленными изъ изгороди кольями въ рукахъ:

— Бейте его кровопійцу!

Первымъ поднялъ свой колъ, высоко взмахнулъ имъ въ воздухѣ и хлестко ударилъ конокрада по лбу. Тотъ пронзительно-страшно, съ безнадежнымъ отчаяніемъ, вскрикнулъ и завизжалъ, какъ закалываемый поросенокъ. И точно опьяненные видомъ внезапно брызнувшей фонтаномъ крови и безпорядочно летѣвшими во всѣ стороны кусками мяса и клочьями волосъ и мозга, мужики вплотную сгрудились вокругъ озвѣрѣвшаго и страшнаго въ какомъ-то нечеловѣческомъ гнѣвѣ и жестокости бѣлокураго мужиченка и принялись озлобленно и въ то-же время съ чувствомъ какого-то злораднаго удовлетворенія проснувшимся на короткое время звѣрскимъ инстинктамъ наносить ему удары кольями. Посторонній наблюдатель, случайно наткнувшійся на эту кровавую сцену, подумалъ-бы, вѣроятно, что эти безобидные съ виду мужички старательно, даже черезъ-чуръ старательно, вымолачиваютъ какой-то снопъ, но никакъ не совершаютъ жестокое, безсмысленное и не оправдываемое ни съ какихъ точекъ зрѣнія закона, убійство. Скоро пронзительный, душу раздирающій визгъ избиваемаго конокрада сталъ постепенно ослабѣвать и перешелъ въ страшное, захлебывающее рычаніе, какой-то клекотъ, потомъ въ задушенное хрипѣніе, и, наконецъ, замолкъ совсѣмъ. Въ наступившей тишинѣ отчетливо-ясно слышны были удары окровавленныхъ и забрызганныхъ мозгами кольевъ по той уродливо-безформенной и отталкивающе-безобразной, расплывшейся зловѣщимъ багрово-краснымъ пятномъ массѣ, въ которую превратился трупъ конокрада. Наконецъ, удовлетворенные вполнѣ и насытившіеся кровавымъ зрѣ-

лицемъ, тяжко отдуваясь и отирая забрызганными кровью рукавами свитокъ и кафтановъ обильно струившій отъ чрезмѣрнаго усердія и невыносимой духоты потъ, мужики побросали свои колья и, ни слова не сказавъ другъ другу, съ виноватымъ видомъ провинившихся школьниковъ, каясь и проклиная себя въ душѣ за минутную горячность, разошлись каждый по своимъ домамъ... А за гуменникомъ лежала страшная, расплывшаяся, подобно выпороченному изъ квашни тѣсту масса, и, казалось, оскаливъ зубы и безобразно выпучивъ глаза, въ которыхъ навѣки застылъ непередаваемый, чисто животный ужасъ смерти, злорадно улыбалась, словно зло издѣваясь, сіявшему въ лазурной голубой дали яркому, веселому солнцу и всему радостно-хлопотливому и беззаботному лѣтнему дню. Ярко-зеленыя жирныя мухи со всѣхъ сторонъ стремились къ трупу, и, какъ черная туча несмѣтныхъ полчищъ саранчи, вились темнозеленымъ роемъ надъ трупомъ, и звонко-радостно жужжали, точно слетѣвшая на свѣжую падаль стая вороньи, предвидя для себя полный широкаго раздолья богатый и лакомый пиръ...

2. ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.

На улицѣ снѣжная вьюга. Вѣтеръ сердито воетъ подъ соломенною кровлей и, точно вырвавшійся на волю дикій, разъяренный звѣрь, бѣшено мечется по необозримому и безбрежному простору запорошенныхъ снѣгомъ полей, крутя и вертя за собою въ дикой демонической пляскѣ столбы сухой снѣжной пыли. Кругомъ, куда ни глянешь, не видать въ густомъ, зловѣще-черномъ и непроницаемомъ покровѣ тьмы ни зги: вѣтеръ слѣпитъ глаза и на разстояніи одного шага впереди не видать ничего. Пустынно, безлюдно-темно и жутко кругомъ. Все живое попрятолось подъ теплую и сухую кровлю, не рѣшаясь вылѣзать въ эту страшную мятель на улицу. Васѣ страшно. Прижавшись всѣмъ своимъ тщедушно худымъ и холоднымъ тѣльцемъ къ матери, онъ съ жуткимъ любопытствомъ, боязливо высунувъ голову изъ подъ теплаго одѣяла, прислушивается къ жалобно плачущему завыванію вьюги, и въ дѣтскомъ воображеніи его рисуются жуткія картины ночи. Вотъ онъ видитъ кладбище, что находится на разстояніи полуверсты отъ деревни, на крутой горѣ, которая почему-то называется „Красной горкой". Въ обыкновенное время, днемъ, оно тихо и безлюдно; сиротливо-одиноко стоятъ покосившіеся на-бокъ и кое-гдѣ уже повалившіеся отъ ветхости кресты,—безмолвные свидѣтели и охранители вѣчнаго покоя когда-то жившихъ и умершихъ людей. Вася неоднократно ходилъ съ деревенскими ребятишками кататься на салазкахъ съ горы; но теперь, въ эту страшную ночь—кладбище другое, грозное и страшное: покойники вылѣзли изъ своихъ могилъ и уныло бродятъ по нему, воя, какъ стая голодныхъ звѣрей. При одномъ лишь воспоминаніи о покойникахъ, которыхъ Вася боится пуще всего на свѣтѣ, лобъ его покрывается холоднымъ потомъ и онъ дрожитъ, какъ въ ознобѣ, и, укрывшись одѣяломъ наглухо, съ головою, такъ что становится душно и трудно дышать, боязливо-довѣрчиво прижимается къ матери.

— Что, сынокъ, боязно?—заботливо спрашиваетъ его мать, нѣжно прижимая къ себѣ и цѣлуя.

— Да, мама,—говоритъ Вася и, подумавъ немного, спрашиваетъ ее:

— А что, мама, покойники теперь ходятъ по кладбищу?

— Ты, дурачекъ! Выдумалъ тоже! Откуда-жъ они могутъ взяться?—успокаиваетъ его мать.— Покойники какъ лежатъ себѣ спокойно въ землѣ, такъ и будутъ лежать, и никогда уже не встанутъ больше, потому что имъ Боженька запрещаетъ это дѣлать!

— А есть, мама, черти на свѣтѣ и вѣдьмы?— продолжаетъ допытываться любознательный Васютка.

— Нѣтъ, сынокъ, ничего этого нѣтъ,—убѣжденно говоритъ мать:—все это лишь выдумки одни. Не вѣрь этому! На свѣтѣ есть лишь одинъ Боженька, и больше, кромѣ Него, никого и ничего нѣтъ, сынокъ!

— А какой Боженька собой?—любопытствуетъ узнать Вася:—старый-престарый такой, ходитъ согнувшись, съ палкой, и у Него большая бѣлая борода?

— Боженька никуда не ходитъ,—поправляетъ его мать:— а всегда сидитъ. У Боженьки большая, какъ ты говоришь, и длинная бѣлая борода, но только никто не видалъ Его никогда, потому что Онъ есть духъ безплотный и невидимый!

— А откуда-же ты, мама, знаешь, что у Него большая бѣлая борода и Онъ только сидитъ?— удивляется Васютка.—Развѣ ты видала когда нибудь Его?—наивно спрашиваетъ онъ мать.

Мать Васютки въ затрудненіи: никогда ей не приходнлось раньше задумываться надъ этимъ, казалось-бы, такимъ простымъ и логично-яснымъ вопросомъ. Какъ отвѣтить сыну хорошенько на его вопросъ—она не знаетъ. Поэтому, подумавъ, она говоритъ наугадъ первое, что ей пришло въ голову:

— Я Его, сынокъ, не видала, но такимъ Его изображаютъ на всѣхъ иконахъ и картинахъ, и такимъ Онъ, стало быть, и есть на самомъ дѣлѣ!

Отвѣтъ матери разочаровалъ Васю. Онъ ждалъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что она знаетъ нѣчто гораздо большее, но теперь, убѣдившись въ противномъ, онъ счелъ безполезнымъ задавать матери вопросы на эту интересующую его тему.

— А я недавно былъ у Гришки, и тамъ были собравшись мужики и тоже о Богѣ спорили, и Гришка говорилъ, что онъ читалъ такую книжку, гдѣ сказано, что неизвѣстно: есть ли на самомъ дѣлѣ Богъ или нѣтъ!—говоритъ онъ послѣ короткой паузы.

— Богъ есть, сынокъ, былъ и всегда будетъ,—запротестовала мать.—Не вѣрь ты этому смутьяну Гришкѣ: неправда написана въ евоной книжкѣ! Какъ же ты говоришь — Бога нѣтъ? Богъ, сынокъ, всегда былъ и всегда будетъ. Ну, посуди ты самъ: откуда же тогда міръ взялся, да и всѣ мы? Кто сотворилъ весь свѣтъ—Боженька! Все Онъ создалъ изъ ничего, однимъ Своимъ словомъ! Ну, ты возьми хоть въ примѣръ лѣто: стоитъ, скажимъ, зима съ вьюгами мятелями и трескучими морозами; но выглянетъ на небо свѣтлое солнышко, сгонитъ снѣгъ съ земли-матушки, и вмигъ зазеленѣетъ на поляхъ травка, листочки на деревьяхъ, и начнутъ расти и трава, и хлѣба, да и все. Откуда-же все это берется? Все Боженька намъ, грѣшнымъ людямъ, посылаетъ. все Онъ намъ даетъ. Безъ Бога мы и шага не смогли-бы ступить сами!

Вася слушаетъ мать съ большимъ вниманіемъ. Онъ такъ заинтересовался словами ея, что даже забылъ свой недавній страхъ и высунулъ голову, какъ шустрая мышка изъ норки, наружу изъ подъ одѣяла.

На моей памяти былъ такой случай,—продолжаетъ говорить мать.—Годовъ десять, пятнадцать тому назадъ собралась лѣтомъ въ Песганиху въ Ильинъ день на гулянье молодежь. Гуляли весь день на улицѣ среди деревни, на зеленой поженкѣ. Подъ вечеръ зашли темныя грозовыя тучи и пошелъ проливной дождь. Тогда перебрались гулять въ пустую избу. Передъ самымъ-же закатомъ солнца, когда гулянка кончилась и всѣ собрались расходиться по домамъ, разразилась страшная гроза. Я еще въ ту пору была дѣвкой и тоже была на этой гулянкѣ. Когда мы увидѣли, что зашла гроза, мы перестали гулять и всѣ сидѣли и ждали, когда она перейдетъ, что-бы идти домой. И вотъ одинъ пьяный малецъ съ деревни Каменки, Герасимъ Пахомовъ, вышелъ на пустую середину избы и сталъ плясать. Его стали унимать и говорить, что въ такую грозу нужно Богу молиться, а не плясать „Богу молиться?—зарѣвелъ онъ.—Я вашего Бога..."— тутъ онъ сказалъ такихъ два слова, что всѣхъ насъ морозъ по кожѣ пробралъ. Всѣ такъ и ахнули. И вдругъ, сынокъ, случилось чудо. Само собою, точно чьею-то невидимою рукою, открылось окно, и въ избу влетѣлъ небольшой, съ человѣческую голову, огненный шаръ. Всѣ мы замерли и не могли пальцемъ шевельнуть, точно насъ всѣхъ окаменилъ. Герасимъ этотъ самый какъ стоялъ онъ среди избы, такъ и остался стоять съ растопыренными руками и выпученными отъ страха глазами. Шаръ облетѣлъ избу кругомъ, точно разыскивая виновнаго, и вдругъ подлетѣлъ къ Герасиму, слегка притулился къ его головѣ и, вылетѣвъ въ раскрытую трубу, въ самой верхушкѣ ея взорвался, какъ бомба. Верхняя часть трубы разлетѣлась вдребезги. Герасимъже, какъ только шаръ слегка прикоснулся къ нему, замертво грохнулся на полъ. Вотъ видишь, сынокъ, какъ Господь покаралъ его за богохульство! А ты еще говоришь—Бога нѣтъ!—заканчиваетъ мать свой разсказъ.

Васюшка слушалъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ и во все время разсказа матери боялся перевести дыханіе. На его чистую и дѣтски воспріимчивую ко всему душу онъ произвелъ огромное впечатлѣніе. Онъ живо и вполнѣ реально переживалъ въ умѣ всѣ перепитіи разсказаннаго матерью эпизода. Мысленно видѣлъ онъ и пьянаго Герасима, и замершую отъ леденящаго ужаса толпу, среди которой находилась и его нѣжно любимая мама и страшный огненный шаръ, Самимъ грознымъ, но справедливымъ Боженькой посланный для покаранія виновнаго Герасима, осмѣлившаго своими дерзкими словами посягнуть на незапятнанную чистоту великаго и лучезарно-свѣтлаго Имени Господняго. Все это реально пережилъ и перечувствовалъ онъ, точно и самъ былъ невольнымъ участникомъ этой трагедіи. Скоро мать, утомленная дневными заботами и хлопотами по обширному и требующему опытнаго хозяйскаго глаза, навыку и внимательнаго присмотра хозяйству, заснула. Съ печи, гдѣ спалъ отецъ, тоже изрядно уставшій и продрогшій на морозѣ за день въ лѣсу, слышенъ былъ ровный и спокойный храпъ его. Не спалъ лишь одинъ Васютка. Прислушиваясь къ злому, сердито-озлобленному и негодующему завыванію вѣтра въ трубѣ, онъ старался разобраться, понять и разрѣшить мучившіе его своей загадочной непонятностью вопросы, которые одинъ за другимъ выплывали изъ глубины его дѣтской головки, но убѣдившись въ своемъ безсиліи и безпомощности и полной невозможности отыскать на нихъ нужные отвѣты и разъясненія ихъ сущности и понять всѣ странности суетнаго человѣческаго бытія, онъ сталъ мыслить въ другомъ направленіи и, убаюканной злымъ воемъ вьюги, погрузился въ крѣпкій сонъ... Во снѣ ему снились вѣдьмы, покойники и страшный и безобразно-уродливый, похожій на бородатого козла, съ копытами и хвостомъ домовой. Сонъ его отъ этого былъ неспокойный и тревожный. Онъ поминутно вздрагивалъ и испуганно вскрикивалъ во снѣ „ма-а-ма-а!"—точно призывая ее на помощь... За окномъ на улицѣ по прежнему бушевала вьюга, наметая огромные, какъ горы, и высокіе сугробы. Вѣтеръ протяжно и жалобно плакалъ подъ кровлей, какъ плачутъ и мятутся въ такую пору, пугая запоздалыхъ путниковъ, души преданныхъ вѣчному проклятію и забвенію и не могущихъ найти себѣ успокоенія ни въ земной, ни въ загробной юдоли покойниковъ-отщепенцевъ, нагоняя своей тягучей монотонностью забытье-тоску и безотчетный суевѣрный страхъ. . Казалось, будто самъ владыка преисподней—мрачный Сатана,—во главѣ своихъ несмѣтныхъ и неисчислимыхъ полчищъ рыцарей зла вышелъ изъ разверзтой пасти ада и, въ радостномъ упоеніи сознанія своей сокрушеще-полной побѣды,—побѣды темнаго зла надъ лучезарно свѣтлымъ добромъ,—въ вакхически-разнузданной пляскѣ вьюги справляетъ свой торжественно-пышный и радостно побѣдный пиръ...

Иларіонъ Войтенко.

Татіана Шенфельдъ

ОНИ, МЫ И ЖИЗНЬ. (Не философія).

1.

Если бы тогда она ушла во время не было бы сейчасъ ея безудержной тоски и ненужнаго томленія, не раздвоилась бы и его душа озлобленностью и тягостной пустотой...

2.

Да, но кто, кто же умѣетъ уйти во время? Никто!.. Не есть-ли это опасеніе, что назадъ не позовутъ—это нежеланіе или неумѣніе уйти? И... предпочитаютъ остаться.

3.

Надо уйти тогда, когда безошибочно чувствуется, что воспоминаніе сохранится, быть можетъ даже прекрасное?

Также нужно умѣть во время уйти изъ гостиной—войти умѣютъ многіе, даже и тѣ, кто потомъ не умѣетъ выйти изъ нея—надо уйти оставивъ сожалѣніе о своемъ раннемъ уходѣ...

— Всѣ мы входимъ въ жизнь прекрасными,

но не всегда уходимъ изъ нея совершенными..

4.

Такъ всѣ: и престарѣлый театральный критикъ, переживпій духъ времени, въ которомъ онъ волею насмѣшливой судьбы живетъ,—онъ пишетъ, а за нимъ виднѣются десятки паръ лихорадочныхъ, призванныхъ къ жизни, глазъ; и тотъ молодой драматургъ, что написалъ два года тому назадъ, одну талантливую драму, а теперь пишетъ пятую неудачную комедію, глядя на которую мы готовы плакать; и поэтъ, выпившій только единый разъ до дна кубокъ искрящагося вина, а сейчасъ дурманящій и себя и насъ; и художникъ исписавшій сотое полотно Interieur'ами дворцовъ: онъ не находитъ новыхъ очертаній,—онъ забылъ, что изгибы Louis XIV и линіи Empir'а неизмѣнны.

— Движеніе жизни уноситъ насъ дальше.

5.

Всѣ они, какъ тѣ дамы, что не нашли тогда нужнаго слова и не оборвали разговора въ гостинной, а заговорили теперь, неумѣло и скучно, въ передней.

2. ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

. . . .

«И тѣ слова, что ночью сказаны
Другой-бы утромъ не сказалъ».
М. Кузьминъ

1.

..Когда мы говорили о ней, мы говорили только почтительно нѣжно о ея красивомъ лицѣ и стройной фигурѣ; въ нашихъ голосахъ слышалась нотка неподдѣльнаго внутренняго уваженія къ милой женѣ нашего друга, потому что мы безошибочно понимали и чувствовали въ ней вѣрную жену.

Мужъ ея былъ ни красивъ, ни молодъ, ни дуренъ, словомъ такой какихъ много, самый заурядный человѣкъ. У нихъ въ домѣ мы всегда находили ласковый пріемъ и привѣтъ и утомленные суетой жизни приходили къ нимъ отдохнуть. И всегда я уходилъ радостный, успокоенный кромѣ одного вечера... и положительно онъ еще на долго останется угрызеніемъ моей совѣсти.

Это было въ передней... Она вышла проводить меня и была какъ то необыкновенно мила и, какъ-то, должно быть не какъ всегда, сказала протянувъ свою узкую руку:

— Надо чаще приходить къ намъ!

— Чаще? Я боюсь!

— Почему?

Тогда я крѣпче сжалъ ея пальцы и глупо, фатовато отвѣчалъ:

— Если я буду чаще бывать, это станетъ опаснымъ!

— Для кого или отчего? уязвленно спросила она.

— Неужели Вы не понимаете?

Она склонила голову и покраснѣвъ, пробормотала.

— Ахъ! если-бы вы знали, какъ я хочу быть опасной!

Я не придалъ никакого значенія словамъ—если бы ихъ сказала другая—я бы отнесся къ нимъ иначе: но вѣдь это была она. И я ушелъ.

2;

Я ушелъ, думая, что въ концѣ недѣли снова попаду къ моимъ друзьямъ. Но, увы, на другой день я уѣхалъ—меня вызвали телеграммой, обстоятельства сложились такъ, что я пропутешествовалъ долго и только черезъ годъ возвратился въ нашъ городъ.

Какъ и водится, по пріѣздѣ, вмѣсто того, чтобы навѣстить сначала близкихъ друзей, я сразу попалъ въ какую-то интересную гостиную. Кто-то заговорилъ о ней, и я услыхалъ, что она серіозно больна. Я тотчасъ-же поспѣшилъ къ нимъ.

Она лежала въ большой, пустой комнатѣ и была такъ одинока, мужа ея не было дома. Я осторожно, тихонько подошелъ къ кровати и слабый голосъ, чужой и измѣнившійся, окликнулъ меня изъ-за полога:

— Я такъ рада!

Я поднесъ къ губамъ протянутую мнѣ руку и взглянулъ на нее. И, стараясь сдѣлать свой неувѣренный голосъ веселымъ спросилъ:

— Что это вы хворать вздумали, не хочется вѣрить, что вы въ постели!

— Я такъ рада васъ видѣть! Только не шутите: Я очень больна. Я васъ ждала, жду давно... Не сердитесь на меня, если я скажу, что вы сами немного виноваты въ моей болѣзни, но только вамъ я могу разсказать все, что случилось. Такъ не хочется уйти неслышанной, непонятой... Быть можетъ это не такъ важно, но! Помните-ли вы, мой другъ, тотъ вечеръ, когда вы уходили... Нѣтъ, вы не помните?

— Какой вечеръ?

— Тотъ вечеръ когда вы, ну, наканунѣ вашего отъѣзда?

— Помню.

— Нѣтъ, вы не вспомните! И не старайтесь... А что вы мнѣ сказали тогда, прощаясь?

— Прощаясь?

— Вы не вспомните, все равно. А я вамъ скажу: я попросила васъ почаще навѣщать насъ, а вы сказали, что боитесь... меня. Тогда я вамъ отвѣтила...

— Теперь я вспомнилъ!

— Вы вспомнили слишкомъ поздно! Почему вы не остались? Осталась я, съ моими недобрыми мыслями... Милый другъ, всѣ вы бывавшие у насъ создали себѣ изъ-за какого-то страннаго каприза вмѣсто меня образъ женщины, которымъ я на самомъ дѣлѣ никогда не была, а я вообразила себя, хотѣла стать иной, не той которой я была въ дѣйствительности... А между этими двумя женщинами очутилась я, настоящая, которой сейчасъ не хочется жить. Я исповѣдываюсь передъ вами, но это заслуженное наказаніе. Пока вы не сказали мнѣ той фразы—во мнѣ были только непроснувшіяся, спокойныя желанія, хотя я далеко не была кроткой и невозмутимой, какой меня считали всѣ вы.

— Вы пожали мою руку и сказали .. Но не заставляйте-же меня повторять! Вы уѣхали.. Другой, не сказавшій такихъ словъ и не посмотрѣвшій на меня такъ, какъ вы въ тотъ вечеръ, не ушелъ:—ушелъ тогда, когда было уже поздно. Мужъ ничего не узналъ и не знаетъ

сейчасъ... Онъ такъ же радостенъ... Любовникъ мой далекъ мнѣ теперь, какъ будто ничего и не было... Онъ оставилъ меня. Вокругъ меня все по-прежнему, ничто не измѣнилось, но я не могу больше жить... Я терзала себя упреками въ незаслуженномъ счастьѣ и все таки обманывала мужа Я бросала своихъ возлюбленныхъ и измѣняла и другимъ, они мнѣ, а мужъ все ничего не замѣчалъ...

— Не правда-ли какая я опасная женщина. Да, мой другъ опасная, но не для другихъ. . .

. . . .

Татіана Шенфельдъ.

Леонидъ Ивановъ.

1. ЛУННОЙ.

Въ тоскливомъ упоеніи невѣдомыхъ сновъ и таинственныхъ грезъ течетъ жизнь моя... Ты отняла у меня тѣ стекла, что заставляли меня видѣть то, что не надо видѣть. Стекла, что подчеркивали земную жизнь—съ собой унесла Ты... И для новой жизни Ты отуманила меня. Зачарованный тоской увидѣлъ я въ первый разъ ликъ Твой. Мутная какъ предразсвѣтный туманъ, вся въ лунномъ свѣтѣ явилась Ты и за собой увлекла меня. Легокъ сталъ я. Почти прозраченъ. За Твоимъ зовомъ шелъ я. Къ морю, безпредѣльному морю пришли мы... Шли... Все повышалась неровная полоска мола, уходя все дальше и дальше въ слегка вздымавшееся, какъ грудь, море.

Зовъ Твой, какъ таинственное эхо отъ нѣжнаго аккорда арфы, манящіе влекъ меня. И ароматъ Твой, ароматъ невѣдомаго культа и запахъ орхидей и сладко дурманящаго эфира окуталъ меня—и чувствовалъ я Тебя... Два зеленыхъ, какъ расплавленный опалъ, два загадочно подернутыхъ дымкой глаза, такихъ же какъ море бездонныхъ и таинственныхъ показались мнѣ. То были глаза Твои. Въ прозрачности зеленыхъ водъ увидѣлъ я глаза Твои. И въ бѣлокурыхъ волосахъ Твоихъ синеватымъ отливомъ играли все тѣ же, опьяняющіе Твоей близостью, серебристые лунные блики... Тихую пѣснь шепталъ о Тебѣ южный вѣтеръ и съ пѣснью души моей сливалась пѣснь та. Твой, Тобой зачарованный, сладостный ядъ пилъ я... Въ сумрачной дали близки мы были.

Давно не приходила ко мнѣ Ты.

И море далеко отъ меня...

Но сны оставила мнѣ Ты и безумно-томительную тоску по новой встрѣчѣ. Я ждалъ Тебя... Я зналъ что придешь Ты... И жизнь машинальная, жизнь какъ во снѣ, утопала въ опьяненной мечтой о Тебѣ, въ зачарованныхъ снахъ, въ жизни грезъ. И вотъ съ серебристыми бликами, что вкрадчиво приникли къ моему изголовью—проникла Ты. .

И отуманивъ своимъ присутствіемъ увлекла за собой. Безпредѣльная, властная и зовущая... И звуки струнъ рождали нѣжныя, какъ таинственные зовы, мелодіи и я не зналъ внѣ ли меня или въ душѣ моей звучала пѣснь горныхъ ручейковъ и птицъ, какъ эхомъ отраженныхъ и съ звучнымъ струнъ дрожаньемъ слитыхъ... И я пошелъ.. За Тобой по каризу иду я и въ глубинѣ двора—колодца сквозь приподнятыя рѣсницы свои вижу: струятся, какъ лунный лучъ, волосы бѣлокурые Твои. . И фосфорическимъ зеленымъ блескомъ глазъ Твоихъ отсвѣчиваютъ глаза таинственно-незнаемыхъ полночныхъ кошекъ... За Тобой дрожащей и зыбкой какъ блѣдный сгущенный воздухъ,—въ Тебѣ и съ Тобой подъ луннымъ свѣтомъ иду я: увѣренно и безстрашно...

Я вѣренъ Тебѣ моя лунная царевна Тебѣ единой вѣренъ я и ни смерть, что еще больше приблизитъ меня къ Тебѣ, и даже и жизнь сама не заставитъ Тебѣ измѣнить, ту жизнь уничтожить, которую родила Ты, ту, что извѣдалъ я.

Въ тоскливомъ упоеніи невѣдомыхъ сновъ и таинственныхъ грезъ течетъ жизнь моя...

НОЧЬ ВЪ КОМНАТѢ.

Черезъ открытое окно сквозь тонкую, прозрачную занавѣску лился мягкій серебристый лунный свѣтъ. Онъ скользилъ по гладкой поверхности столика, падалъ на полъ и пронизывалъ меня, полуприкрытаго тонкимъ покрываломъ въ моей широкой и низкой постели.

Мнѣ было неизъяснимо пріятно и я задумавшись глядѣлъ изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

Въ этомъ свѣтѣ все казалось мягче, проще, округленнѣе, я совсѣмъ закрылъ глаза, медленно откинулъ голову на подушкѣ и потянулся всѣмъ тѣломъ... Было такъ тихо, что малѣйшее покачиваніе деревьевъ въ саду ясно слышалось мнѣ. Запахъ цвѣтовъ несся густой волной и наполнялъ благоуханіемъ всю комнату. Этотъ ароматъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ, проникавшій черезъ занавѣсъ громаднаго окна, эти еле уловимые шорохи листьевъ въ саду были для меня нѣжнѣйшей музыкой, музыкой грезы...

Я все такъ же лежалъ на тонкомъ полотнѣ, еле прикрытый легкимъ покрываломъ, я не думалъ, я жилъ таинственно, чудесно и не чувствуя жизни. Это больше счастья, это—забвенье. Я отдавался, я что-то бралъ... ..Открывши глаза, я смотрѣлъ на посребренныя деревья въ окнѣ. Лунный свѣтъ все лился и лился.

Зачарованный, не думая, перевелъ свой взглядъ въ комнату. Ровный кружокъ свѣта привлекъ меня—это была тихо теплившаяся лампада передъ образомъ Спасителя. Лицо его было спокойно, кротко и величаво. Глаза Его были не такими какъ всегда или это мнѣ казалось, но они были страшно устремлены куда то далеко. Я продолжалъ все смотрѣть въ Его глаза и моя мысль устремилась за этимъ взглядомъ.

Что-то нѣжное, теплое, высокое было здѣсь близко около меня.

Я почувствовалъ приближеніе сна и закрылъ глаза.

. ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ И РАЗСВѢТЪ.

М. С. Поляковой.

Іюньскій день замиралъ. Вечерняя заря постепенно гасла и туманъ стлался надъ озеромъ. Я сидѣлъ у расложеннаго костра. Все было тихо. Лишь изрѣдка набѣгалъ тихій вѣтерокъ. Вотъ онъ качнулъ пламя костра, прошумѣлъ надъ верхушками камыша, пустилъ мелкую рябь по гладкой поверхности озера и—затихъ. Вотъ гдѣ то чирикнула птичка, пролетѣлъ запоздавшій куликъ, и снова тишина.

Сумерки все болѣе и болѣе сгущались: очер-

танья деревьевъ, высокихъ травъ, озера становились неясными и постепенно исчезали.

Тихо въ природѣ, тихо на сердцѣ.

Надвигающаяся ночь успокаивала все и все сливала вмѣстѣ. Чувствовалось что то необъятное, таинственное въ наступившей тишинѣ. Мысли медленно роились въ головѣ, о чемъ-то грустилось, чего-то жалко было. Я поднялъ голову и вглядывался въ темноту: тоски не было, тоска прошла.

Становилось сыро; я всталъ, пошелъ въ домъ Медленно, медленно шелъ и молчалъ.

Какъ полно было въ душѣ, какъ теменъ былъ лѣсъ, какъ тихъ и нѣженъ вѣтеръ, покачнувшій деревья и унесшійся дальше, какъ удивительно звучали крики птицъ, какъ мягка влажная трава, какъ прекрасно, какъ прекрасно!

Не помню, какъ заснулъ въ эту ночь и спалъ ли не помню, только, очнувшись, былъ охваченъ тѣми же чувствами! Спать не хотѣлось, я всталъ, одѣлся и потихоньку вышелъ изъ спящаго дома.

Утро нарождалось; невидимо двигалось оно изъ таинственныхъ сумерекъ. Слабый вѣтеръ и предразсвѣтная свѣжесть говорили о его приближеніи.

Машинально пошелъ по ручью къ озеру. Ручей напѣвалъ что-то тихое, какъ будто хотѣлъ разсказать нѣжное, милое. Камыши тихо перешептывались и чуть-чуть качали своими метелками, а тамъ за камышемъ темною стѣною стоялъ боръ. Какимъ казался онъ хмурымъ и суровымъ въ этомъ туманномъ разсвѣтѣ. Онъ, казалось, хранилъ тайну крѣпко, крѣпко. И стоялъ гордый, сильный...

Это раннее утро навѣвало вереницы грезъ свѣтлыхъ, желаній неясныхъ.

Михаилъ Кузнецовъ.

1. ДОЖДИТЪ.

Небо покрыто облаками.

По сѣрому одноцвѣтному фону его крутятся легкіе, разлетающіеся клубы дыма отъ высокой фабричной трубы.

Дождитъ.

Изъ раскрытаго окна на фонѣ сосенъ видны тонкія легкія нити дождя; тихо спускаясь на траву и кусты, онѣ производятъ непрерывный дробящійся звукъ.

Омытые листья и трава дрожатъ отъ пробѣгающаго, еле замѣтнаго вѣтерка.

Съ крыши падаютъ струйки воды, ударяясь о поверхность лужицы и разлетаясь крупными брызгами. Прямо за спускающейся съ крыши водосточной трубой рѣзко очерчиваются сосны на дымчатомъ небѣ и стоятъ безъ движенія. Дальше за ними сосны прикрыты легкой прозрачной вуалью, которая дѣлаетъ ихъ окраску блѣдной.

Я пишу письмо къ сестрѣ:

„Я давно не видѣлъ тебя. Какъ ты живешь. Такъ хочется что нибудь знать о тебѣ"...

Что она сейчасъ дѣлаетъ? Мнѣ хотѣлось бы знать?

Нѣтъ, я прислушиваюсь къ шумящимъ звукамъ падающихъ капель и смотрю на колыхающуюся траву.

Непрерывающіяся звуки меня окружили, шумятъ, падаютъ и падаютъ. Лѣсъ покрытъ вуалью и я тоже какъ бы прикрытъ невидимыми, свѣжими, почти неощущаемыми сѣтями. Какая то легкая усталость въ рукахъ и головѣ.

Лечь...

Передъ глазами будутъ мелькать спускающіяся синеватыя ниточки и будетъ все время доносится неясный шумъ и будетъ убаюкивать...

Какая истома!

А дождь все идетъ, идетъ...

2. К. А.

Слушай, женщина, ты прекрасна!

Твое тѣло совершенно и нѣжно, твои глаза очаровываютъ скрытой въ нихъ тайной, какъ длинны и шелковисты волосы твои и вся ты манящее желаніе, слушай, женщина, ты не знаешь, что такъ прекрасна.

Иначе почему не покорила ты жизнь женственною улыбкой, взглядомъ глазъ, имѣющихъ тайну?

3. НЕНАВИСТНЫМЪ.

Эй, рабы!
Вы забыли о жизни!
Эй, ничтожные, жалкіе!
Жизнь прекрасна, рабы.

Жизнь струится кристальнымъ ручьемъ, жизнь несется могучимъ потокомъ, жизнь чаруетъ нѣжными красками какъ море спокойное; жизнь волнами вздымается съ бѣлою пѣною грозно какъ бурное море; носится вѣтеръ, гнутся деревья, камни звучатъ...

Вы, рабы, не слыхали о жизни!

ТОСКУЮЩЕМУ.

Твоя тоска близка мнѣ, твоя слеза мнѣ жжетъ глаза.

Мой милый, близкій!

Какъ разскажу тебѣ про грусть твою—мою?

Ты видишь слезы? Это плачъ души.

Мой близкій, милый!

Разбросайте, вы, маки по залу вездѣ, занавѣсьте всѣ окна лиловыми тканями и пусть арфы сокрытыя нѣжно звучатъ.

Я приду обнаженный и лягу на ложе.

Нѣжный сонъ пусть обниметъ меня.

Михаилъ Кузнецовъ.

М. Николаевъ.

1.

Низенькая, уродливая француженка. Скомканное лицо съ большими бородавками.

Съ трудомъ перебивается уроками. Вѣчно суетливая, приторная и слезливая.

Ей сорокъ лѣтъ.

Ея мечта съѣздить на родину въ Парижъ и тамъ влюбить въ себя мужа своей сестры, чтобъ отомстить...

Но сорокъ лѣтъ, уродство и бородавки!

Таковы француженки.

2.

Веселые глаза. Нѣжная улыбка. Стройная съ веселымъ звонкимъ голосомъ.

Какъ часто она волнуетъ меня!

И. Лебедевъ «Къ кофе».



Но почему тревожусь я?

Почему послѣ радостной улыбки чаще и чаще печалюсь?

Не ошибся ли я?

Нѣтъ, ничего, ничего здѣсь нѣтъ.

Дружеская улыбка, простая дружеская улыбка.

Дружеская—какъ это печально звучитъ.

3.

Такая ночь!

Видитъ Богъ трудно быть прекраснѣе

Большая свѣтлая луна давала темныя тѣни онѣ ложились уродливо въ яркомъ серебрѣ свѣта.

Я бодро стучу каблуками.

Поднялъ воротничекъ. Весь сжался и длинный острый тянулся къ небу, а тѣнь бѣжала далеко впередъ.

На мосту, у высокихъ каменныхъ перилъ меня хватаетъ за руку вдругъ появившаяся откуда-то

женщина. Лицо—осколокъ прошлыхъ лѣтъ. Страданіе на немъ какое то пошлое, притворное.

Она испуганно глядитъ въ глаза.

— Ахъ! Я несчастня!

И тихо опускается на камни.

Теперь я вижу кто она.

Такая ночь. И не преступно ли такъ пошленько страдать.

Я глубже ухожу въ пальто.

— Сударыня каждый изъ насъ страдаетъ по своему—вы проститутка, а я—поэтъ.

4.

Сижу въ комнатѣ. Темнѣетъ. По унылому окну стекаютъ струйки воды.

Дождь идетъ.

Противъ окна, подъ крышей солдатъ съ дѣвкой (кухарка наша) смѣются, шутятъ.

Въ другомъ углу тамъ же курица сидитъ дремлетъ.

Грачи на верхушкахъ сосенъ кричатъ. Мокрые они бѣдные.

Собака Карлошка (18 лѣтъ ему) измокшій раскисшій плетется по двору.

Стемнѣло. Закрыли ставни. Принесли лампу. Сижу. Прислушиваюсь.

Дождь идетъ.

5.

Очевидная, непонятная, свѣтлая, простая радость. Блеснетъ ярко—роза. А далеко гдѣ-то—голубое темное.

Это—Гага.

Много веселья.

Лицо звучное и такое близкое и такое разное.

Потомъ уйдетъ, оставивъ печальнымъ.

Потомъ не увидишь ее близкую въ радости, близкую къ горю.

Нѣжный цвѣтокъ. Дайте росу—расцвѣтетъ.

Дайте солнце—радость польется.

Къ чему ночь!

Пусть будетъ солнце и радость смѣется!

6.

Всегда хорошо разсуждать, вспоминать, когда идетъ дождь.

Дома уютнѣе.

Вотъ сгорбившаяся жена полковника, какъ всегда пьяненькая, плетется по двору, поправить ведро подъ сточной трубой.

Странное дѣло. Онъ гусарскій полковникъ Она—несомнѣнная вѣдьма.

Какъ это случилось?

Она не была красивой. Такія красивыми не бываютъ.

Она еврейка изъ захолустья—отвратительный выговоръ.

О захолустье! Полкъ навѣрное стоялъ въ захолустьѣ.

Старая исторія! Захолустье какое нибудь Маркутье или Бутриманцы въ царствѣ польскомъ.

Дождь идетъ чортъ возьми! Такой мелкій, такой противный дождь.

Она, конечно, захолустная красавица. Захолустная красавица!

Когда она пьяна, эта вѣдьма безъ зубовъ, говоритъ:

— Мика! Помнишь, какъ ты цѣловалъ мои ножки... помнишь? Скажи, что помнишь!

Ему очень стыдно.

Вотъ она сбѣгаетъ, плачетъ, что-то кричитъ, обращаясь къ толстой бабѣ—женѣ кучера.

Всхлипываетъ.

— Мой жужъ меня назвалъ стервой...

Стерва! это—сильно.

Да. Придется взять извозчика. Все небо тучами заволокло.

И. Г. Ларіоновъ.

1. БУДЬТЕ СВОБОДНЫ.

Если вы хотите быть истиной, то освободитесь отъ вліянія проклятаго звѣря, который оставилъ міру религію рабства. А если вы безсильны, то скоро прійдетъ новый человѣкъ. Онъ воплотитъ въ себѣ великій духъ и растреплетъ въ прахъ гнуснаго звѣря, поработившаго человѣчество.

2. О БЕЗПЛОДНОМЪ ДЕРЕВѢ.

Давно когда-то былъ на землѣ злой человѣкъ и посадилъ онъ безплодное дерево. Но людямъ понравилося оно, и они назвали его „Древомъ спасенія" и растили и берегли его. Дерево разросталось отъ края и до края вселенной и душило плодоносныя растенія, отнимая у человѣка пищу. И человѣкъ погибалъ Но тогда пришелъ великій дровосѣкъ и тяпнулъ подъ самый корень ненавистное дерево. И затрещало, и закачалось оно проклятое.

3. ОСИРОТѢВШИМЪ.

У васъ нѣтъ отца. Имя его не витаетъ въ надзвѣздныхъ высотахъ и не пресмыкается оно по землѣ, ибо оно проклято вами и сила отца ограничена. Онъ уничтоженъ. Онъ недастъ вамъ хлѣба, и не проститъ васъ ибо вы должны идти на встрѣчу искушеніямъ и служить новому духу.

4. ЧАЮЩИМЪ СПАСЕНІЯ.

Приготовьте пышную встрѣчу человѣку, грядущему въ міръ. Устелите землю коврами. Міръ цвѣтами украсьте. Примите благословеніе его и повелите народамъ поклоняться ему. Если онъ скажетъ вамъ, что не было бога кромѣ его, увѣруйте въ него и идите за нимъ. Тогда онъ будетъ творить вамъ знаменія и поведетъ васъ въ царство вѣчной правды, вѣчной жизни и вѣчной красоты.

Деви. «В. Я. Брюсовъ».



Дени «I. I. Ясинскій».



Дени.

1.

Молодой художникъ В. Н. Денисовъ (Дени). головокружительно быстро составилъ себѣ имя въ художественно-литературной средѣ.

Еще нѣтъ двухъ лѣтъ, какъ онъ появился на Петербургскомъ горизонтѣ и сдѣлалъ свои первые шаги въ „Солнцѣ Россіи“.

Первые же шаги не были робкими.

Напротивъ, увѣренными.

Самоувѣренными.

Я въ то время завѣдовалъ художественной частью этого популярнаго журнала и, помню, поражался и радовался успѣхами юноши.

Такой мѣткій и смѣтливый глазъ.

Достаточно ему взглянуть и изъ лица взято все самое характерное.

Достаточно провести нѣсколько штриховъ и какая нибудь незначительная, малозамѣтная на нашъ взглядъ черта выпукло обрисовывалась и превращалась чуть ли не въ литературную характеристику даннаго лица.

Если Н. В. Ремизовъ (Реми) до сихъ поръ еще считается лучшимъ карикатуристомъ Россіи, то В. Н. Денисовъ сразу мѣтитъ въ первые шаржисты Россіи.

Его шаржь не жестокій, но жесткій.

Онъ не убиваетъ, но уязвляетъ.

2.

Никакой біографіи у художника Дени нѣтъ.

Неоспоримъ фактъ его рожденія,—это событіе совершилось такъ недавно, что Дени даже конфузится называть дату.

Въ жизни художника это былъ пожалуй единственный крупный фактъ.

Дени. «Шоломъ-Ашъ».



Всѣ остальные факты—слѣдствія и послѣдствія его.

Онъ родился талантливымъ.

Его никто не училъ.

Онъ никого не училъ.

Никому не подражаетъ.

Работаетъ массу и среди этой массы работы ухитряется оставаться лѣнтяемъ, какъ большинство талантливыхъ людей.

„Весна“ впервые преподноситъ своимъ читателямъ Дени въ такомъ краснорѣчивомъ количествѣ.

Его рисунки, его шаржи лучшая характеристика художника.

3.

Его работы—его біографія.

Его біографія—его работы.

4.

У насъ такъ мало безспорно талантливыхъ людей.

Да и ихъ работы такъ разбросаны по журналамъ и газетамъ, что немыслимо составить по этимъ клочкамъ представленія о художникѣ.

„Весна“ взяла на себя пріятный трудъ предложить своимъ читателямъ нѣсколько „собраній сочиненій“ нашихъ художниковъ.

„Собраніе сочиненій Дени“—первая попытка.

Н. Георгіевичъ.

Цвѣты тюрьмы.

Очерки Н. Шебуева.

1. ОБСТАНОВКА.

За послѣднее время увлеченіе тюрьмой приняло эпидимическій характеръ. У писателей оно превратилось въ какой-то спортъ. Каждый старается непремѣнно побить рекордъ долгосидѣнія въ тюрьмѣ.

Мода на тюрьму такъ велика, что нѣкоторыя тюрьмы превратились положительно въ модные курорты, гдѣ фешенебельные красавицы и красавцы поправляютъ свои нервы, столь разстроенные подъ дуновеніемъ всѣхъ четырехъ свободъ.

Учащаяся молодежь тоже чаще удостаиваетъ посѣщеніемъ тюрьму, чѣмъ свои учебныя заведенія.

Не смотря на такую модность тюрьмы, въ періодической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного полнаго руководства по тюрьмосидѣнію. Слабой попыткой восполнить этотъ пробѣлъ и является моя нынѣшняя работа.

Мнѣ посчастливилось пройти полный курсъ тюрьмы: началъ я съ Предварительной, что соотвѣтствуетъ приготовительному классу нашихъ гимназій, затѣмъ перешелъ въ Пересыльную, что соотвѣтствуетъ нашей гимназіи, потомъ перешелъ въ „Кресты“, что соотвѣтствуетъ университету, и кончилъ курсъ въ Крѣпости, что соотвѣтствуетъ любому высшему спеціальному учебному заведенію, куда обыкновенно идутъ послѣ университета и поступаютъ по конкурсу.

Основательный конкурсъ пришлось пережить и мнѣ: сначала въ судебной палатѣ, а затѣмъ въ правительствующемъ сенатѣ. Но имѣя такого репетитора, какъ мой защитникъ, я шелъ навѣрняка. И поступилъ въ числѣ самыхъ первыхъ за сочиненіе по русскому языку на тему „Сказка о веснѣ“.

Пустяки болтаютъ, будто тюремное дѣло поставлено у насъ ненормально и манифестъ 17 октября отдѣлилъ стѣной тюрьму отъ общества. Напротивъ, этимъ манифестомъ доступъ въ тюрьму значительно облегченъ. Я пойду дальше, я скажу, что тюремное вѣдомство значительно опередило министерство народнаго просвѣщенія. Послѣднее еще только все хлопочетъ о сліяніи общества и школы, а тюрьма уже достигла полнаго сліянія общества.

Тюрьма въ настоящее время самое закрытое изъ всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Всѣ воспитанники тюрьмы являются живущими (интернами); приходящихъ нѣтъ.

Воспитанники считаются до такой степени казенно-коштными, что при поступленіи въ тюрьму у нихъ отбираются деньги и подъ особую квитанцію сдаются кассиру тюрьмы.

Много стипендій. Я, напримѣръ, долгое время числился стипендіантомъ охраннаго отдѣленія.

Отбираніе денегъ—мѣра гигіеническая, но носитъ и нравственный характеръ. Заботясь о душевной и тѣлесной чистотѣ воспитанниковъ, тюремное начальство боится, какъ бы съ этими день-



Художн. В. Н. Денисовъ (Дени).



Дени «Муйжель».

гами не была внесена въ камеру зараза.

Вѣдь Богъ знаетъ, въ какихъ рукахъ были эти деньги, прежде чѣмъ попали въ руки воспитаннику; быть можетъ въ заразныхъ или даже политически неблагонадежныхъ рукахъ.

Отобранныя деньги считаются за воспитанникомъ, какъ онъ самъ считается за кѣмъ нибудь: одинъ за прокуроромъ, другой за слѣдователемъ, третій за охраннымъ отдѣленіемъ, четвертый за тюремнымъ вѣдомствомъ, сирѣчь, отбываетъ наказаніе.

Деньгами этими воспитанникъ можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію профильтрованному сквозь фильтръ тюремнаго начальства. Покупать водку, карты, неприличныя открытки и газеты, хотя-бы и самый „Правительственный Вѣстникъ“, безусловно возбраняется.

При поступленіи въ тюрьму, кромѣ денегъ, отбираются у воспитанника всѣ цѣнныя вещи и часы. Дѣлается это очевидно для того, чтобы кто-нибудь изъ воспитанниковъ не открылъ у себя въ камерѣ ссудную кассу подъ закладъ движимостей. Такая касса, будучи открыта въ тюрьмѣ, должна неминуемо прогорѣть за недостаткомъ объектовъ закладыванія.

Превентивною мѣрою является и отобраніе у воспитанниковъ всякихъ острыхъ предметовъ, топоровъ, ножей, вилокъ, бритвъ, сабель, штыковъ, ланцетовъ и подтяжекъ.

Послѣднія только въ домѣ предварительнаго заключенія причисляются къ предметамъ острымъ на томъ основаніи, что будучи сильно подтянуты, онѣ рѣжутъ плечо.

Языкъ къ предметамъ острымъ ни въ одной изъ тюремъ не причисляется. Такъ что выраженіе поэта.

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ...

относится къ другому событію, а не къ аресту.

Да оно и понятно. Языкомъ можно зарѣзаться только тамъ, гдѣ нѣтъ свободы слова. Въ тюрьмѣ-же свобода слова полнѣйшая.

Въ своей камерѣ, безъ риска быть арестованнымъ, вы можете говорить даже такія вещи, за которыя на свободѣ были-бы арестованы со всѣми вашими восходящими родственниками до прапрабабушки включительно.

Но вотъ что странно. Когда есть полная свобода слова, нѣтъ вовсе аппетита ею пользоваться. По крайней мѣрѣ, я въ своей камерѣ велъ себя такъ, какъ будто въ глазокъ моей двери все время смотритъ цензурный комитетъ или прокуроръ.

Цензурой называется та горчица, которая вызываетъ аппетитъ слова.

Дъ домѣ предварительнаго заключенія, послѣ обыска вашего костюма и отобранія остроцѣнныхъ вещей, васъ отсылаютъ къ предварительному врачу. Онъ обыскиваетъ ваше тѣло снаружи и изнутри, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли у васъ острыхъ болѣзней.

Врачъ заставилъ меня показать ему языкъ. Я исполнилъ его капризъ не особенно охотно, потому что подумалъ:

— А ну какъ онъ „вырветъ грѣшный мой языкъ и празднословный и лукавый!“

Но и врачъ оставилъ мой языкъ при мнѣ лично, а не пріобщилъ его къ дѣлу.

Затѣмъ васъ вводятъ въ вашу камеру.

Въ Предварительной тюрьмѣ, какъ и въ „Крестахъ“, вы идете по коридору съ тюремщикомъ. Сначала вамъ кажется, что вы попали не въ тюрьму, а въ лондонскій королевскій банкъ и именно въ ту часть, гдѣ расположены несгораемые шкафы. Такая-же система металлическихъ лѣстницъ, площадокъ и узкихъ галлерей и такъ-же всѣ стѣны сплошь заняты рядами наглухо замкнутыхъ дверокъ.

— Какія-то сокровища хранятся тамъ въ этихъ несгораемыхъ шкафикахъ, сокровища души, сердца, ума! — подумалъ я.

И только успѣлъ это подумать, какъ самъ превратился въ такое сокровище.

Со звономъ отворилась дверь. И со звономъ захлопнулась.

Я очутился въ камерѣ-обскурѣ.

Въ особенности одиночныя камеры Предварилки пришлись-бы по вкусу фотографамъ-любителямъ. Я замѣтилъ, что они для своихъ хитрыхъ манипуляцій любятъ уединяться въ темныя каморки.

Я помню, какъ мой пріятель напечаталъ разъ въ газетѣ объявленіе:

„Важно для фотографовъ! Совершенно темный чуланъ! Сдается по сходной цѣнѣ.“

Отъ любителей отбою не было.

Я лично никогда не любилъ любителей и никогда не былъ таковымъ, такъ что для меня камера обскура не представляла изъ себя ничего занимательнаго.

Пять шаговъ вдоль, три поперекъ. Окно выше роста человѣческаго. Не на что встать, чтобы посмотрѣть въ него, такъ какъ кровать (желѣзная), столъ (желѣзный) и параша (чуть-ли не чугунная) крѣпко вдѣланы въ стѣну.

Первые три предмета могутъ быть откинуты отъ стѣны или пожеланію пригнуты къ ней, чѣмъ увеличивается аплитуда колебанія узника по камерѣ. Подоконникъ сдѣланъ настолько покатымъ, что ухватиться за него руками нѣтъ возможности. Такимъ образомъ окно въ Предварилкѣ является чѣмъ-то символическимъ. Въ него и свѣтъ не проникаетъ (съ двухъ часовъ дня приходится зажигать свѣчу), и посмотрѣть на свѣтъ Божій нельзя.

Другое дѣло въ Пересыльной и „Крестахъ“. Тамъ и тутъ придѣланы къ стѣнѣ лишь кровать да параша, — недвижимость въ полномъ смыслѣ. Остальная мебель — столъ и табуретъ — весьма портативны. Вы можете влѣзть на табуретъ и оттуда любоваться флорой Казачьяго плаца, если вы въ Пересыльной, или тюремнаго двора, если въ „Крестахъ“.

Любуйтесь, не спѣша, милостивый государь, у васъ есть время полюбоваться. При другихъ обстоятельствахъ вы могли-бы до сѣдинъ дожить въ Петербургѣ и ни разу не видѣть красотъ Казачьяго плаца.

Итакъ, первая достопримѣчательность камеры — окно. Оно имѣетъ видъ приплюснутаго сверху квадрата. Своды тюрьмы словно придавили его своей тяжестью. Кромѣ того оно имѣетъ очень солидную рѣшетку и форточку.

Рѣшеткой тотъ клочекъ неба, который вы считаете своею собственностью зачеркнутъ и перечеркнутъ прямыми параллельными чертами.

Небо символъ — свободы — разграфлено. Тоже, какъ и вы, посажено въ клѣтку.



Дени. «П. А. Морозовъ.»

Если вы философъ, философствуйте.

Форточка устроена для того, чтобы изъ нея дуло. Такимъ образомъ, если вы задумали покончить самоубійствомъ, не огорчайтесь, что у васъ отняты острые предметы.

Вы можете ночью въ одномъ бѣльѣ или вовсе въ „безбѣльѣ“ подойти къ форточкѣ и простоять часокъ-другой.

Гарантирую вамъ воспаленіе въ легкихъ. Если бы даже у васъ было не два, а двадцать два легкихъ, они всѣ-бы воспалились.

Другой способъ, который я могу рекомендовать въ этомъ случаѣ, — настойка изъ спичекъ.

Затѣмъ, наконецъ, кто вамъ мѣшаетъ завер-

Дени. «Корней Чуковскій».



нуться въ грязное и чистое бѣлье, лечь на кровать и поджечь оную снизу. Въ Пересыльной, гдѣ освѣщеніе керосиновое, вы даже можете предварительно облиться керосиномъ, а въ Предварилкѣ, гдѣ преобладаютъ стеариновыя свѣчи, вы можете проглотить парочку-другую свѣчекъ, чтобы себя, такъ сказать, простеаринить, и уже потомъ покончить самосожженіемъ.

Въ „Крестахъ“ освѣщеніе элекрическое. Оно вспыхиваетъ въ 6 часовъ утра и тухнетъ въ 9 часовъ вечера. Въ lucida intervalla мрачнаго питерскаго дня оно конечно не горитъ. Лампочка одна. Помѣщается она въ центрѣ сводчатаго потолка и позволяетъ во всей камерѣ свободно читать, писать, и дѣлать что угодно Словомъ, освѣщеніе шикарное.

Благодаря свѣчному освѣщенію, темной окраскѣ стѣнъ и узости камеры Предварилка именно темница. Камера „Крестовъ“—передъ ней свѣтлица.

ДЕНЬ.

Когда поступаетъ арестантъ, тюремщикъ составляетъ инвентарь его имущества.

Тюремный же докторъ, осматривая васъ, составляетъ также опись поступившаго въ его вѣдѣніе имущества;

Голова—одна.

Руки—двѣ.

Ноги двѣ. И. т. д.

При этомъ отмѣчаетъ степень исправности каждаго изъ этихъ предметовъ.

По этой описи онъ долженъ васъ сдать по минованіи надобности.

Этимъ и объясняется щепетительно внимательное отношеніе къ вашей неприкосновенности въ тюрьмѣ.

У васъ отбираютъ все острое, все способное затянуться въ петлю. Во всей камерѣ нѣтъ ни одного гвоздя, на которомъ вы могли бы хотя сколько нибудь сносно повѣситься.

Три деревянныхъ тычка воткнутые въ кронштейнъ, тоже деревянный настолько непрочны и такъ низко повѣшены, что могли бы пригодиться только младенцу.

Но грудныхъ младенцевъ въ Кресты не принимаютъ. Для политически неблагонадежныхъ младенцевъ строится особая тюрьма.

Кормить ихъ тамъ будутъ кормилки черезъ дверную форточку.

Итакъ, приняты всѣ мѣры, чтобы вы не повредили себѣ, потому что въ противномъ случаѣ начальникъ тюрьмы отвѣчаетъ за порчу казеннаго имущества.

Но вотъ вы умылись.

Форточка раскрывается.

— Кипятокъ!

Арестантъ, конечно уголовный, наливаетъ изъ какой-то громадной мѣдной лейки обернутой мѣстами въ грязную тряпку, кипятокъ. Но прежде чѣмъ заварить чай, не забудьте вытряхнуть изъ чайника испитый чай и разбросать его по полу камеры.

Ничто такъ не собираетъ пыль, какъ влажный спитой чай и когда вы будете подметать камеру съ помощью вашей маленькой почти игрушечной щеточки, вы поймете важность моего замѣчанія.

Метите, метите, пока чай стоитъ на самоварѣ. Нечего бездѣльничать. Соръ вотъ сюда,—ближе къ парашѣ. Тутъ же устройте себѣ плевательницу, изъ коробки для гильзъ и гигроскопической ваты.

Плевать на полъ и поднимать пыль въ камерѣ, гдѣ каждый квадратный вершокъ играетъ роль мебели, остерегайтесь.

Семь часовъ. Если у васъ выписана булка,—выписываютъ разъ въ недѣлю всѣ съѣстные и не съѣстные предметы, вотъ по этому перечню, который виситъ у васъ надъ постелью,—вамъ ее сейчасъ всунутъ въ форточку.

Въ этомъ напечатанномъ и утвержденномъ начальникомъ тюрьмы перечнѣ прежде всего оста-

Дени «Леонидъ Андреевъ».



Дени. «Осипъ Дымовъ».



новитъ ваше вниманіе росписаніе обѣдовъ, которые вы можете получать за свои деньги.

Обѣды—трехъ сортовъ.

1) Обѣдъ въ 35 коп.

2) Цинготный больничный обѣдъ—въ 20 коп.

3) Средніи больничный обѣдъ въ 16 коп.

За 35 коп. вамъ даютъ по воскресеньямъ—супъ съ картофелемъ и перловой крупой (мяса ½ ф.) и жареную телятину съ картофелемъ (мяса ¾ ф.); въ понедѣльникъ—(борщъ ½ ф. мяса) и говяжьи котлеты съ макаронами (½ ф. мяса), вторникъ—супъ съ вермишелемъ (м. ½ ф.) и тушеная говядина (м. ¾ ф.); среда—супъ съ картофелемъ и телячья котлета; четвергъ щи и жаренная говядина; пятница—супъ съ вермишелемъ и говяжья котлета; суббота—борщъ и жареная говядина. Къ каждому обѣду полагается фунтъ чернаго и ½ фунта полубѣлаго хлѣба.

Цинготный обѣдъ изъ трехъ блюдъ: на первое или щи (м. 28 зол.), или окрошка (56 зол.), или борщъ (56 зол.), или горохъ (56 зол.); на второе котлета говяжья, или жареная говядина, или каша. Третье блюдо подается на ужинъ—каша или гречневая или пшенная.

Наконецъ больничный обѣдъ въ 16 (раньше 15 к.) на первое дается супъ картофельный, перловый, или съ вермишелью (м. 28 зол.), на второе мясо въ рубленномъ или нерубленномъ видѣ (56 зол.), а на третье кашица гречневая, пшенная или ячневая.

Я перепробовалъ всѣ обѣды безъ особаго вреда для собственнаго здоровья. Но и безъ особой пользы.

Но зато съ особымъ неудовольствіемъ. Особенно невыносимъ супъ всѣхъ трехъ категорій, цинготная говядина и „средняя“ кашицы.

Можетъ быть супы изготовляются изъ веществъ политически благонадежныхъ, но выглядятъ до того не аппетитно, до того неблагонадежно.

4) ОТДѢЛЬНАЯ ПОРЦІЯ:

жаркое или котлета телячья съ картофелемъ (мяса 48 зол.)—коп. безъ хлѣба;

тоже говяжье—8 коп;

компотъ—7 коп...

Я рискнулъ выписать на всю недѣлю телячью котлету и компотъ. И за двадцать копѣекъ у меня получился превосходный, нѣсколько экзотическій обѣдъ.

Но я увлекся въ сторону. Отъ булки перешелъ къ обѣду.

Итакъ, къ чаю вамъ подаютъ булку. Вы могли бы выписать сушекъ или баранокъ или вѣсового хлѣба. Но французская булка лучше,—она въ три коп. ее скушаете заразъ и она не успѣетъ зачерствѣть. Выписывайте даже лучше двѣ булки,—одну къ обѣду.

Можете выписывать бутылку молока (8 к.) или ½ сливокъ (10 к.).

Ихъ будутъ приносить часовъ въ девять.

Это будетъ вашъ завтракъ.

Обѣдъ въ 11 часовъ.

Ужинъ въ 5.

Спать въ девять.

Полная переоцѣнка цѣнностей,—т. е. времени.

Вы попиваете чаекъ, а внизу соловьи свищутъ и звонки звонятъ...

Это старшій тюремщикъ вызываетъ условными свистками подручныхъ.

Цѣлый день раздаются его свистки и выкрики:

— 415 гулять!

— Съ 95 до 112, кромѣ одиночекъ,—гулять.

— 8?—свиданіе!

— 32—къ парикмахеру!

— 47—къ фельдшеру!

— Приготовьте 78 въ баню!

— 39—въ первый баракъ!

— 132—на работу!

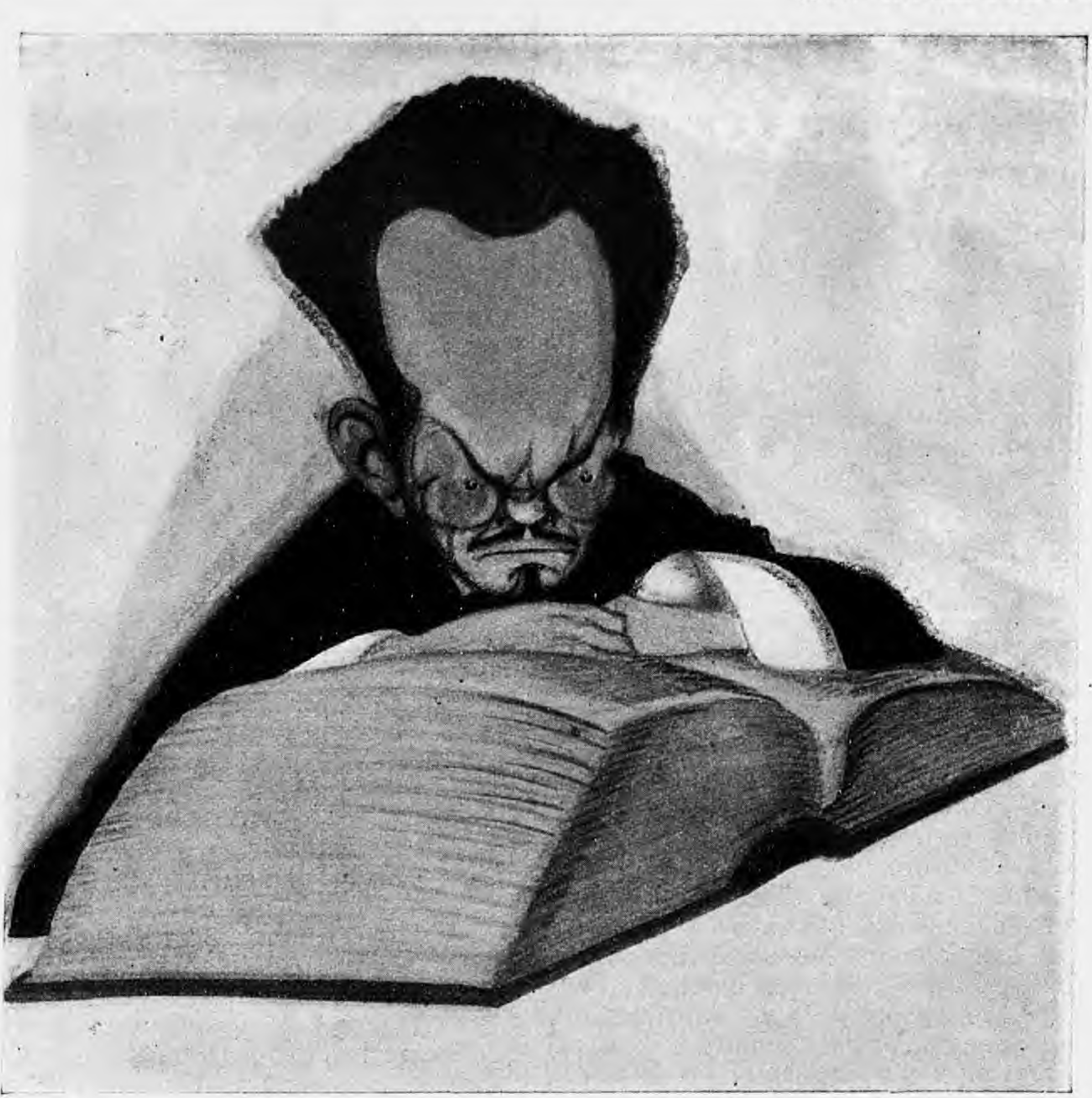
— Подайте 13 уголовныхъ гулять!

Какъ полководецъ онъ ведетъ жизнь всей этой пятиэтажной громады четырехъ крестообразно расположенныхъ системъ камеръ.

Дени «Верхарнъ».



Дени. «Алексѣй Ремизовъ».



Сколько ихъ даже приблизительно сказать не могу. Во время прогулки по двору мы видимъ меньше чѣмъ одну четвертую часть этой Бастиліи и то я насчиталъ 50 оконъ.

И за каждымъ окномъ томится такое же я, какъ я. И каждое это я считаетъ себя центромъ цѣлаго міра!

600—700 міровъ, 600—700 міровоззрѣній, 600—700 программъ политическихъ или уголовныхъ!

И всѣ эти 600—700 личностей обезличены, превращены въ манекеновъ, въ куколъ, въ приготовишекъ, въ опасно больныхъ и всѣми ими командуетъ вотъ этотъ дежурный старшій.

И въ его устахъ, и въ его глазахъ это не личности, а цифры входящія и выходящія,—въ настоящемъ значеніи этого слова.

А вѣдь быть можетъ самыя яркія дарованія скрыты сейчасъ въ этой Бастиліи.

Вы пьете чай и философствуете.

Но вотъ форточка открылась:

— Гулять!

Еще темно. Вамъ менѣе всего хотѣлось бы гулять именно въ 8 часовъ утра, но разъ сегодня вамъ выпалъ этотъ часъ, вы должны мириться,—вѣдь росписаніе составлено такъ,—чтобы за день на четырехъ дворахъ успѣли перегулять по получасу всѣ политическіе.

Гуляющіе дѣлятся на „одиночекъ", которые гуляютъ совершенно одинъ на одинъ съ тюремщикомъ,—шерочка съ машерочкой, и на „общихъ".

Общихъ, къ которымъ вѣроятно относитесь и вы, выводятъ человѣкъ по 12—14, но предварительно изолируя политическихъ уголовными.

Дворъ круглый. На концахъ діаметра стоятъ два тюремщика съ револьверами. Вы должны идти по окружности по движенію часовой стрѣлки. Передъ вами спина уголовнаго арестанта, въ его сѣромъ форменномъ петанлерчикѣ, или въ коротенькомъ полушубкѣ. За вами—тоже уголовный.

Всѣ политическіе идутъ въ одну сторону и между каждымъ по уголовному изолятору!

А на концахъ батареи—два тюремщика—часовыхъ.

Это называется гулять.

По холодку вы бѣжите.

15 круговъ по 150 шаговъ, итого версты полторы въ полчаса дѣлаете, бѣгая какъ бѣлка въ колесѣ,

Вернулись. А въ 9 часовъ—въ форточкѣ появилось молоко.

Вы завтракаете.

Потомъ пишете письма, чтобы ихъ сегодня же отослали прокурору.

Письмо идетъ къ вамъ съ воли дней 10—12. Телеграммы тоже не быстрѣй.

Такъ основательно оставлены вы отъ „свободы"...

ПОСЛѢ ОБѢДА.

До обѣда смѣло можете писать письма къ родителямъ. Не особенно торопитесь, потому что у васъ времени еще порядочно. Вѣдь обѣдаютъ въ тюрьмѣ въ 11 часовъ.

Первые дни желудокъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ такого болѣе чѣмъ буколическаго спозаранка.

Онъ брезгливо отварачивается отъ бурдообразныхъ суповъ, поданныхъ въ такой часъ, когда на свободѣ онъ привыкъ пить кофе.

Но черезъ три дня въ 10 часовъ онъ начинаетъ побуркивать:—„А хорошо бы, чертъ возьми, поцинготничать!.."

И цинготный супъ, приправленный такою специей, какъ голодъ, кажется ему желаннымъ гостемъ.

Пообѣдаете вы къ половинѣ двѣнадцатаго. Поковыряете въ зубахъ. Помоете посуду (—вашу собственную, т. е. ложку, роговой ножикъ и вилку) и... для васъ начинается то милое время между обѣдомъ и театромъ, на которое падаютъ сумеречные тоны, блики догорающаго камина, молчаливая грустно-радостная бесѣда съ любимой женщиной, мѣрные всплески качалки, словно лодка васъ уноситъ куда-то далеко-далеко, въ царство сказки и очарованія.

Французы зовутъ это уютно интимное время entre chien et loup.

А въ тюрьмѣ оно приходится на 12 час. и протекаетъ все, a giorno.

Въ это время можете читать, мечтать, философствовать, заниматься политикой, сочинять стихи. Старайтесь быть непринужденно веселымъ. Помните пѣсенку Беранже.

Chantez, chantez, ma belle
Chantez, chantez toujours...

Черезъ куплетъ поэтъ совѣтуетъ:

Valsez, valsez ma belle..

И это недурно. Вальсъ полируетъ кровь. Смѣхъ—мозгъ.

Маленькая гимнастика необходима. До ужина у васъ пять часовъ и два кипятка.

Кипятки скрашиваютъ вашу жизнь. Вы завариваете чай. Ждете, когда онъ настоится. Рѣжете

Дени. «Гр. А. Н. Толстой».



Дени. «Вилли Ферреро свидѣтельствуется врачами».



лимонъ. И въ это время у васъ просыпаются инстинкты буржуа.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ онъ ни отпирайся, сидитъ таки буржуй и въ самые для васъ неожиданные моменты вдругъ потираетъ руки и восклицаетъ:

— А вѣдь я, чортъ возьми, хозяйственно устроился.

Кипятокъ вноситъ иллюзію хозяйственности.

Но главнымъ образомъ читайте, пока свѣтло. Читайте Достоевскаго—пусть онъ введетъ васъ въ страну униженныхъ и оскорбленныхъ. Читайте Сѣрошевскаго—пусть онъ раскрываетъ передъ вами быть прокаженныхъ —предѣлъ скорби. Читайте Успенскаго—пусть передъ вами возобновляются нравы потерянныхъ растеряевцевъ. Читайте Мельшина,—пусть передъ вами промелькнутъ во всей ихъ отвратительной подробности сцены каторжной жизни. Но лучше всего читайте еврейскіе разсказы Юшкевича,—вотъ гдѣ бытъ и прокаженныхъ, и бытъ каторжниковъ, и бытъ униженныхъ и оскорбленныхъ,—всѣ быты слились.

И когда вы оторветесь отъ этого предѣла скорби, вамъ покажется миленькой, жантильной бонбоньерочкой ваша камера, а бытъ „Крестовъ“—великолѣпнымъ бытомъ.

Чего же вамъ еще надо!—У васъ есть кусокъ хлѣба, и кровъ, и отопленіе, и освѣщеніе, и книги .. Вы—степендіатъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вы счастливчикъ, баловень судьбы,—вотъ кто вы! И буржуа снова потираетъ руки.

— А не заварить ли мнѣ еще чаю!

Чаю вы за день набухаете столько что чайникъ распухнетъ. Но тѣмъ лучше,— завтра будетъ чѣмъ мести полъ!

Библіотека въ Крестахъ порядочная. Въ Предварилкѣ тоже ничего. Въ Пересыльной же никуда не годится.

Въ Крестахъ книги только на русскомъ языкѣ—это вѣроятно потому что библіотекой завѣдуетъ тюремный священникъ.

Книги вы можете мѣнять каждый день. Должны прочитанную высунуть въ форточку до 12 часовъ и въ тотъ же день часа въ 3—4 получите новую по вашей выпискѣ изъ каталога.

Отличная штука—книга. Ею можно бы весь день наполнить.

Но къ сожалѣнію недостатки освѣщенія даютъ себя скоро почувствовать.

Глаза устаютъ. Слезятся. Окно вѣдь высоко и далеко. А лампочка—еще больше,—она въ центрѣ сводчатаго потолка,—на саженной высотѣ отъ поверхности вашего стола, гдѣ лежитъ ваша книжка.

Чу, форточка открывается.

— Ужинъ.

Если вы подписчикъ на цинготный обѣдъ, вамъ подаютъ кашу, если на больничный средній—кашицу.

Почти всѣ тѣла въ природѣ какъ мы знаемъ по физикѣ могутъ быть подаваемы въ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ.

Даже воздухъ.

Такъ же и каша.

Цинготная каша—это каша въ твердомъ состояніи, „кашица“—кашавъ жидкомъ состояніи.

Каши въ газообразномъ состояніи въ тюрьмѣ не подавали. А, жаль, Можетъ быть, она-то и была бы съѣдобной и не воняла бы не то крысой не то псиной.

У меня лично на ужинъ остается всегда мой компотъ. Подбавлю къ нему апельсинныхъ ломтиковъ, уздоблю сахаромъ,—и чувствую себя итальянцемъ, хотя по совѣсти говоря тѣ трупы фруктовъ, которые подаютъ въ компотѣ сильно нуждаются въ удостовѣреніи личности.

Не то яблоко, не то моченая слива, не то винная ягода, плаваетъ въ лужѣ мутноватаго и грязноватаго цвѣта.

Поужинавъ; до кипятка стучите сосѣду.

Самый употребительный ключъ въ Крестахъ такой:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ю	я		—

Вамъ нужно напримѣръ, выстукать ваше имя—Николай.

Н—находится въ третьемъ ряду на третьемъ мѣстѣ.

Вы стучите:

— Тукъ-тукъ-туткъ. Тукъ-тукъ-тукъ!

И—во 2-мъ ряду на четвертомъ мѣстѣ.

Тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

К—Тукъ тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ-тукъ.

О—Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ.

Затѣмъ: Тукъ-тукъ.

Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ. — Тукъ-тукъ-тутъ-тукъ-тукъ-тукъ.

И дѣлаете по стѣнѣ росчеркъ, чтобы показать что слово окончено.

Когда привыкнете разговоръ пойдетъ быстро... если бы было о чемъ разговаривать.

У уголовнаго сосѣда вашего новостей еще меньше чѣмъ у васъ, да и тѣ новости не того порядка.

Но вотъ:

— Кипятокъ.

Вашъ сосѣдъ и вы предаетесь прелестямъ буржуазнаго времяпровожденія.

Около девяти часовъ внизу раздается уголовная хоровая молитва.

Въ девять тухнетъ электричество...

Такъ незамѣтно прошелъ день.

Осталось только 364!

О ТРЕНИРОВКѢ И РАЗВЛЕЧЕНІЯХЪ.

Итакъ, тюрьма кажется тяжкой только съ непривычки. Сначала сидѣть противно. А потомъ всидишься такъ даже нравится.

Въ каждомъ искусствѣ нужна тренировка. И въ искусствѣ сидѣть тоже. Вотъ почему я дивлюсь на молодежь, которая пренебрегаетъ этимъ занятіемъ.

У насъ готовятся для того, чтобы поступить въ гимназію, въ университетъ, въ техническое училище, тренируются, чтобы поступить въ клубъ велосипедистовъ, въ Петровскій клубъ, въ Черноречѣнскій клубъ, но у насъ не готовятся и не тренируются передъ тѣмъ, какъ поступить въ тюрьму.

А между тѣмъ, не чаще-ли всего туда попадаютъ и не больше-ли всего жалобъ на то, что съ непривычки тюрьма кажется адомъ.

Между тѣмъ нѣтъ ничего проще, какъ устроить у себя въ квартирѣ примѣрную камеру — (чуланъ всегда найдется) и отводить недѣльку — другую черезъ мѣсяцъ—два на упражненія въ ней.

Обстановка тренировочной камеры не Богъ знаетъ чего стоитъ. На обратной сторонѣ висящаго въ тюрьмѣ „Перечня обѣдовъ“, о которомъ я уже выше упоминалъ, напечатана „Опись и стоимость казеннаго имущества, находящагося въ камерѣ“.

Кровать желѣзная съ установкой	14 р.	—	к.
Матрасъ мочальный	1 „	50	„
Подушка соломенная	— „	43	„
Пододѣяльникъ	— „	80	„
Одѣяло суконное	2 „	—	„
Столъ	2 „	—	„
Табуретка	— „	80	„
Образъ	— „	30	„
Евангеліе	— „	25	„
Молитвенникъ	— „	25	„
Два мѣдныхъ ярлыка	— „	50	„
Гребенка	— „	25	„
Мѣдный тазъ	2 „	80	„
Мѣдный кувшинъ	2 „	35	„
Мѣдная миска	1 „	29	„
Мѣдная тарелка	— „	85	„
Мѣдная солонка	— „	12	„
Ложка деревянная	— „	$1^1/_2$	„
Двѣ вѣшалки	1 „	—	„
Щетка половая	— „	40	„
Лампа электрическая	2 „	60	„
Клозетъ-ведро (парашка)	2 „	25	„

Итакъ, все приданое арестанта обойдется вамъ въ 38 р. $15^1/_2$ к.

Но зато ужъ вы у себя дома будете чувствовать себя заправскимъ арестантомъ.

А когда попадете въ тюрьму, будете чувствовать себя, какъ дома.

Дени. «Н. Н. Фигнеръ».

Во время тренировки заставьте горничную будить васъ звонкомъ въ 5 ч. 45 м., заставьте домашнихъ всѣхъ пѣть въ 6 ч. 15 м. молитву, въ 9 ч.—раздача хлѣба, въ 11 ч.—раздача мяса, въ 5 ч. ужинъ, въ 8¼ ч.—вечерняя молитва и въ 9 ч. тушеніе огней.

Вы увидите что, столь экономный режимъ выгоднѣйшимъ образомъ отразится на вашемъ домашнемъ бюджетѣ.

У васъ и финансы и здоровье поправятся и нервочки поуспокоятся, и сами вы пополнѣете и похорошѣете.

И вмѣстѣ съ тѣмъ пріуготовитесь къ тому мѣсту, его же не прейдеши, т. е. къ тюрьмѣ.

Но если полезно и пріятно скрашивать домашнюю жизнь воспроизведеніемъ въ миніатюрѣ тюремной обстановки, то еще болѣе пріятно развлекать себя въ тюрьмѣ воспроизведеніемъ обстановки домашней.

Вотъ объ этихъ-то невинныхъ развлеченіяхъ я и хочу поговорить въ нынѣшней главѣ.

Каждому добропорядочному арестанту, а также и каждому тренирующемуся слѣдуетъ твердо знать печатныя „Правила для заключенныхъ“.

1) По прибытіи въ камеру заключенный долженъ провѣрить, всѣ-ли положенные по описи предметы въ ней находятся и состоятъ ли они въ должной исправности, въ противномъ случаѣ обязанъ заявить надзирателю въ теченіе первыхъ по прибытіи сутокъ, иначе пріобрѣтеніе недостающихъ въ камерѣ вещей или ихъ испра-

Дени. «Н. В. Плевицкая».



вленіе производится за счетъ заключеннаго."

Въ большинствѣ случаевъ, попавъ въ тюрьму если вы не тренированный новичекъ, вы первый день бродите, какъ шальной.

Вамъ и въ голову не придетъ заняться провѣркой вещей, какъ гласятъ правила напечатанныя на оборотной сторонѣ „Перечня цинготныхъ обѣдовъ".

Вслѣдствіе этого вы можете попасть въ скверную исторію.

Тюремный надзиратель вамъ скажетъ на слѣдующій день:

— Вы должны купить табуретъ.

Дени. «А. П. Павлова»



— Какой табуретъ?

— Да вотъ, который значится въ описи.

— Въ описи-то онъ значился. Но былъ-ли онъ въ камерѣ.

— Если значится въ описи, значитъ былъ и въ камерѣ. Иначе вы должны были бы объ этомъ объявить мнѣ въ теченіе сутокъ.

— Но я не зналъ этого.

— Никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона, хотя бы и напечатаннаго на оборотной сторонѣ цинготнаго меню.

— Позвольте, но куда же могъ дѣться вашъ табуретъ.

— Это не мое дѣло.

— Вѣдь не укралъ же я его. Вы сами знаете, что я не выходилъ изъ этой комнаты. Гостей у меня не было... Да, наконецъ, обыщите меня...

— Это не мое дѣло...

— Проглотить вашъ табуретъ я тоже не могъ... Слѣдовательно его здѣсь не было и не могло быть, и ваши цинготныя правила, которыя требуютъ чтобы я купилъ новый табуретъ, не... не... не... основательны ..

— Мы не имѣемъ права входить въ критику правилъ. Мы власть исполнительная ..

Я не знаю, удастся-ли вамъ отвертѣться отъ покупки табурета.

Но разъ вы добровольно согласитесь купить табуретъ, не признаетесь-ли вы тѣмъ самымъ въ предосудительномъ уничтоженіи стараго табурета.

Не бросите-ли вы на свою политическую репутацію уголовную тѣнь!..

2) „Содержать въ чистотѣ камеру и въ опрятности постель, нижнее бѣлье и верхнее платье, стѣнъ не пачкать и не царапать!"

Смотрите, не спутайте:—„камеру въ чистотѣ, а постель—въ опрятности".

Бывали случаи, когда арестантъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло ухлопывалъ свое драгоцѣннѣйшее время на то, чтобы содержать камеру въ опрятности, а постель въ чистотѣ.

Ну, какъ вы будете держать въ опрятности такую неопрятную вещь, какъ параша.

А вѣдь она—часть камеры.

Ну какъ вы будете содержать въ чистотѣ постельное бѣлье, когда оно и чистое, и грязное имѣетъ одинъ и тотъ же цвѣтъ и запахъ.

Ей Богу, нужно быть экспертомъ, чтобы сказать съ увѣренностью, чистъ, или грязенъ вотъ этотъ цинготный пододѣяльникъ.

Да, наконецъ, какія мѣры можете вы принять въ камерѣ противъ загрязненія бѣлья.

Чаще мѣнять. Но оно мѣняется по усмотрѣнію начальства въ сроки, предуказанные свыше.

Другихъ мѣръ нѣтъ.

Не можете же вы завертываться въ газетную бумагу, щадя пододѣяльникъ.

Уже по тому самому, что газетная бумага въ камерѣ вещь невѣроятная.

„Стѣнъ не пачкать и не царапать"...

Вы вспоминаете свое золотое дѣтство, которое мнѣ лично представляется въ видѣ милаго свѣтлаго многоугольника.

Такъ часто мнѣ приходилось отбывать угольную угловую? (угольною)? повинность.

Стоишь, бывало, въ углу и единственнымъ твоимъ развлеченіемъ было именно „стѣны пачкать и царапать"...

Начнешь ковырять обои, или намусленнымъ пальцемъ стирать съ нихъ рисунокъ, или выцарапывать любимый вензель.

Любовь во всѣ углы и закоулки проникаетъ. Отъ нея не убережетъ ни дѣтство, ни старость, ни уголъ, ни тюрьма...

Уголъ—это тюрьма дѣтства.

Тюрьма—это уголъ зрѣлыхъ лѣтъ.

И вотъ въ тюрьмѣ пробуждаются давно забытыя симпатіи и наклонности.

И каждый арестантъ начинаетъ съ пачканья и царапанья стѣнъ,—т.-е. со стѣнографіи.

Хоть вы и знаете, что послѣ васъ эти стѣны осмотрятъ и всѣ ваши стѣнограммы замажутъ масленой краской такъ основательно, что вашему наслѣднику не передается даже самое имя ваше.

Но вы все таки обольщаете себя надеждой; авось гдѣ-нибудь тюремщикъ и не усмотритъ, и имя ваше отъ тлѣнья убѣжитъ.

И вы выцарапываете крючкомъ отъ вашихъ ботинокъ, или ногтечисткою, или иголкою на масляной краскѣ стѣнъ:

„Въ сей камерѣ съ такого-то дня сидѣлъ и содержаніе оной не одобрилъ Петръ Зудодѣшинъ".

Если вы политическій, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вы напишите грамотно, если же вы уголовный, вы напишите такъ, что вашей орѳографіи удивился бы самъ милостивый государь Петръ Зудотѣшинъ.

Орѳографіи, какъ и обѣды, въ тюрьмѣ раздѣляются на уголовную, цинготную и политическую.

Кромѣ этической и орѳографической стороны стѣны не имѣютъ никакого значенія.

Практическое значеніе уже потому равно нулю, что первымъ чтецомъ вашей стѣнограммы будетъ тюремное начальство.

Не станете же вы изрекать философскія сентенціи или излагать политическія доктрины, имѣя цѣлью расширить кругозоръ господъ чиновъ тюремнаго вѣдомства.

Но не одна стѣнографія царапаетъ стѣны.

Царапаетъ ихъ и языкъ стуковъ, каменный языкъ, которымъ переговариваются сосѣди.

Во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи стѣны имѣютъ уши.

Въ тюрьмахъ же, кромѣ того,—языкъ.

Вы сидите, словно на телеграфѣ или на чрезвычайно удачномъ спиритическомъ сеансѣ.

Обѣ стѣны, полъ и потолокъ разговариваютъ.

Сначала это васъ интересуетъ, но скоро начинаетъ положительно раздражать.

— Ну, ударь одинъ разъ, ну два раза. Но нельзя же до безчувствія.

А тутъ вамъ по нервамъ ударяютъ положительно до безчувствія.

ЕЩЕ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Продолжаю изученіе цинготныхъ правилъ. Третье изъ нихъ гласитъ. И вставши утромъ вынести горшокъ-парашу, умыться, расчесать волосы и, положивши опрятно свою постель, закрыть койку". Первое изъ этихъ развлеченій—парашка,—увы—изъята изъ политическихъ развлеченій и представляетъ монополію уголовныхъ: утромъ къ вамъ является уголовный парашникъ и продѣлываетъ процедуру, о которой подробно сказано выше.

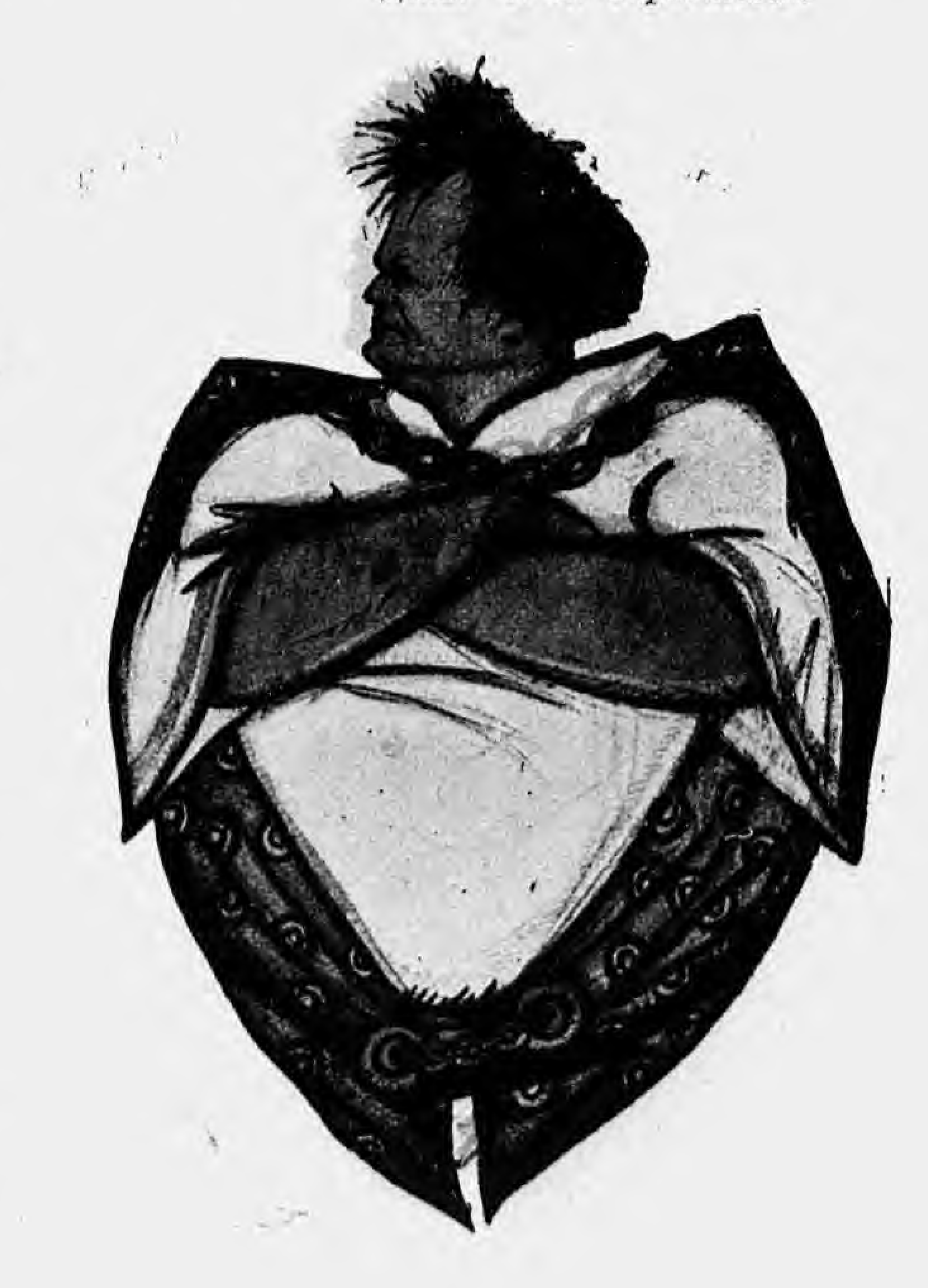
Умываніе, какъ развлеченіе, великолѣпная вещь. Тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ оно представляетъ изъ себя скачку съ препятствіями.

Мѣдный тазъ по величинѣ и по формѣ напоминающій соломенную шляпу, заставляетъ васъ прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы не разбрызгать того небольшого количества воды,

Дени. «Н. Ф. Баліевъ».



Дени. «I. В. Тартаковъ».



Дени. «Максъ Великій».



которое вамъ удалось скопить вчера отъ пяти остывшихъ кипятковъ.

Отъ находчивости, сообразительности ловкости рукъ, навыка и вниманія арестанта зависитъ благополучный исходъ операціи.

У новичка обыкновенно хватаетъ воды, чтобы умыть руки, а для лица если онъ терпѣливъ, можетъ ожидать пока простынетъ кипятокъ въ кувшинѣ.

Дени. «Марджановъ послѣ неудачи».



Я лично не удивсяюсь кажущемуся страннымъ на первый взглядъ желанію начальства отучить арестанта отъ чистоты.

— Отчего бы тазикъ или кувшинъ не довести до удовлетворительныхъ размѣровъ! — восклицаетъ близорукій новичекъ.

Да вотъ отчего: большой тазъ отнялъ бы у васъ развлеченіе.

Дени. «Высокое исскусство: К. А. Варламовъ кинематографируется».



Умыванье утратило бы спортивный элементъ свелось бы къ обыденщинѣ.

Я говорю о „Крестахъ". Въ Предварилкѣ вы можете мыться хоть цѣлый день, такъ какъ тамъ въ каждой каморкѣ по крану.

Слѣдующее развлеченіе — волосы. Свобода прическокъ—полнѣйшая.

Разъ въ недѣлю въ тюрьму приходитъ парикмахеръ съ чековой книжкой. Васъ вызываютъ.

Вы въ сопровожденіи надзирателя сходите внизъ въ корридоръ. Но не сразу попадаете въ камеру, гдѣ заключенъ парикмахеръ.

Сначала еще васъ попросятъ въ сосѣднюю камеру; гдѣ выдерживаютъ васъ въ карантинѣ отъ 5 до 30 минутъ.

(Положимъ я только разъ сидѣлъ 30 минутъ, обо мнѣ забыли).

Дени. «Вадимовъ-профессоръ».

Дѣлается это для того. чтобы вы чего добраго не столкнулись въ корридорѣ или камерѣ съ предыдущимъ кліентомъ парикмахера.

Но вотъ тюремщикъ говоритъ:

— Пожалуйте!

Вы входите въ камеру, отведенную на сегодня подъ парикмахера. Садитесь на табуретъ такой же, какъ у васъ въ камерѣ передъ такимъ же, какъ у васъ въ камерѣ, столомъ.

Пейзажъ тотъ же самый, который такъ осточертѣлъ вамъ уже въ своей камерѣ.

На полу масса политическихъ волосъ, черные, шатеновые, блондиновые, просѣди всѣхъ оттѣнковъ.

Много просѣди. Въ тюремномъ воздухѣ есть какой то микробъ, который серебритъ даже тридцатилѣтнихъ молодцовъ.

И есть еще другой микробъ, который подтачиваетъ корни волосъ и они выпадаютъ. Счастливцы! ихъ выметутъ и они очутятся на волѣ.

Тюремный Фигаро не разговорчивъ. Еще бы. Вы не подумайте, что вамъ позволятъ остаться съ парикмахеромъ съ глаза на глазъ.

Нѣтъ и къ нему приставленъ надзиратель. Иначе вы можете отъ парикмахера выпытать что-нибудь по части политики.

Я увѣренъ, что если бы вы умерли въ тюрьмѣ и пришелъ бы гробовщикъ снимать мѣрку съ вашего тѣла, и тутъ вашъ трупъ не оставили бы en deux, а откомандировали бы тюремнаго надзирателя

А вдругъ гробовщикъ сболтнетъ что-нибудь такое, отчего у васъ мертваго волосы станутъ дыбомъ.

Я не знаю избавляетъ ли дѣйствительно смерть отъ одиночнаго режима. Могутъ ли хоть на вашъ трупъ ваши родные глядѣть не пять минутъ, какъ на свиданіи и не при жандармѣ...

Вѣроятно, нѣтъ. Болѣзни самыя тяжелыя не избавляютъ.

Дени. «Г-жа Варламова».



У меня сердце обливалось кровью, когда я видѣлъ въ окошко „прогулку" одного такого политическаго старика.

Его выводили на дворъ подъ руки и усаживали: такъ желтъ и дряхлъ былъ онъ. Онъ весь дрожалъ отъ какихъ-то истерическихъ нервныхъ судорогъ.

Было тепло. Но его корчило, какъ будто онъ боится зыстыть.

Вѣроятно онъ изъ больницы. Но и въ больницѣ та же тюрьма.

Разъ какъ-то мы гуляли и его вывели. Онъ жадными глазами глядѣлъ на насъ. Глядѣлъ и дрожалъ.

А мы глядѣли и думали:

— Вотъ и изъ насъ многіе обречены на такое будущее.

И было тяжело. И мы старались не смотрѣть на него. И прятали свои взгляды.

А онъ такъ жадно ловилъ и молилъ этихъ взглядовъ.

И при этой трепещущей развалинѣ былъ приставленъ бравый тюремщикъ, чтобы мы не могли подать какой-нибудь знакъ этому несчастному...

Его зубы лихорадочно выстукивали дробь.

И я ждалъ, что надзиратель ему крикнетъ:

— Стучать не полагается!

И онъ будетъ правъ, потому что § 20 цинготныхъ правилъ гласитъ:

„Заключенному строго воспрещается гдѣ бы то не было, не только вступать въ разговоръ другъ съ другомъ, но и сноситься посредствомъ знаковъ, стука и проч..."

Дени. «Лось».

Но вернемся къ цырульнику.

Онъ не краснорѣчивъ и отвѣчаетъ на вопросы загадками и поговорками объективнаго характера.

Я спросилъ, напримѣръ, его:

— Довольны ли вы здѣшней практикой?

Онъ отвѣтилъ:

— Мѣсто свято не бываетъ пусто.

Это надо понимать.

— Да, оченъ доволенъ, потому что здѣсь всегда много кліентовъ. А въ одиночномъ заключеніи волосы ростутъ особенно быстро. Скучно,— вотъ они и растутъ.

Изъ всего въ тюрьмѣ надо умѣть сдѣлать развлеченіе.

Если вы носите бороду,—сбрейте ее. Это васъ развлечетъ на недѣлю. Каждый день вы будете улыбаться, видя въ осколкѣ зеркала „чужую" физіономію.

А когда привыкнете къ этой физіономіи, сбрейте и усы.

Еще недѣлю передъ вами новое лицо.

Привыкнете,—отпускайте баки, эспаньолку-бороду, или усы, – разнообразіе небывалое.

Я не знаю, запротестовало ли бы начальство если бы вы даже съэкстравагантничали, заставивъ парикмахера обрить только правую сто-

Дени. І. В. Тартаковъ».



Дени. «И. Е. Рѣпинъ».



рону лица, а лѣвый усъ и лѣвую половину бороды оставивъ въ покоѣ.

Наконецъ, можно сбрить лѣвый усъ и правую половину бороды.

Но въ этомъ, вѣроятно, начальство увидитъ условный „знакъ" и лишитъ васъ прогулки.

Политическій Фигаро бреетъ только политическихъ. Для уголовныхъ же особаго приходящаго парикмахера не полагается, потому что въ средѣ арестантовъ всегда оказывается нѣсколько человѣкъ этого почтеннаго цѣха. Они-то и несутъ повинность „стрижки и бритья" на тѣхъ-же началахъ, на какихъ парашники несутъ свою, кипятошники—свою, фельдшера—свою повинность.

Всѣ профессіи посылаютъ въ тюрьму своихъ представителей.

Мѣсто свято дѣйствительно не бываетъ пусто.

Послѣднее развлеченіе этого параграфа правилъ гласитъ о койкѣ.

Политическіе арестанты пользуются коечной льготой. Уголовные обязаны на день прикрѣплять ее къ стѣнѣ. Мы же, политическіе, можемъ и днемъ баловать грѣшное тѣло лежаніемъ,—себѣ дороже.

Двигайтесь, двигайтесь, какъ можно больше. Поставьте себѣ задачей пройти пѣшкомъ отъ Петербурга до Москвы по рельсамъ Николаевской дороги.

Высчитайте, сколько шаговъ въ камерѣ вы сдѣлаете въ часъ, сколько верстъ въ день, сколько станцій въ мѣсяцъ...

Это васъ развлечетъ.

5) „Послѣ обѣда и ужина, вымывши посуду, поставить ее на установленное мѣсто".

Дени.



6) „Вечеромъ, по совершеніи молитвы, раздѣвшись, уложить въ порядкѣ на табуретѣ свое платье".

„Вымывши и вычистивши", это звучитъ, какъ плеоназмъ. Чѣмъ вы будете чистить посуду?

Она мѣдная, — надо кирпичъ или песокъ,—ихъ нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ о чисткѣ отпадаетъ.

„Установленное мѣсто"—надъ парашкой. Какъ это ни обидно для человѣческаго достоинства, но лучшаго мѣста для вашего сервиза не придумали. При этомъ тазъ долженъ висѣть за колечко надъ самой парашкой.

Я училъ васъ противузаконію, когда совѣтовалъ поставить тазъ въ уголъ на полъ и копить въ немъ охлажденные кипятки,—для умыванія на завтра.

Нѣтъ, по цинготнымъ правиламъ вы должны довольствоваться тѣмъ количествомъ влаги, которое умѣстится въ кувшинчикѣ.

Быть чистымъ—это уже роскошь.

6) „Заключенный обязательно долженъ заниматься по назначенію Начальника тюрьмы, причемъ обязанъ знать размѣръ получаемой имъ за исполненную работу платы, о чемъ онъ поставляется въ извѣстность мастеромъ".

7) „Въ вознагражденіе за работу назначается изъ вырученнаго дохода 1/10 части, т. е. 40 коп. съ одного рубля, и каждый заключенный послѣ полученія на руки рабочей книжки, въ случаѣ неисправности записи, имѣетъ право въ теченіи мѣсяца заявить объ этой неисправности; по истеченіи этого срока никакія жалобы приниматься не будутъ".

8) „Въ случаѣ порчи казеннаго матеріала вслѣдствіе неумѣлости работать, никоимъ образомъ его не скрывать, а заявить надзирателю".

9) „...предоставляется съ разрѣшенія начальника тюрьмы расходовать на свои надобности и пособія семейству половину заработанныхъ денегъ. Другая половина остается неприкосновенной и выдается только при освобожденіи".

Это очень серьезные параграфы правилъ. Это отвѣтъ на ежедневную молитву, которую такъ скорбно поютъ уголовные арестанты:

... „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь"...

ИГРА ВЪ ПЯТНЫШКИ.

Я говорю не объ игрѣ въ пятнашки, которой на свободѣ увлекаются дѣти и жандармы.

А объ игрѣ въ пятнышки, которой я увлекался сидя въ тюрьмѣ.

Въ числѣ политическихъ заключенныхъ, которые сейчасъ томятся въ тюрьмахъ Великія и Малыя, и Бѣлыя, и Красныя Руси не малое количество дѣтей.

(По крайней мѣрѣ по дѣлу Нечай въ тюрьмѣ сидѣли и девятилѣтнія).

Для дѣтей одиночное заключеніе безспорно еще невыносимѣе, чѣмъ для взрослыхъ.

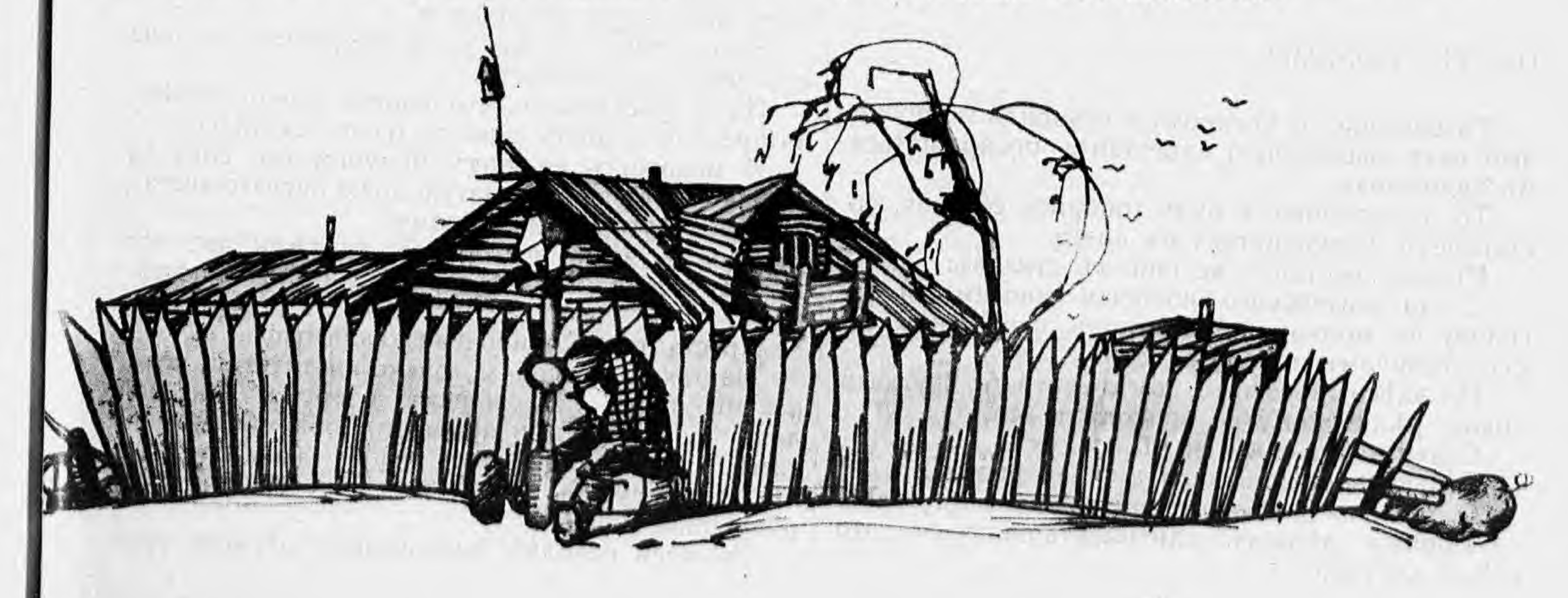
Никакихъ игрушекъ въ тюрьмѣ не полагается:

Гимнастики тоже.

§ 20 тюремно-цинготныхъ правилъ гласитъ:

„Заключенному строго воспрещается гдѣ бы то ни было не только вступать въ разговоръ другъ съ другомъ, но и сноситься посредствомъ знаковъ, стука и проч., а также смотрѣть изъ окна своей камеры, кормить птицъ, пѣть, свистать, вообще нарушать тюремный порядокъ".

Для взрослыхъ есть библіотека.



Отчего бы для ребятъ не завести казенныхъ куколъ и игрушекъ.

Лошадки, мячики, серсо,—вѣдь, это совсѣмъ безопасно въ санитарномъ отношеніи,—этимъ съ собой покончить нельзя.

(Да и вообще ребенокъ врядъ ли додумается до самоубійства.

Самоубійство вещь взрослая.)

А теперь приходится дѣтишкамъ, да и взрослымъ тоже, самимъ выдумывать игры, не противорѣчащія § 10-му цинготныхъ правилъ.

Я изобрѣлъ такую игру.

Вы берете листъ бумаги, капаете на него чернилами съ пера, затѣмъ складываете вдвое и разглаживаете рукой.

Чернильныя пятнышки и кляксы располагаются прихотливымъ рисункомъ.

Вглядѣвшись внимательно въ контуры и расположенія ихъ, вы увидите всегда, что они что-нибудь да напоминаютъ, на что-нибудь походятъ.

Стоитъ только тамъ или тутъ перомъ прибавить нѣсколько черточекъ и у васъ получится заправская виньетка.

Сначала эта игра носитъ характеръ гаданія.

Вы капаете и думаете:

— Ну ка что изъ этого выйдетъ?

И выходитъ почти всегда совсѣмъ не то, о чемъ вы думали:—львы, короны, букеты, вазы, висѣлицы, танцовщицы, чертики.

Но при нѣкоторомъ навыкѣ вы начинаете овладѣвать техникой пятна начинаете помогать случаю, природѣ,—придавать виньеткѣ тотъ или иной желательный вамъ характеръ.

Вы можете обводить пятна контуромъ.

Подраздѣлять отдѣльныя части.

Покрывать фонъ кружечками или черточками.

И виньетки ваши съ каждымъ разомъ будутъ становиться все лансеристѣе да лансеристѣе.

Я абсолютно не умѣю рисовать.

И всѣ виньетки, которыми украшены стрр. 59-62 номера перваго „Весны“ получены мною такимъ механическимъ путемъ.

Въ мукахъ одиночества.

Я увѣренъ, что эта игра развлечетъ не только дѣтей, но и взрослыхъ, потому что на фонѣ тюремныхъ буденъ все кажется въ сто разъ интереснѣе, чѣмъ на свободѣ.

Даже Государственная Дума.

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

Развлеченіе, о которомъ я говорилъ въ прошлый разъ, заставляетъ арестанта превращаться въ художника.

То, о которомъ я буду говорить сегодня, заставляетъ превращаться въ поэта.

Рѣдкій арестантъ не пишетъ стиховъ.

Среди житейскаго волненія многимъ и въ голову не приходитъ попытать свои силы на стихотворномъ поприщѣ.

Но здѣсь, въ этомъ домѣ мертваго, жуткаго покоя, рѣдко кому не приходитъ это.

Стихи здѣсь носятся въ воздухѣ.

Только лови ихъ да оттачивай риѳмы.

О, времени для этого занятія сколько угодно.

Тюрьма дѣлаетъ сентиментальнымъ — это всѣми замѣчено.

Тюрьма дѣлаетъ чувствительнымъ къ самымъ неуловимымъ настроеніямъ.

Тюрьма дѣлаетъ фантазеромъ.

Тюрьма дѣлаетъ философомъ.

А этого слишкомъ достаточно, чтобы записать стихи.

Пишутъ запоемъ.

Для арестанта сказать „записалъ“ все равно, для пьяницы „запилъ“.

Мнѣ посчастливилось въ своей камерѣ сдѣлать находку,—тетрадку стиховъ

На первый взглядъ это невѣроятно.

Робинзонъ на своемъ необитаемомъ островѣ сдѣлалъ находку!

Да, вѣдь я въ тюрьмѣ болѣе одинокъ, чѣмъ Робинзонъ.

У него хоть Пятница былъ.

А здѣшнимъ Пятницамъ не слѣдуетъ довѣряться.

Передъ тѣмъ какъ посадить новаго арестанта камеру чистятъ и замазываютъ краской тѣ мѣста, на которыхъ предыдущій сидѣлецъ увѣковѣчилъ свое имя-фамилію, или изрекъ какую-нибудь сентенцію.

И передъ тѣмъ, какъ впустить въ камеру меня, ея стѣны замазали.

Оттого стѣны пятнами.

Всю камеру вдоль и поперекъ обшарили.

А одно мѣстечко ускользнуло отъ вниманія аргусовъ.

Я говорю о маленькой форточкѣ надъ дверью.

Назначеніе ея, кажется, вентиляціонное.

Она помѣщается настолько высоко, что снизу не видно, лежитъ-ли въ ней что-нибудь.

Достать до нея можно только придвинувъ къ двери столъ и поставивъ на столъ табуретъ.

Это мнѣ удалось продѣлать ночью.

Что ни говорите, а у человѣка есть что-то сверхчувственное.

Мнѣ не спалось.

И глаза мои какой-то неудержимой силой приковывались къ этой печуркѣ.

Меня тянуло заглянуть въ нее.

Кто-то словно диктовалъ мнѣ: — „Пододвинь столъ, поставь на него табуретъ“.

Я подслушалъ, когда дежурный надзиратель уйдетъ на вторую галлерею, и съ ловкостью, совершенно не свойственною моей натурѣ, безшумно продѣлалъ эту операцію.

Сердце колотило, руки пылали, когда я схватилъ маленькую тетрадочку.

Было темно. Я не могъ разобрать, что она изъ себя представляетъ.

Но я чувствовалъ, что нашелъ что-то важное, интересное. Словно гора съ плечъ свалилась.

Я положилъ ее подъ подушку (не гору, а тетрадочку въ шестнадцатую долю писчаго листа), и заснулъ уголовнымъ сномъ.

Утромъ я съ восторгомъ увидѣлъ, что вся тетрадочка исписана бисернымъ четкимъ почеркомъ.

Арестантская одиночная каллиграфія.

На такую способны только институтки, успѣвающія подъ бдительнымъ взоромъ классной дамы (—о, эти жандармы въ юбкахъ невыносимѣе для влюбленныхъ, чѣмъ жандармы въ брюкахъ!) сунуть вамъ во время свиданія въ руку billet doux.

Въ моей находкѣ заключалось десятка три-четыре стихотвореній со слѣдующимъ предисловіемъ.

„Кто бы ни были, вы, наслѣдовавшій послѣ меня эту камеру, гдѣ я такъ много страдалъ и любилъ, прочитайте эти строки. До тюрьмы я никогда не писалъ стиховъ. Но каждый человѣкъ, видно, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ становится поэтомъ. Одиночество, тюрьма и любовь научили меня этому благороднѣйшему изъ искусствъ. Если вы, товарищъ, въ состояніи исполнить мою просьбу, спрячьте эту тетрадь у себя въ вещахъ. Если не въ состояніи, то прочитавъ, снова положите ее на то мѣсто, откуда взяли. Пусть слѣдующій, кому она попадетъ въ руки, исполнитъ мое завѣтное желаніе. Моя просьба устроить такъ, чтобы эти стихи были гдѣ-нибудь, все равно, въ газетѣ или въ журналѣ, напечатаны. У меня нѣтъ знакомства въ литературномъ мірѣ. Самого меня высылаютъ въ Нарымскій край. Вообще, товарищи, не буду входить въ подробности, повторю только, что это мечта моей жизни—быть напечатаннымъ. А. К. Кеверъ“.

Я съ удовольствіемъ прочиталъ и перечиталъ этотъ оригинальный романъ, составленный изъ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ стихотвореній.

Нахожу, что для человѣка, никогда не писавшаго раньше стиховъ, они прямо прелестны.

И съ удовольствіемъ печатаю ихъ съ нѣкоторыми комментаріями, необходимыми для свободныхъ читателей.

Общее заглавіе тетради—„Цвѣты тюрьмы“.

Несомнѣнно, и авторъ и его муза—евреи.

Въ стихахъ послѣдняя называется Ревеккой, Веккой.

Въ одномъ изъ нихъ упоминается и ея фамилія—Шарпъ.

Ревекка Шарпъ! — что-то знакомое, подумалъ я.

И вспомнилъ:

— Да, вѣдь, въ „Базарѣ житейской суеты“ Теккерея, героиня Ревекка Шарпъ!

Но посвящаетъ-ли авторъ стихи теккереевской героинѣ, или скрылъ подъ этимъ псевдонимомъ свою собственную—неизвѣстно.

Равнымъ образомъ неизвѣстно, былъ-ли авторъ въ самомъ дѣлѣ журналистомъ, пострадавшимъ за свободу слова.

Или онъ только драпируется въ эту тогу.

Вѣдь, въ запискѣ ясно сказано, что у него въ литературномъ мірѣ нѣтъ знакомства.

И что до тюрьмы онъ не писалъ.

Но вотъ и самые „цвѣты“.

I.

Развѣ я пишу, голубка?
Это ты стихи диктуешь,—
Я—записываю только.
На мое попробуй мѣсто
Посадить кого угодно,—
Онъ какъ я стихи запишетъ.

II.

Сказка нашихъ дней. До свадебнаго пира
За два—за три дня я написалъ памфлетъ.
Смѣло и свободно въ немъ звучала лира,
Къ родинѣ любовью былъ объятъ поэтъ.
Были жгучи темы. Были ярки краски,

А. Любимовъ.



Возбужденный счастьемъ, вдохновленъ тобой,
Весь подъ обаяньемъ искрометной ласки,
Словно древній витязь, рвался я на бой.
Солнцу я въ лицо взглянулъ, очей не жмуря,
Правду доплеснуть до самыхъ звѣздъ хотѣлъ,—
Радъ свободѣ слова. Но поднялась буря—
И я въ спящій замокъ съ нею улетѣлъ.
Все у насъ случилось словно въ старой сказкѣ:
Ты—была Людмилой. Былъ Русланомъ я.
Черноморъ лишь только сплоховалъ въ завязкѣ:
Не тебя похитилъ съ пира, а меня.

III.

Ты еврейка, ты еврейка...
Эти глазки, напримѣръ,
И волосъ кудрявыхъ змѣйка—
(Ихъ пригладить ты сумѣйка)
И смѣшная буква эръ,
И оваль лица, и шейка
Все твердитъ, что ты еврейка.
Ты еврейства не скрываешь,
Имъ гордишься даже ты.
Въ моемъ сердцѣ, ты вѣдь знаешь,
Нѣтъ осѣдлости черты.

IV.

Тюрьма—это улей, а камеры соты,
Наполнены желчью, не медомъ онѣ.
Сегодня за полночь сквозь дымку дремоты
Какіе-то стоны почудились мнѣ.
Чу... стоны сильнѣе... возня въ корридорѣ...
Какъ будто затихло.. И слышу опять...
Въ удушливомъ стонѣ почудилось горе...
Чу! голосъ тюремщика: „Докторъ!.. Сто пять!“
Внизу зазвонили звонки телефона:
— „Скорѣй въ первый корпусъ пришлите врача:
Припадокъ!“ Теперь вмѣсто прежняго стона
Я слышу чудовище бьется, рыча...
Чудовище-Ужасъ... Чу... что-то слетѣло.
Мнѣ слышно: тамъ, значитъ, распахнута дверь.
Чу! по полу бьется и корчится тѣло,
Какъ баба, хохочетъ и воетъ, какъ звѣрь...
И вдругъ порвалось. Это дверь затворилась.
И стала темнѣе полночная тьма,—
Изъ чаши страданія капля пролилась,
И вновь онѣмѣла нѣмая тюрьма...
Тюрьма, это улей, а камеры соты,
Наполнены желчью и горемъ онѣ
И многіе пулей мечтаютъ разсчеты
Покончить съ собою въ ночной тишинѣ...

V.

Разрѣшительной записки
На свиданье намъ не дали
Потому что... мы не близки...
Такъ жандармы разсуждали...
Да, съ тобою не женаты
Мы писчебумажнымъ бракомъ:
Ни однимъ въ участкѣ знакомъ
Не докажешь, что жена ты...
Мы могли бы поцѣлуемъ
Доказать наличность факта...
Нѣтъ и этимъ не втолкуемъ:
Вѣрятъ тамъ лишь въ связь контракта:
— „Гдѣ отчетъ въ столь важномъ шагѣ?..
Надо-бъ во время изволить
Этотъ шагъ запротоколить
На бумагѣ, на бумагѣ!..“
Любимъ мы другъ друга сильно.
Но для нихъ сіе не важно:
Недостаточно чернильно
Не достаточно бумажно...

VI.

Мнѣ въ тюрьму, дитя, сегодня
Сонмы ангеловъ слетѣли.
Тихо встала вкругъ постели
Рать служителей господня.
Небожителей дѣлами
Для меня пренебрегая,
Всѣ собрались дорогая,
Охранять мой сонъ крылами...
Знаешь, что за сонъ явилась
Охранять ихъ вереница?
Векка ангеловъ сестрица—
Мнѣ сегодня Ты приснилась...

VII.

Моей тюрьмы цвѣты—твои, дитя, портреты.
Какъ звѣздочки они сверкаютъ по стѣнѣ...
Мнѣ улыбаются. они смѣются мнѣ,
И лаской глазъ твоихъ мои часы согрѣты.
О, какъ мнѣ всѣ черты твои близки и милы:
Копна твоихъ волосъ... Ребяческій твой станъ...
Расцвѣтъ твоей груди, какъ миртъ благоуханъ..,
Стою я и смотрю. И глазъ отвесть нѣтъ силы...
Моей тюрьмы цвѣты—дитя, твои посланья...
Передо мной лежатъ раскинуты листы.
Они мнѣ шелестятъ о томъ, какъ любишь ты,—
Журчатъ въ разгаръ зимы весеннія признанья:
„Мой милый... дорогой... Насъ разлучить тюрьмѣ-ли,
Я здѣсь... съ тобой... твоя... и буду вѣкъ твоей...
Тюрьма насъ сблизила. Насъ сдѣлала роднѣй...
Мы безъ нея душой такъ слиться бъ не сумѣли...“
Моей тюрьмы цвѣты—моихъ стиховъ куплеты:
Теперь я, въ эти дни, какъ никогда, поэтъ.
Моей фантазіи, мечтѣ—преграды нѣтъ.
Въ брилльянты яркихъ риѳмъ всѣ грезы разодѣты.
Моя тюрьма цвѣтетъ, цвѣтетъ цвѣтами рая.
Надъ головой моей раскрылись небеса...
И темный лѣсъ шумитъ... и птичекъ голоса
И ты со мной опять... со мной, моя родная.
Чу! смѣха твоего веселое сопрано,
Вокругъ все золотя, какъ дождикъ, разлилось.
Разсыпалась волна каштановыхъ волосъ
На прелесть твоего дѣвическаго стана.
Моя тюрьма цвѣтетъ. И грезы, и портреты,
И рифмы, и стихи, и письма, и мечты,—
Все это о Тебѣ, во всемъ Ревекка, ты...
Цвѣты моей тюрьмы—Тобой одной согрѣты.

X.

Я сегодня осчастливленъ
Положительно тюрьмой,
Мнѣ другимъ смѣнили номеръ
Пятьдесятъ восьмой.
Дали восемьдесятъ пятый
Въ воздаяніе заслугъ.
Вотъ такъ номеръ! Вотъ такъ номеръ!
Въ немъ окно на югъ!..
Въ прежней камерѣ хотя-бы
Я на табуретъ залѣзъ,
Видѣлъ неба треть аршина...
Здѣсь... аршинъ небесъ!!!

VII.

Не тужи, моя Ревекка,
Дочь еврейскаго народа!
Что тюрьма для человѣка
Коль за ней видна свобода!
Что такое годъ разлуки,
Коль за нимъ восторги свадьбы?
Безъ тюрьмы, безъ нашей муки
Можетъ счастью не бывать бы.
Воля, счастье—что такое?
Дочь еврейскаго народа,
Твой народъ не жилъ въ покоѣ
И не знаетъ, гдѣ свобода.
Онъ осѣдлости чертами!..
Весь давно въ тюрьму засаженъ.
Путь еврея не цвѣтами,—
Притѣсненьями загаженъ.
Твой поэтъ въ тюрьмѣ. Такъ что-же.
Значитъ, этого я стою!
И меня знакомятъ тоже
Здѣсь съ осѣдлости чертою.
Не тумань-же ясныхъ глазокъ,
Встрѣтимъ бодро натискъ бурь мы.
Наша жизнь не вся изъ сказокъ.
Да и въ сказкахъ есть, вѣдь, тюрьмы.

X.

„Время деньги“.—Правда-ль это?
Если такъ-то, я богачъ!
Здѣсь въ тюрьмѣ-то! Здѣсь въ тюрмѣ-то
Столько времени,—хоть плачь!
Я-бы имъ персонъ на сорокъ
Подѣлился ей-же ей.
„Время деньги“—поговорокъ
Я не слыхивалъ смѣшнѣй...
Это тамъ у васъ недѣли
Дни, часы несутся вскачь...
Здѣсь-же еле-еле еле,—
Каждый часъ—палачъ.

XI.

Мы прочли твое посланіе
Я, да богъ, да прокуроръ.
Здѣсь въ тюрьмѣ, въ судѣ и на небѣ
Ты произвела фуроръ.
Богъ воскликнулъ: „Я—амнистію
Политическимъ всѣмъ дамъ!—
На три дня въ предъадникъ выпустить
Кавалеровъ всѣхъ и дамъ!..“
Прокуроръ (онъ ex officio
Прочиталъ и между строкъ)

X.

Мнѣ цвѣты сейчасъ прислали—
Блѣднопалевую розу,
Яркокрасную гвоздику,
Дѣвственный левкой,
Чтобъ смягчить мои печали,
Скрасить будничную прозу...
Даже видѣть право, дико,
Здѣсь букетъ такой.
Съ давнихъ поръ люблю цвѣты я—
Ихъ въ стихи вплеталъ исправно...
О, тогда я былъ поэтомъ
Воли и небесъ...
Миновали дни златые,
Разразился я недавно
Политическимъ памфлетомъ
И въ тюрьму залѣзъ.
Можетъ, это депутаты:
Роза красная—эсерка
Роза желтая—эсдечка
А левкой—кадетъ...
Кто-же ихъ прислалъ сюда-то?
Вѣдь тюрьма не бутоньерка...
Кто имъ выбралъ здѣсь мѣстечко.
Дурново, иль нѣтъ?

XI .

Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ
Это мой сосѣдъ направо,—
Цѣлый день я слышу стукъ,
Надоѣло даже, право.
Не учился я стучать,
Слушать стукъ чужой—завидно,
А приходится молчать.
Удивительно обидно!
„Шесть рядовъ: Пять буквъ на рядъ“,—
Добылъ ключъ такой себѣ я
(Популярный, говорятъ)
И—за дѣло, не робѣя.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Ну-ка, мой сосѣдъ направо,
Вникни въ сей призывный звукъ!
Поболтать не дурно право!
Мой вопросъ: „какъ васъ зовутъ?“—
Для начала очень ловкій,—
Я стучалъ пять-шесть минутъ
Съ чувствомъ, толкомъ, съ разстановкой..
Ну-ка, что отвѣтятъ мнѣ?
Будетъ явнымъ, то, что скрыто...
Жадно я припалъ къ стѣнѣ
Любопытно, любопытно!
Но отвѣтъ привелъ въ тупикъ:
„Акрбцужа“—сосѣдъ отвѣтилъ.
До сихъ поръ въ него не вникъ,
До сихъ поръ мнѣ смыслъ не свѣтелъ.
Самолюбье отложа,
Повторилъ сосѣдъ разъ восемь:
„Акрбцужа“ да „Акрбцужа“...
Нѣтъ бесѣду лучше бросимъ.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Это мой сосѣдъ направо
Цѣлый день я слышу стукъ,
Но боюсь отвѣтить, право.
Помню, какъ-то угодилъ
На сеансъ зимой къ спиритамъ,
Духъ ко всѣмъ былъ очень милъ,
А ко мнѣ такимъ сердитымъ.
Я отвѣта ждалъ дрожа.
Онъ при всемъ честномъ народѣ
Мнѣ простукалъ „Акбрцужа“
Или что-то въ этомъ родѣ...
Мнѣ ужасно не везетъ
Съ духомъ и моимъ сосѣдомъ:
Иль я выбралъ ключъ не тотъ,
Иль языкъ ихъ мнѣ не вѣдомъ...

XVI.

Все здѣсь спитъ, какъ въ спящемъ замкѣ,
Сказки. Жизнь вступила въ русло,
Въ русло смерти, въ смерти рамки.
Сердце вянетъ и пустуетъ.
Время чуть течетъ, какъ сусло.
Тупо. Вяло. Грустно. Скучно.
А дежурный рапортуетъ:
„Все въ тюрьмѣ благополучно!“.

XVII.

Мнѣ сегодня такъ взгрустнулося;
Не читается, не пишется,
Что то старое проснулося,
Всюду милый голосъ слышится..
Только вспомню это пѣніе
И Гуно аккорды первые,—
Съ нихъ мы начали сближеніе,—
Удержать не въ силахъ нервы я,
Съ дѣловой, серьезной миною,
Чуть ли даже не сердитою,
Ты пошла со мной въ гостиную.
-- „Ну-съ, я буду Маргаритою!“
„Жилъ-былъ въ Ѳулѣ царь..“ и звуками
Все вокругъ озолотилося,
Сердце сладостными муками
Сжалось... и сильнѣй забилося...
Не могу писать... Не пишется...
Пусто... Тяжко... Сердце вынули...
„Жилъ былъ въ Ѳулѣ царь...“ все слышится.
Не могу я... слезы хлынули...
Онъ уѣхалъ. Дочь Сіона,
Горе, горе твой удѣлъ!
Все вокругъ шипятъ злорадно:
— „Онъ уѣхалъ,—охладѣлъ!
— „Онъ уѣхалъ,—онъ забудетъ!
— „Не вернется больше онъ!
— „Много встрѣтитъ на чужбинѣ
„Дѣвъ прекраснѣй Бенціонъ
— „Онъ уѣхалъ! Онъ уѣхалъ!
„Не тумань небесныхъ глазъ:
„Выбирай себѣ другого,—
„Мало-ль юношей у насъ!“
Но бѣжитъ отъ сплетенъ дѣва,

Окончаніе въ № 5 «Весны».



Вал. Томбергъ.

ЕЯ ШУТЪ.

Онъ стоялъ передъ „ней“ такой жалкій, весь сжавшись въ маленькій, темный комочекъ, и

печальными, усталыми глазами ласково смотрѣлъ „ей“ въ глаза. Ей невыносимо смѣшно, и она говоритъ среди звучнаго, животнаго смѣха:

— Милый горбунчикъ, смѣшной человѣчекъ! Какой вы забавный.

Когда-же онъ тихо, не глядя на ее сказалъ эти ужасныя, неуклюжія слова: „будьте моей женой“, съ ней сдѣлался какой-то припадокъ хохота. Но вдругъ, неожиданно повернулась къ нему и сжавъ плотно губы, что-бы не разсмѣятся, спросила—„знаете что... Хотите быть моимъ шутомъ?.. Ну что-же?.. Онъ вмѣсто отвѣта сдѣлалъ невозможную гримасу, скосилъ уморительно глаза и хлопая въ ладоши повалился на мягкій пушистый коверъ и какъ-то неловко бокомъ перевернувшись сѣлъ на полу и протянулъ ей обѣ руки.

Онъ размышлялъ:—„Быть ея шутомъ... надо рѣшить. Но для него это такъ просто, ему нужно что бы она была въ его поле зрѣнія. Вотъ и все. Только одно его страшно пугало. У него есть ребенокъ, маленькій Додикъ,—прижитый имъ съ какой-то не то экономкой, не то прислугой. Онъ такъ любитъ Додика... Какъ-же быть?... Прости меня добрый, бѣдный Додикъ“.

Когда онъ стоялъ въ смѣшномъ фракѣ въ церкви рядомъ съ женщиной одѣтой во все бѣлое, и держалъ въ рукахъ толстую обвитую золотомъ свѣчу,—то чувствовалъ что-то похожее на пытку, на издѣвательство. Смотрѣлъ какъ капалъ воскъ со свѣчи на его лакированный ботинокъ и дѣлалъ какой-то нелѣпый рисунокъ. И когда нужно было цѣловать эту женщину въ бѣломъ, онъ боялся, что вмѣсто отвѣтнаго поцѣлуя, получитъ звонкую веселую пощечину, какъ „рыжій“ въ балаганѣ... Его оглушили и насмѣшили шумныя поздравленія и пожеланія счастья. Онъ всѣмъ улыбался задорной, бодрой улыбкой. Слышалъ какъ хихикали въ толпѣ, указывали на него пальцами, это его не удивляло и не злило. Онъ вѣдь отлично зналъ, что если-бы у „ея шута“ не было такой-же какъ онъ неуклюжей, почернѣвшей фабрики, то онъ не стоялъ бы съ „ней“ рядомъ на розовомъ, радостномъ ковникѣ.

Однажды она пришла весенняя, возбужденная съ какой-то толстой дамой, въ каракулевомъ жакетѣ и погладивъ его рукой, затянутой въ цвѣтную перчатку и позволивъ прикоснутся къ ея щекѣ, заговорила: „а я тебѣ подарокъ купила. Отгадай какой! Ни за что не угадать... Дразнила его, отнимая коробку, которую онъ уже выхватывалъ, весь просвѣтленный: „это ее первый подарокъ. Значитъ помнитъ обо мнѣ“.

Наконецъ ей надоѣла эта игра и она тщательно развязывая узелокъ цвѣтной бичевки, развернула коробку... Когда онъ увидѣлъ подарокъ, то страшно поблѣднѣлъ и больно закусилъ губы, но это было одно мгновенье, вслѣдъ за этимъ онъ расхохотался и хлопнулъ въ ладоши. Въ коробкѣ лежали ленточки разныхъ цвѣтовъ со множествомъ серебряныхъ бубенчиковъ.—„Ахъ какой изумительный подарокъ“ -восклицалъ онъ. „И какъ остроумно... очаровательно“, говорила дама въ каракулевомъ жакетѣ.

— Ну надѣнь же свою обновку,—спросила „она“ и онъ веселясь надѣвалъ на ноги, на руки, и всего себя окуталъ ленточками и при каждомъ движеніи они звенѣли, звенѣли, такъ ужасно, такъ отвратительно, что у него закружилась голова. А его маленькій, любимый Додикъ, смотрѣлъ изумленными глазами на своего папу и бормоталъ...—„Какъ въ циркѣ—клоунъ, точь въ точь“, но потомъ вдругъ бросился къ нему на шею и заплакалъ. Бубенчики звенѣли...

— Какой нервный ребенокъ!—пожимая плечами говорила дама въ каракулевомъ жакетѣ.

Ему было больше всего жалко своего Додика, ему было такъ стыдно его, больше всѣхъ этихъ расфуфыренныхъ людей, которые смѣялись ему въ глаза, ухаживали за его женой и ночевали у нея въ спальнѣ. Ему было все равно когда „она“ при гостяхъ заставляла надѣвать эту звенящую сбрую и говорила: „это мой скоморохъ!..“ Ему было все равно. Но когда въ комнату входилъ Додикъ, онъ забивался въ дальній уголъ, лицо становилось сѣрымъ и злымъ. А Додикъ стоялъ поблѣднѣвшій, съ вытянутымъ лицомъ, и оно кривилось въ мучительную гримасу. Потомъ подходилъ къ отцу, гладилъ его по лицу и дрожащимъ голосомъ говорилъ: „Нехорошо папа. Нехорошо! Понялъ...“ Онъ давно понялъ, давно знаетъ. Вмѣстѣ плакали.

Чѣмъ дальше тѣмъ труднѣе и невыносимѣе становилась жизнь. Шутъ былъ заброшенъ и забытъ, прежде хоть онъ немного забавлялъ ее и увеселялъ ея друзей, теперь это уже надоѣло. И онъ мучился подъ ея инквизиторскими, полными презрѣнія взглядами, и возненавидѣлъ себя, уничтожилъ въ своей комнатѣ зеркала, и боялся своего отраженія. И въ одинъ день оглянувшись назадъ—такимъ кошмарнымъ и невозможнымъ показалось ему его жизнь, что онъ дико оскалилъ зубы вспомнивъ про смерть. Вынулъ запыленную коробку, въ которой лежалъ шутовскій нарядъ, нацѣпилъ его на себя, подвелъ уродливо глаза и нарумянилъ щеки, и въ такомъ видѣ вошелъ въ комнату Доди, говоря: „Я пришелъ посмѣшить тебя!“ Додикъ вскочилъ, вскрикнулъ, какъ отъ боли и бросился рвать бубенчики...

— Не тронь! Не тронь! Тащилъ онъ свои игрушки и торопливо убѣжалъ въ свою комнату...

„Какъ бы насмѣшить ее?“, ломалъ себѣ онъ голову.

Когда вошли къ нему въ кабинетъ, то увидѣли его висѣвшимъ. Его загримированное лицо, и высунутый языкъ были ужасно комичны. Было тихо, лишь мелодично звенѣли бубенчики. Онъ оказался правъ—онъ ее насмѣшилъ.

ПИСЬМА ИЗЪ КИТАЯ.

1.

Какъ извѣстно нынѣшній китайскій президентъ-диктаторъ Юан-ши-кай склонилъ Принца-регента Щцы и покойную императрицу отказаться отъ престола только вслѣдствіе того, что временный президентъ китайской республики докторъ Сун-венъ или Сун-ят-сенъ согласный уступить ему свой постъ президента. При этомъ Юан-ши-кай поклялся на вѣрность республикѣ.—Тогда-же нашлось не мало лицъ, которые клятвамъ Юан-ши-кая не вѣрили, ибо онъ еще до боксерскаго возстанія давалъ клятву партіи извѣстнаго китайскаго реформатора Кан-ювея на вѣрность либеральнымъ реформамъ покойнаго императора Гуан-сюя и однако, когда представился выгодный для него случай, онъ партію Кан-ювея и даже самого Императора выдалъ головой покойной старой Императрицѣ и реакціонерамъ.

Вслѣдствіе этого, было казнено болѣе 50 человѣкъ, Императоръ Гуан-сюй былъ объявленъ сумашедшимъ и заточенъ въ бесѣдку въ лѣтнемъ дворцѣ, а Кан-ювей успѣлъ сбѣжать въ Англію. За эту услугу Юан-ши-кай, человѣкъ съ ничтожнымъ образованіемъ, былъ произведенъ въ канцлеры Китайской Имперіи. Далѣе, когда

послѣ смерти старухи-императрицы и Императора Гуан-суй, принцъ-регентъ (родной братъ покойнаго императора Гуан-суй) выгналъ Юан ши-кая въ отставку, онъ черезъ своихъ друзей сталъ увѣрять Дай-Цзинскую династію, что только онъ одинъ можетъ подавить революціонное возстаніе. Поэтому онъ вновь былъ приглашенъ на государственную службу и опять далъ клятву, что онъ или спасетъ династію или падетъ жертвой на полѣ сраженія.

Однако, онъ вскорѣ и эту клятву забылъ и продалъ Дай-Цзинскую династію за должность временнаго президента Китайской республики.

2.

Дальнѣйшія событія таковы: Юан-ши кай подъ видомъ враговъ республики казнилъ большинство самыхъ популярныхъ революціонныхъ дѣятелей, склонилъ на свою сторону войска, увеличивъ имъ жалованье и давъ имъ большія преимущества, уничтожилъ введенныя еще Дай-Цинской династіей земство и городскія самоуправленія, распустилъ парламентъ, объявилъ партію Го-мин-данъ (высшая воля народа) вредною и закрылъ всѣ университеты и гимназіи.

При избраніи президента вновь въ Сентябрѣ 1913 г. я находился въ Пекинѣ и собственными глазами видѣлъ какъ съ восьми часовъ утра до восьми вечера зданіе парламента, гдѣ находились выборщики, было окружено войсками. Первый разъ на постъ президента было избрано другое лицо, но окружавшіе парламентъ войска заявили избирателямъ, что они никого не выпустятъ живымъ, если не будетъ избранъ президентомъ Юан-ши кай. Для избирателей не оставалось другого исхода какъ избрать президентомъ Юан-ши-кая или-же всѣмъ умереть.

Полагая, что европейскія державы обратятъ вниманіе на такое насиліе, они уже подъ вечеръ, измученные голодомъ, избрали Юан-ши-кая.

Однако, европейцы, не только встрѣтили это насиліе надъ избирателями порицаніемъ, но даже выразили ликованіе и почти всѣ (посланники, консула и частныя лица) явились на устроенный Юан-ши-каемъ обѣдъ по случаю новаго избранія его на постъ президента китайской республики, а колоніальная пресса (англійскія, французскія и нѣмецкія газеты) по этому поводу даже напечатали восторженныя статьи. Понятно, Юан-ши-кай возомнилъ что всѣ европейцы желаютъ видѣть на посту президента китайской республики только его одного и сталъ не стѣсняться въ средствахъ для подавленія либеральной мысли.

Разогнавъ неугодный ему парламентъ, онъ созвалъ новый парламентъ по оригинальной системѣ: отъ каждой провинціи китайскіе граждане имѣли право выбирать по одному депутату изъ числа лицъ извѣстныхъ губернатору и доказавшихъ свою преданность Юан-ши-каю. Кромѣ того, отъ каждой губерніи было назначено по одному депутату изъ числа преданныхъ Юан-ши-каю чиновниковъ. Такимъ образомъ новый китайскій парламентъ является самымъ послушнымъ оружіемъ въ рукахъ Юан-ши-кая и объ оппозиціи не можетъ быть и рѣчи, ибо самые крайніе лѣвые китайскіе депутаты являются значительно правѣе нашихъ извѣстныхъ Пуришкевичей и Марковыхъ.

Для поддержанія порядка или правильнѣе, для укрѣпленія своего положенія президентъ-диктаторъ Юан ши-кай сформировалъ громадную армію (около 50 корпусовъ войска разныхъ родовъ оружія), которая поглощаетъ 9/10 всего государственнаго бюджета.

3.

Отождествленіе Юан-ши-каемъ блага китайскаго народа со своимъ собственнымъ благомъ и вводимыя имъ реформы или иначе уничтоженіе и того хорошаго, что было сдѣлано еще Дай-Цинской династіей, побудило революціонеровъ создать вторую революцію, которая какъ извѣстно была подавлена самыми жестокими мѣрами. Послѣ этого революціонеры, монархисты и монголы объединились въ одну партію, преслѣдующую цѣль сверженіе Юан-ши-кая, возстановленіе свергнутаго съ китайскаго престола Императора Пу-и (Суан-тунъ) и учрежденіе въ Китаѣ парламентарнаго образа правленія по образцу Великобританіи.

Эта партія около двухъ мѣсяцевъ назадъ подъ кличкой бѣлыхъ волковъ открыла походъ противъ Юан-ши-кая. Насколько успѣшно она ведетъ войну видно изъ того, что при началѣ возстанія бѣлыхъ волковъ было всего только около двухъ тысячъ человѣкъ, а въ настоящее время ихъ насчитывается болѣе 50.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія и за все время возстанія они не понесли еще ни одного пораженія. Войска-же Юан-ши-кая терпятъ пораженіе за пораженіемъ и даже нѣкоторые командиры частей донесли Юан ши-каю, что бѣлыхъ волковъ побѣдить невозможно, ибо они пользуются сочувствіемъ народа и даже нѣкоторыхъ республиканскихъ войскъ.

Мѣсяцъ тому назадъ германская фирма Карлосъ и К° доставила въ Мукденъ около 40 полевыхъ орудій. Эти орудія немедленно же, послѣ пріемки, были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій для борьбы съ бѣлыми волками. Теперь въ китайскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что эти орудія захватили бѣлые волки и направили противъ войскъ Юан-ши-кая.

4.

Кромѣ возстанія бѣлыхъ волковъ, въ Китаѣ возникло и другое хотя и мирное, но крайне опасное для Юан-ши-кая возстаніе. Въ Китаѣ выпущено кредитныхъ билетовъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ имѣется серебра. И вотъ мѣсяцъ тому назадъ по всему Китаю стали предъявлятся въ банки кредитки для обмѣна на серебро. Такъ какъ по распоряженію изъ Пекина китайскіе банки обмѣниваютъ на серебро только 2% со всѣхъ предъявляемыхъ денегъ чтобы затянуть денежный кризисъ, то во всѣхъ городахъ китайской республики ежедневно отъ 9 до 12 час. дня возможно наблюдать по нѣсколько тысячъ человѣкъ, ожидающихъ очереди у банковъ для обмѣна 2% предъявляемыхъ кредитокъ на серебро. Въ виду того, что китайскіе банки, несмотря на то, что на каждой кредиткѣ напечатано, что она въ любое время можетъ быть обмѣнена на серебро, — отказываются отъ обмѣна всей предъявляемой суммы и даютъ только 2%,—курсъ китайскихъ кредитокъ съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже и въ настоящее время палъ до 15%.

Паденіе курса китайскихъ кредитокъ весьма вредно отражается на торговлѣ Я не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ, но сужу по Мукдену. Однако всѣ иностранные консула, за исключеніемъ одного русскаго Консула С. А. Колоколова, съумѣли защитить интересы подданныхъ своихъ державъ. Дѣло въ томъ, что товары приходится продавать на китайскія кредитки и вотъ иностранные консула настояли предъ китайскими властями на томъ, что-бы китайскіе банки безпрепятственно по ихъ удостовѣреніямъ обмѣнивали-бы китайскія кредитки на серебро. Такъ напр. японскіе подданные въ Мукденѣ ежедневно обмѣниваютъ до ста тысячъ долларовъ.

5.

Несмотря на то, что въ Мукденѣ существуютъ такія русскія крупныя фирмы, какъ Торговый Домъ Чуринъ и К°, Эмиль Циндель, Складъ Русскаго Мукомольнаго Т-ва Складъ Восточно-Иркутскаго Мукомольнаго Т-ва, Представительство Мануфактуры Морозова и нѣсколько болѣе мелкихъ магазиновъ, русскій консулъ въ Мукденѣ С. А. Колоколовъ далъ китайскимъ властямъ обѣщаніе въ томъ, что онъ не будетъ настаивать на обмѣнѣ русскими подданными китайскихъ кредитокъ на серебро. Результатъ отъ этого получается такой: русская торговля съ большимъ усиліемъ завоевала Маньчжурскій рынокъ и вотъ теперь, когда она стоитъ на твердой почвѣ, вдругъ русскій консулъ, который по закону обязанъ защищать русскіе интересы, поставилъ русскую торговлю въ такія рамки, что она лишена возможности конкурировать съ иностранцами.

Какъ сказано выше всѣ товары здѣсь продаются на китайскія кредитки, которыя пали въ курсѣ противъ серебра на 15%. И вотъ иностранные коммерсанты, получая отъ покупателей китайскія кредитки, немедленно ихъ обмѣниваютъ въ китайскихъ правительственныхъ банкахъ на серебро по номинальной стоимости, а русскіе коммерсанты, получая такія-же кредитки, должны мѣнять ихъ въ частныхъ банкахъ на 15% ниже номинальной стоимости, ибо въ правительственныхъ банкахъ безъ удостовѣренія отъ консула этихъ кредитокъ не мѣняютъ и даютъ только 2% съ предъявленной суммы.

Вслѣдствіе такого положенія въ складѣ Восточно-мукомольнато Т-ва образовалось китайскихъ кредитокъ на 200,000 долларовъ, въ Русскомъ Мукомольномъ Т-вѣ на 150,000 долларовъ, въ Торговомъ Домѣ Чуринъ и К° на 100,000 долларовъ, въ Торгов. Домѣ Эмиль Циндель на 300,000 долларовъ и у другихъ русскихъ на сумму около 700,000 долларовъ и ихъ некуда сбыть.

6.

Нѣкоторые изъ русскихъ коммерсантовъ обращались къ русскому консулу въ Мукденѣ съ просьбой оказать имъ содѣйствіе для обмѣна китайскихъ кредитокъ на серебро, но г. Колоколовъ посовѣтовалъ имъ или не брать больше китайскихъ кредитокъ, т. е. продавать товары на

15% дороже противъ другихъ иностранцевъ или-же временно прекратитъ торговлю. При этомъ онъ имъ обѣщалъ написать куда-то въ Пекинъ объ обмѣнѣ уже имѣющихся у нихъ китайскихъ кредитокъ на серебро, добавивъ при этомъ, что это дѣло можетъ протянутся нѣсколько мѣсяцевъ. Когда-же представитель Восточно-Иркутскаго Мукомольнаго Т-ва г. Юризинъ возразилъ ему, что рекомендуемый имъ способъ можетъ погубить здѣсь всю русскую торговлю и что объ обмѣнѣ китайскихъ кредитокъ на серебро слѣдуетъ писать не въ Пекинъ, а мѣстнымъ Мукденскимъ китайскимъ властямъ, какъ это и сдѣлали другіе иностранные консула, то г. Колоколовъ сказалъ, что другіе консула для него не указъ и для него безразлично погибнетъ-ли русская торговля или нѣтъ.

Зная какъ оригинально защищаются здѣсь русскіе интересы, нѣкоторые передовые китайцы смѣются и говорятъ, что г. Колоколовъ защищаетъ интересы Юаншикая въ ущербъ русскимъ и что его усердіе нисколько не поможетъ Юан-ши-каю удержаться на президентскомъ креслѣ, которое основательно шатается.

Тѣ-же китайцы указываютъ и на другія русскія упущенія.

7.

Какъ извѣстно сама-же Россія подбила Сѣверную Монголію отдѣлиться отъ Китая. Теперь-же, когда Англо-Китайскимъ договоромъ Тибетъ признанъ самостоятельнымъ государствомъ, когда положеніе Юан-ши-кая шатается, когда весь китайскій народъ желаетъ чтобы онъ не могъ похвастаться какой-либо заслугой,—Россія вдругъ неожиданно однимъ росчеркомъ пера отдала Монголію Китаю. Но курьезнѣе всего то, что немедленно послѣ заключенія русско-китайскаго договора относительно Монголіи, Хутухту посѣтилъ Японскій Генералъ-Губернаторъ на Квантунѣ и велъ съ нимъ переговоры относительно Монголо Японскаго договора о протекторатѣ Японіи надъ Монголіей. Такимъ образомъ, Монголія все-же не попадетъ Китаю и только Россія пріобрѣтетъ болѣе опаснаго для себя сосѣда и окончательно испортитъ отношенія съ китайскимъ народомъ. Если къ этому добавить, что Японія экстренно строитъ желѣзныя дороги отъ Сипингая до Твонаньфу и Чончжинъ-Хойріонъ-Гиринскую, имѣющія исключительно стратегическое значеніе, то приходится опасаться какъ-бы не осуществился проектъ знаменитаго японскаго стратега полковника Такахаси, прозваннаго японцами «Байкалъ Хакасэ», т. е. профессоръ озера Байкала, который какъ до русско-японской войны, такъ и теперь доказываетъ, что русскихъ необходимо отбросить до озера Байкалъ.

Съ постройкой ж. д. отъ Сипингая до Таонаньфу для японцевъ откроется великолѣпная операціонная база по бассейнамъ рѣкъ Торъ и Нони, а оттуда прямой путь на Фулярди. Этотъ важный стратегическій пунктъ посредствомъ коммуникаціонныхъ линій будетъ соединенъ съ Портъ-Артуромъ и Хоріеномъ—портомъ на сѣверо-восточномъ побержьи Кореи.

Для человѣка, знающаго торгово промышленное развитіе тѣхъ мѣстностей, по которымъ проводится новая дорога, извѣстно, что она не представляетъ рѣшительно никакого экономическаго значенія.

Другая-же ж. дор. Чончжинъ-Хойріонъ-Гиринская, имѣя ничтожное экономическое значеніе, имѣетъ въ стратегическомъ отношеніи крупное значеніе. Прежде всего она свяжетъ военныя базы на сѣверѣ Кореи—Нанамъ и Хойріонъ, а затѣмъ дастъ возможность Японіи въ случаѣ войны съ Россіей быстро наводнить своими войсками сѣверъ Маньчжуріи и отрѣзать Владивостокъ отъ остального міра. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что Японія въ настоящее время приводитъ въ исполненіе обширную программу проведенія хорошихъ грунтовыхъ дорогъ на сѣверѣ Кореи. По всѣмъ этимъ путямъ она въ 2—3 недѣли будетъ имѣть возможность перебросить на Маньчжурскій театръ войны 200—500 тысячъ солдатъ.

Наконецъ, за послѣднее время переселено въ южную Маньчжурію очень много переселенцевъ, преимущественно изъ запасныхъ солдатъ, и предположено въ теченіи двухъ лѣтъ поселить еще не менѣе 200.000 запасныхъ.

8.

Доморощенные политико-экономисты кричатъ, что Японія еще не поправилась послѣ войны, что тамъ вздорожала жизнь, что увеличены налоги и поэтому она не можетъ воевать. Я знаю Японію болѣе 20 лѣтъ и могу сказать, что она именно въ настоящее время находится въ цвѣтущемъ положеніи. Правда жизнь въ Японіи вздорожала на 20% противъ прежняго, налоги увеличены почти въ полтора раза, но за то тотъ рабочій, который раньше зарабатывалъ 10—15 коп. въ день, въ настоящее время зарабатываетъ не менѣе рубля въ день и поэтому онъ раньше ходилъ голымъ и питался однимъ рисомъ, а въ настоящее время имѣетъ возможность завести хорошій костюмъ, кормится не хуже европейца и даже посѣщаетъ театръ, о чемъ раньше онъ не могъ и мечтать. Слѣдовательно благосостояніе японскаго народа улучшилось и увеличилось богатство государства.

О КОНЦЕРТАХЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Въ то время, какъ въ столицахъ наблюдается перепроизводство концертовъ, количество которыхъ давно превысило спросъ, провинціальная Россія стонетъ отъ отсутствія серьезной музыки. Почему-же создалась такая концентрація концертовъ въ однихъ мѣстахъ? Постараемся выяснить этотъ вопросъ.

Развитіе музыкальной культуры въ провинціи идетъ рука объ руку съ развитіемъ культуры вообще, и распространеніемъ музыкальныхъ познаній посредствомъ обученія музыкѣ, въ частности. Изученіе музыки является тѣмъ базисомъ, на которомъ даетъ ростки—музыкальный вкусъ. Послѣдній, развиваясь, двигаетъ музык. искусство впередъ, предъявляя къ нему болѣе утонченныя требованія. Это отлично понималъ Ант. Рубинштейнъ. Его титаническая энергія была достаточна для созданія базиса—ему принадлежитъ иниціатива и честь созданія музык. школъ, однако его кратковременной жизни было мало, чтобы перейти къ созданію второго фактора, поднимающаго и развивающаго вкусъ, въ созданіи хорошихъ серьезныхъ концертовъ.

Изученіе музыки безусловно вызываетъ интересъ къ ней, но въ какую отрасль музыки этотъ интересъ попадетъ зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ являются хорошіе концерты. Въ то время какъ хорошая музыка въ хорошемъ исполненіи къ себѣ манитъ, плохая отъ себя отталкиваетъ. Но т. к. потребность въ музыкѣ всегда остается, то бросаются къ другому болѣе легкому, доступному жанру. Этотъ жанръ имѣетъ то преимущество, что, никогда не вызывая глубокихъ эмоцій, никогда не унося отъ міра сего, онъ легко принимается въ самомъ скверномъ исполненіи, тогда какъ цѣнныя произведенія искусства теряютъ свое обаяніе даже отъ посредственнаго исполненія.

Какъ только въ провинціи была замѣчена волна интереса къ музыкѣ, появились школы, кружки, удовлетвореніемъ ея занялись не тѣ кому это слѣдовало. Безъ всякой системы въ составленіи программы (часто исполнялись высокія произведенія искусства для пониманія которыхъ необходимъ былъ уже извѣстить музык. тонъ) плохіе исполнители отправились не культивировать провинціи, и загребать деньги. Съ первыхъ-же концертовъ аудиторія была разочарована и, не понимая инстинктивно отшатнулась отъ нихъ. Этимъ воспользовались люди ничего общаго съ искусствомъ не имѣющіе, кулаки-импресаріо и начали насаждать цыганскую, вульгарную музыку. Часть аудиторіи отшатнулась отъ музыки вообще, другая поддалась на эту удочку, принимая фальшивый камень за настоящій. Мы еще не разъ вернемся къ болѣе детальному разсмотру причинъ упадка или недоразвитія вкусовъ провинціальной публики, теперь-же мы хотимъ сказать, что исцѣленіе уже найдено. Руководителями концертовъ начинаютъ становиться извѣстные музыканты. Въ столицахъ таковыми руководителями стали Зилоти и Кульвицкій. Съ осени руководителемъ провинціальной жизни дѣлается своб. худ. Лауреанъ СПБ. Консерваторіи, б. директоръ концертовъ Кусавицкаго піанистъ І. Сирота. Г. Сирота учреждаетъ въ цѣломъ рядѣ городовъ абониментные концерты, въ которыхъ будутъ выступать только первоклассные артисты, и программа которыхъ будетъ объединена опредѣленной идеей. Въ первомъ сезонѣ выступятъ блестящіе силы, игравшія въ столицахъ Европы, въ самыхъ серьезныхъ учрежденіяхъ. Это піанистъ Левъ Сирота (изъ Вѣны), скрипачъ Францъ фонъ Вегей (изъ Берлина), віолончелистъ Іосифъ Прессъ (изъ Берлина), Société des instruments anciens (изъ Парижа), Лена Стоклэнъ—пѣніе (изъ Лондона). Зная, какую роль сыграли концерты Зилоти и Кусавицкаго въ столицахъ, зная энергію г. Сирота, мы не сомнѣваемся, что подъ его руководствомъ концерты будутъ поставлены на должную высоту. По желаемъ ему въ этомъ успѣха.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ**
Издательница **Н. К. Дмитріева.**

Запѣвало: Всѣ гордись Рѣдиской нашей,—
Платья новыя нашей!
Хоръ: Простоквашей—
Ростоквашей—
Квашей—
Вашей—
Ашей—
Шей!..

Хоръ стихалъ вдали.

Но радостное возбужденіе Соды не затихло:

— Какъ счастливъ ты, идіотъ-иностранецъ, что попалъ къ намъ въ добрый часъ. Это твой приходъ принесъ нашему селенію счастье. Рѣдиска! Рѣдиска! Родная Рѣдиска! Со всѣхъ городовъ съѣдутся къ намъ представители! Сколько рѣчей, сколько пѣсенъ, сколько веселыхъ простоквашъ!.. Ахъ, иностранецъ, мнѣ хочется отъ радости тебя поцѣловать... Скажи еще разъ какъ называется твоя родина..

— Германія...

— Позволь мнѣ звать тебя Германьякъ...

— Пожалуйста называй меня какъ хочешь.. Мнѣ самому хочется расцѣловать твои милые глазки...

— Германьякъ!.. Милый Германьякъ! Смѣшной Германьякъ!

Ребенокъ обвилъ мою голову своими розовыми рученками и мы расцѣловались.

И къ своему ужасу я почувствовалъ въ этихъ поцѣлуяхъ что то совсѣмъ не дѣтское.

Тревога охватила меня.

Я хотѣлъ вскочить, оттолкнуть эту крошку съ темпераментомъ взрослой женщины и не могъ...

Я былъ слишкомъ искусно прибинтованъ къ постели всѣми тесемками, трубочками, бинтами и шнурами морбоскопа...

Я не знаю что сталось бы со мной, если бы по счастью не раздались шаги Эака.

Сода сразу отскочила и сдѣлала видъ, что поправляетъ висящій на стѣнѣ рядомъ съ кочергой вѣеръ.

ДЕВЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Эакъ былъ неузнаваемъ. У него появился какой то высокоторжественный, высокомѣрный оттѣнокъ въ голосѣ и движеніяхъ:

— Счастливъ ты, иностранецъ, что можешь пережить вмѣстѣ съ нами золотые дни расцвѣта Рѣдиски. Сегодня у насъ назначено общее собраніе рѣдичанъ для выработки программы чествованія великаго рѣдичанина обезсмертившаго нашъ родной городъ. Отнынѣ Рѣдиска изъ селенія превращается въ городъ! Я встрѣтился съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, если въ морбоскопѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, я могу снять съ тебя повязки и ты сойдешь съ постели. А завтра съ утра сможешь быть на улицѣ,—погода великолѣпная. Нашъ митингъ мы устраиваемъ подъ открытымъ небомъ... Какъ ты чувствуешь себя?..

Сода захлопала въ ладошки:

— Онъ чувствуетъ себя превосходно! Я сейчасъ глядѣла морбоскопъ... И температура, и пульсъ, и влажность, и жизненная энергія—всѣ кривыя въ порядкѣ...

— Сейчасъ посмотрю!—сказалъ Эакъ, подходя къ аппарату.

Но Сода, какъ дикая кошка однимъ хищнымъ прыжкомъ очутилась между мной и имъ.

— Нечего тебѣ смотрѣть! Я тебѣ сказала, что все въ порядкѣ.

— Я обѣщалъ доктору записать числа морбоскопа, потому что онъ опишетъ въ „Анналахъ“ исторію болѣзни иностранца...

— Я сама запишу!

— Разъ обѣщалъ я, я и долженъ исполнить. Слова мальчика—свято!

— Значитъ ты недовѣряешь мнѣ!

— Довѣряю... но...

— Я не допущу тебя! Иначе...

— Что съ тобой! Ты вся дрожишь... Ты сама больна!..

— Я скорѣе разобью морбоскопъ, чѣмъ допущу тебя до него...

Я не узнавалъ дѣвочки.

Ея глаза сверкали злымъ огнемъ, губки побѣлѣли, въ голосѣ дрожали нотки капризнаго властнаго раздраженія.

Эакъ хотѣлъ ее оттолкнуть. Она вцѣпилась рученками въ его руку и повисла на ней. Эакъ сильнымъ объятіемъ обнялъ Соду и не обращая вниманія на ея отчаянное сопротивленіе молча вышелъ изъ комнаты и заперъ за собой дверь.

Молча подошелъ къ аппарату и остолбенѣлъ.

— Что съ тобой Эакъ!—съ тревогой крикнулъ я.

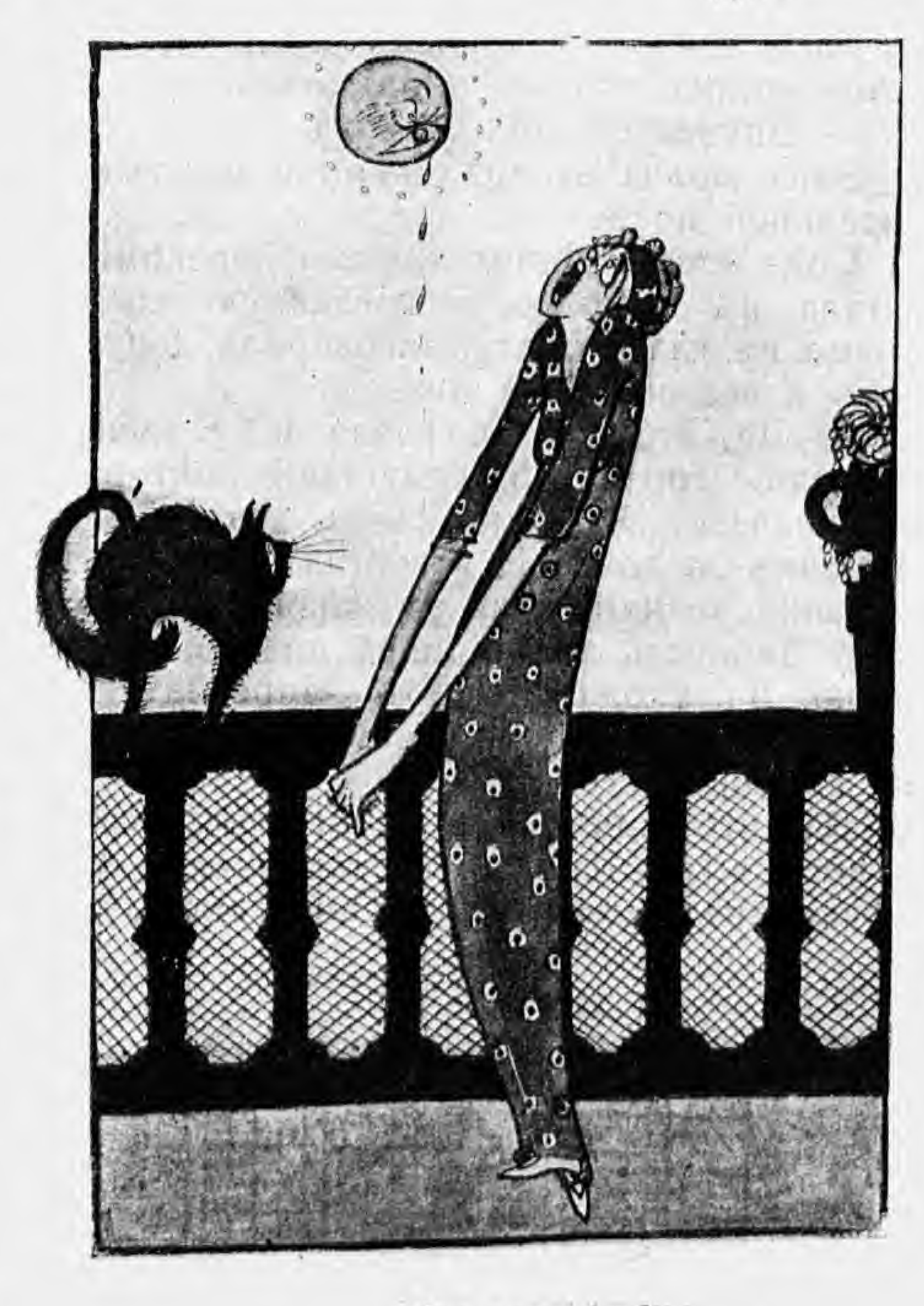
— Нѣтъ, что съ тобой!—съ еще большей тревогой отозвался Эакъ.

— Со мной ничего. Я чувствую себя бодрымъ, сильнымъ, здоровымъ...

— А эти числа!... А эти кривыя!.. Въ твоемъ здоровьи произошла какая то страшная катастрофа... Почему дѣлала такіе скачки температура... Почему такъ билось сердце!.. Почему эта испарина... Почему такой приливъ жизненной энергіи и сразу провалъ... Что съ тобой было иностранецъ! Что пережилъ ты!..

Сода колотила въ дверь рученками и истерично вопила:

Дени.



Она поетъ.

Дени.

— Пусти меня! Я все объясню...

Я чувствовалъ, какъ краска безотченнаго неудержимаго стыда залила мое лицо.

Съ ужасомъ я подумалъ:

— Какъ! Неужели это отъ поцѣлуевъ Соды... Неужели я смѣлъ, смогъ отнестись къ нимъ серьезно... Неужели самъ того не понявъ я влюбился въ эту дѣвочку...

— Смотри, ты и сейчасъ на себя не похожъ! Температура опять, на моихъ глазахъ рвется кверху... А пульсъ... Кровь кипитъ въ тебѣ...

Сода кричала:

— Пусти! Я объясню!.. Это я виновата! Это я надѣлала!

Мнѣ стало мучительно жаль дѣвочку и я умоляющимъ тономъ прошепталъ:

— Впусти ее, милый Эакъ...

Эакъ молча отперъ дверь и всталъ въ вопросительной позѣ.

Сода вошла рѣшительными, дерзкими шагами, встала въ дерзкую, вызывающую позу и глядя прямо въ глаза брату, заговорила дерзко, отчетливо и все повышая тонъ:

— Да, это все надѣлала я! Я знаю какое наказаніе грозитъ за ослушаніе доктора! И я его ослушалась. Я знаю, какое наказаніе грозитъ дѣвочкѣ за ложь. И я солгала брату! Но сегодняшній великій день въ жизни Рѣдиски я не хочу омрачать дальнѣйшей ложью и потому говорю. Да, уходя, докторъ запретилъ мнѣ тревожить больного разсказами и разспросами. И я исполнила его приказаніе въ точности. Тѣмъ болѣе, что иностранецъ и не нуждался въ разговорахъ: онъ спалъ, не смотря на то, что солнце доканчивало уже десятую простоквашу! Въ домѣ было тихо, вдругъ подъ окнами раздался простоквашный хоръ. Я бросилась къ окну, чтобы спросить въ чемъ дѣло? Въ это время отъ шума проснулся иностранецъ и тоже задалъ мнѣ вопросъ: „Въ чемъ дѣло?" Я, узнавъ причину всеобщаго ликованія, не помня себя отъ радости и гордости, разсказала все Германьяку. Германьякъ такъ проникся нашею радостью, что я даже испугалась: морбоскопъ записалъ всѣ пертурбаціи, которыя пережилъ больной... Я согрѣшила, конечно, ослушавшись приказаній доктора. Но могла-ли я скрыть отъ больного радость, отъ которой разрывалось мое сердце! Могла ли я думать, что иностранецъ такъ близко къ сердцу приметъ радость нашей родной Рѣдиски! Да кромѣ того развѣ нашъ великій глупитель Здніцхсушчцныміжавейакъ не сказалъ: „Радость лучше горести"...

По мѣрѣ того какъ Эакъ слушалъ монологъ сестры его лицо все свѣтлѣло отъ улыбки восхищенія:

— Милая Сода прости мнѣ за мою грубость! Ты права! Ты не могла скрыть нашей радости отъ иностранца...

— Его зовутъ Германьякъ...

— Но кто меня тронулъ до слезъ, такъ это ты идіотъ-иностранецъ!.. Ты долженъ пожертвовать въ патріотическій музей эти записи морбоскопа. Въ назиданіе потомству мы воспроизведемъ ихъ золотомъ на мраморной доскѣ... Пусть учатся какъ надо любить Рѣдиску, какъ принимать къ сердцу все хорошее, что ея касается... Отнынѣ имя Германьякъ свяжется въ исторіи съ именемъ.., Сода, Сода, до какого великаго дня дожили мы!..

— Эакъ, какъ драгоцѣнность снялъ со стѣны листикъ съ кривыми цифрами морбоскопа и торжественно держа его надъ головой вышелъ изъ дома.

ДЕСЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Пять минутъ мы смотрѣли другъ на друга молча,—я и Сода.

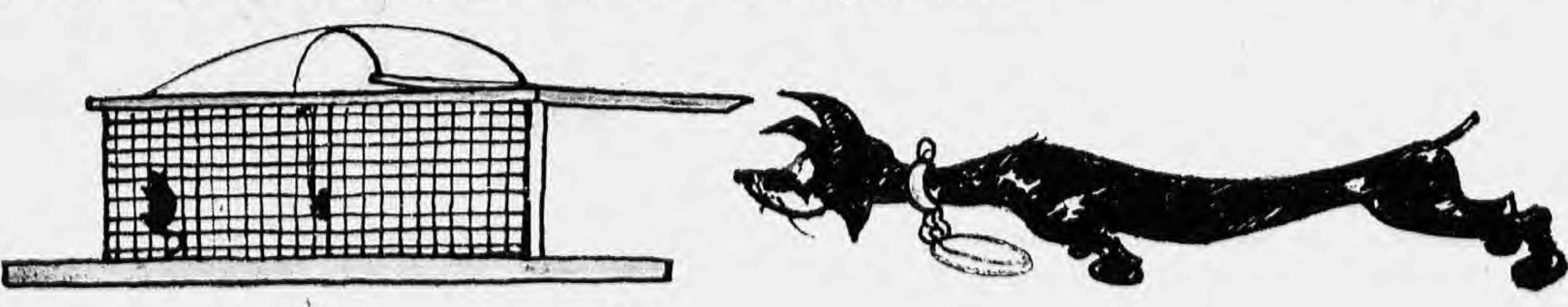
— Ты понимаешь, Германьякъ, какъ это вышло?—заговорила дѣвочка:—Морбоскопъ передалъ... очевидно мои переживанія...

— Почему твои?.. Мой Морбоскопъ... значитъ мои...

— Мои... я знаю навѣрное... Я не знаю, что сталось со мной когда я прикоснулась къ тебѣ губами... Моя температура... мое сердцебіеніе... мое электричество черезъ твое тѣло передалось морбоскопу и произвело на листкѣ такой переполохъ...

— Милая Содочка... а не думаешь ли ты, что мы оба... оба виноваты, что испортили морбоскопъ... Мнѣ кажется, что твой поцѣлуй и во мнѣ произвелъ повышеніе температуры.. и сердцебіеніе...

Дени.



Дени.



Цыганскій романсъ.

Сода радостно улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что и ты не равнодушенъ ко мнѣ... О это было бы такимъ го... такимъ сча... такимъ...

Она стояла вся пунцовая отъ залившей ея лицо краски смущенія...

Вдругъ она схватилась за голову:

— Мы погибли!.. Мы погибли!..

— Въ чемъ дѣло дѣтка?

— Мы погибли, милый мой Германьякъ!.. Морбоскопъ... ахъ, какой ужасъ!.. Морбоскопъ выдастъ насъ!..

Какимъ образомъ! Вѣдь ты такъ находчиво объяснила брату происхожденіе кривыхъ...

— А поцѣлуй!.. Развѣ ты не знаешь, что морбоскопъ записываетъ всѣ звуки!.. Онъ записалъ и нашъ поцѣлуй!.. Мы погибли!..

ОДИНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Наконецъ-то мнѣ позволено встать съ постели и даже выйти на улицу.

Содочка хлопала въ ладоши и прыгала отъ радости, пока докторъ и Эакъ отвязывали, отвинчивали, отстегивали и отклеивали меня отъ морбоскопа.

Я и не подозрѣвалъ, что у этой слѣпой машины такъ много всевозможныхъ щупальцевъ и прицѣпокъ.

— Хорошъ былъ бы я, если-бы случился пожаръ!

— Пожаръ! Да развѣ у насъ бываетъ пожаръ! Ха-ха-ха!.. Попробуй, Германьякъ, устрой у насъ пожаръ...

— Я не собираюсь устраивать пожаръ, нарочно, но нечаянно можетъ сдѣлать всякій...

— Ну я прошу тебя—Подожги здѣсь что нибудь...

— Ты смѣешся надъ мной Эакъ!

— Ничуть но кстати у насъ уже больше двадцати солнцелунъ не было пожарнаго!

— Онъ приходилъ, но я не позволила ему дѣлать поджогъ, потому что въ домѣ лежитъ больной...

— Ну подожги здѣсь что-нибудь... Мы хотимъ получить страховую премію! Вотъ спички!.. Ну зажги свою постель.

Я зажегъ спичку и бросилъ ее на простыню.

Пламя вспыхнуло и зашипѣло, борясь съ струйками воды, которая какъ изъ спринцовочекъ брызнули на него съ потолка и изъ стѣны.

Не успѣлъ обгорѣть край простыни, какъ уже все погасло

— Аппаратъ въ исправности. Ты видишь, что у насъ не мыслимъ пожаръ! Весь потолокъ и стѣны обвиты паутиной тонкихъ водопроводныхъ трубочекъ. Ты видишь эти шишечки, такъ часто усѣявшія всю поверхность. Это все отверстія этихъ трубочекъ запаянныя легкоплавкимъ металломъ... Въ томъ мѣстѣ комнаты, гдѣ поднимается ненормально высоко температура на стѣнѣ или на потолкѣ шишечки эти распаиваются и вода автоматически заливаетъ огонь такими какъ ты видѣлъ острыми, тонкими но сильными струйками ..

— Содержаніе и устройство такой водопроводной сѣти должно быть стоитъ адскихъ денегъ!

Оно обходится втрое дешевле того, что уносили у насъ пожары до этого... Одновременно съ начала дѣйствія этихъ трубъ надъ домомъ показывается красный флагъ и поднимается электрическая тревога,—звонки во всѣ страховыя заведенія Тыквы...

Дени.



Этуаль

Дени. «Продолженіе весны»



— Что-же у васъ дѣлаютъ страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германькъ! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣваютъ прикатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдиски...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ.. Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертишся... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ.

Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идіотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, прюцвѣтаютъ.

Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогораютъ.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушитъ пожаръ пожарная команда. А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разныя частные дома, чтобы поджигать.

Эти контрольныя, повѣрочные поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастіе по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой коньюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идіоты—слишкомъ идіоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

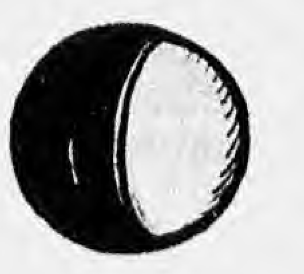
Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идіоты слишкомъ идіоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.

ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны. Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣніе говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангеломикихъ страховыхъ агентовъ.

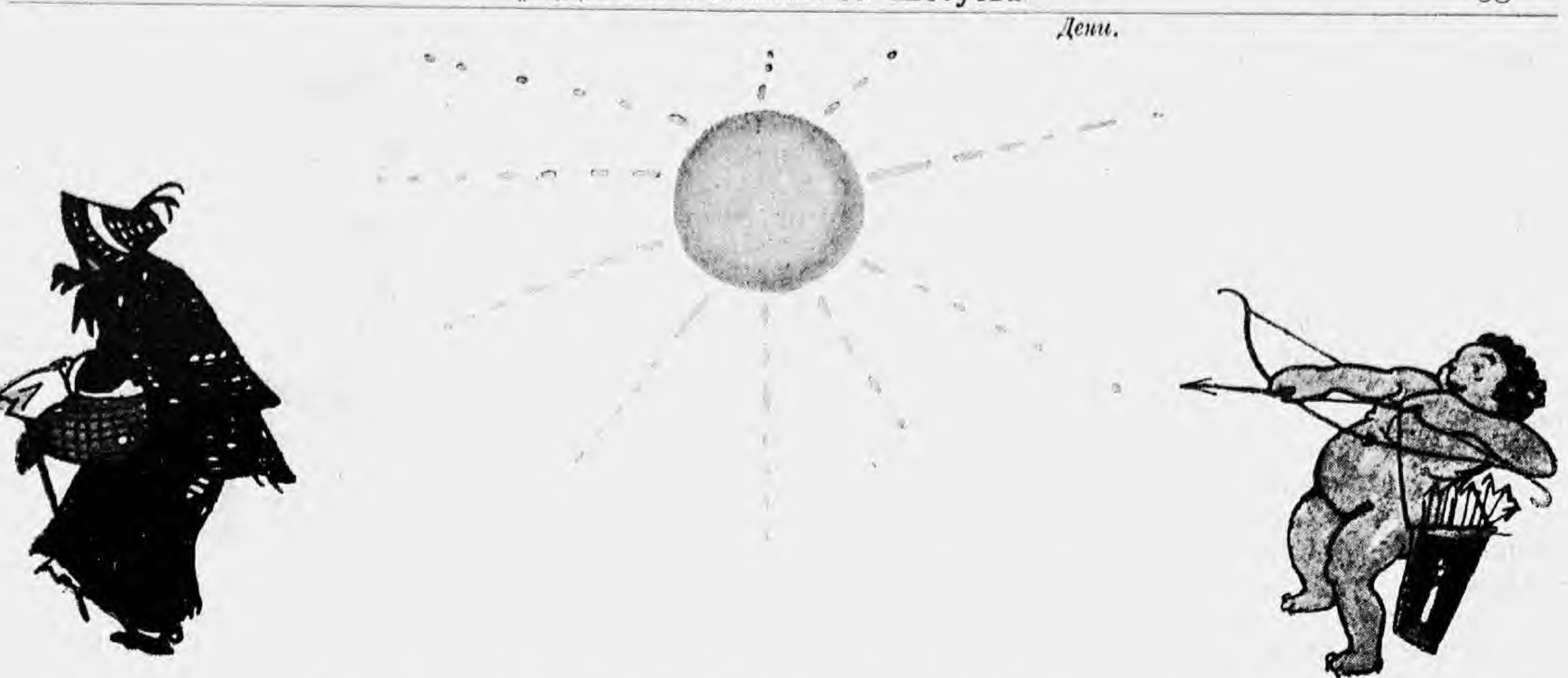






Дени.

Дени.



Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоувѣренные лгуны и обманьщики, которые хватаютъ все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, наканунѣ котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взумбржеяка не сходило съ устъ.

Интересовались тѣми приготовленіями, которыми должны удивить Идіотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полушопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегодняшней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германьякъ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловой... Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идіоту Германьяку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идіотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идіоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Еще-бы послѣ сегодняшней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца... Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

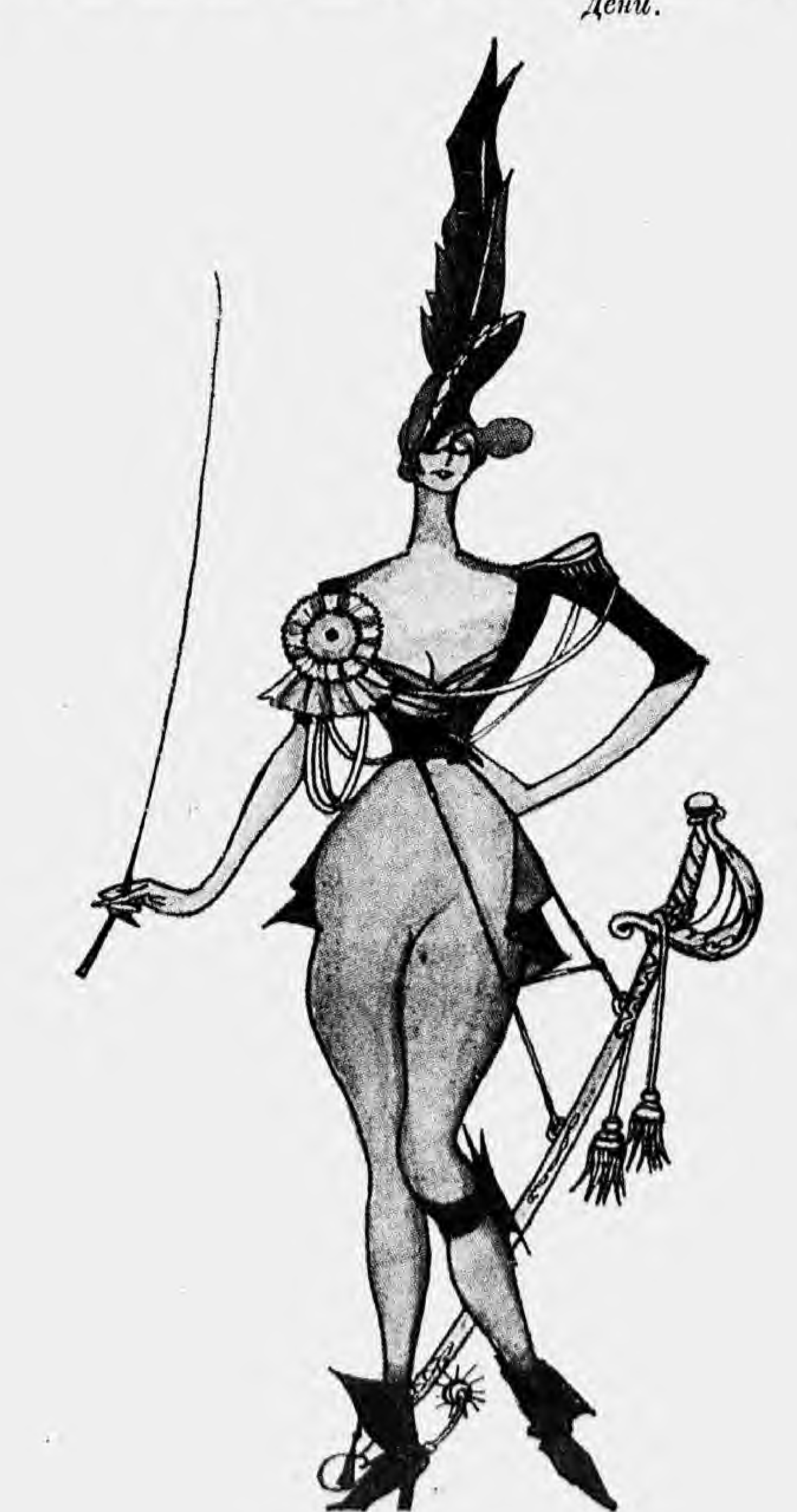
Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и тащившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермоньякъ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ хочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копіи восторженныхъ рекомендацій, выданныхъ мнѣ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ полумальчиками лучшихъ фамилій нашей столицы. Изъ нихъ будущій мой мужъ узнаетъ какъ сладки поцѣлуи и ласки мои и какъ я не умолима, когда отъ меня хотятъ получить большее чѣмъ поцѣлуи...

Замѣтивъ выразительные тревожные взгляды Соды, Камфора сдѣлала капризную гримаску и словно нехотя вскользъ уронила:

— Какая душечка эта Сода! Какъ жаль, что въ Редискѣ она никогда не сможетъ получить

Дени.



Дени. «Продолженіе весны»



— Что-же у васъ дѣлаютъ страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германькъ! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣваютъ прикатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдиски...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ.. Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертишся... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ.

Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идіотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, процвѣтаютъ.

Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогораютъ.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушитъ пожаръ пожарная команда.

А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разныя частные дома, чтобы поджигать.

Эти контрольныя, повѣрочные поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастіе по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой коньюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идіоты—слишкомъ идіоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идіоты слишкомъ идіоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.



ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.



Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны.

Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣніе говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангелоликихъ страховыхъ агентовъ.









Дени.

Дени.



Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоувѣренные лгуны и обманьщики, которые хватаютъ все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, наканунѣ котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взумбржеяка не сходило съ устъ.

Интересовались тѣми приготовленіями, которыми должны удивить Идіотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полушопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегодняшней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германьякъ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловой.. Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идіоту Германьяку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идіотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идіоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Еще-бы послѣ сегодняшней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца.. Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

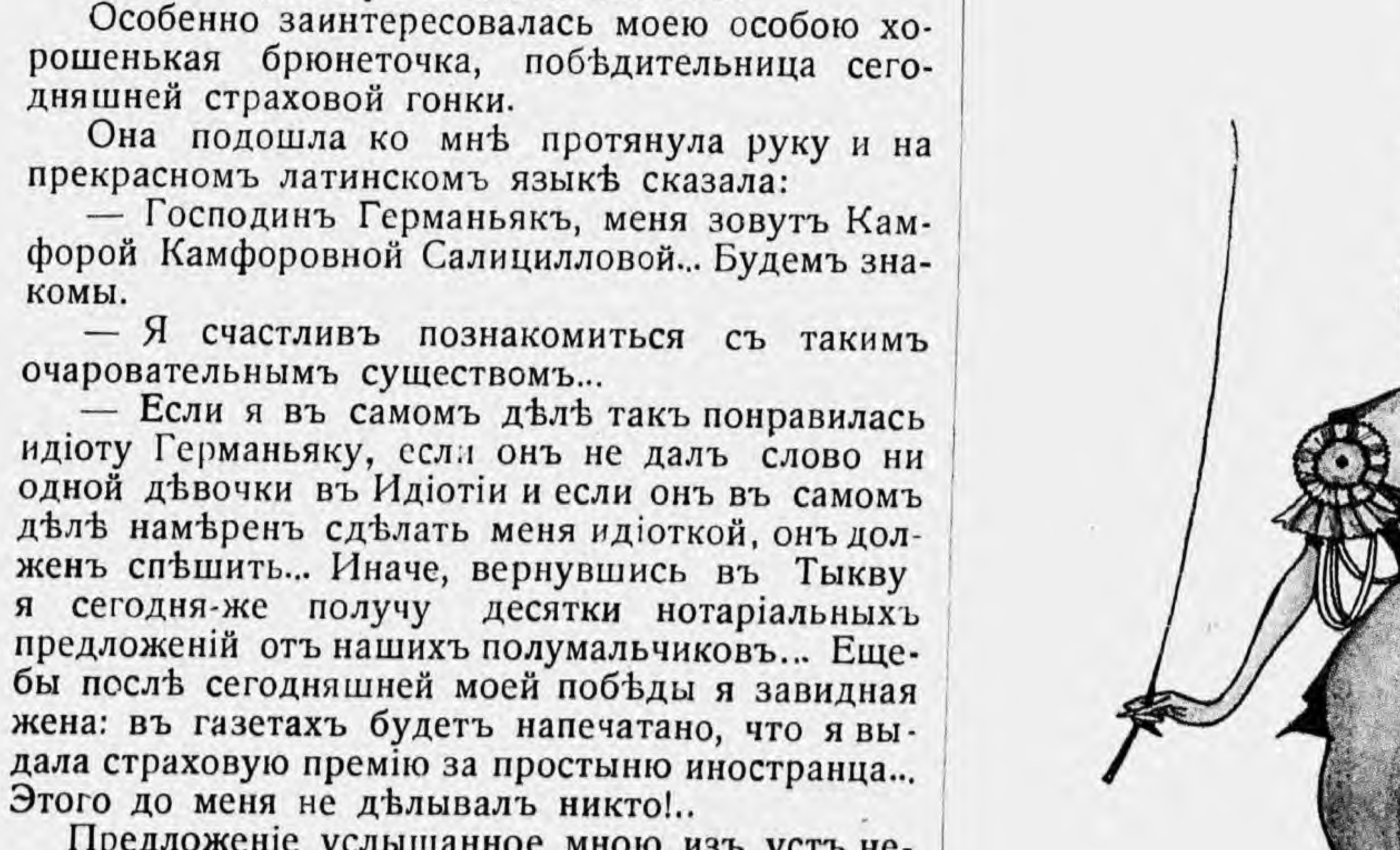
Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и тащившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермоньякъ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ хочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копіи восторженныхъ рекомендацій, выда
въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ полу
лучшихъ фамилій нашей столицы. И
дущій мой мужъ узнаетъ какъ слад
и ласки мои и какъ я не умолима
меня хотятъ получить большее чѣмъ

Замѣтивъ выразительные тревожн
Соды, Камфора сдѣлала капризную
словно нехотя вскользъ уронила:

— Какая душечка эта Сода! Как
въ Редискѣ она никогда не сможет

Дени.



Дени. «Продолженіе весны»



— Что-же у васъ дѣлаютъ страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германькъ! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣваютъ примчатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдиски...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ. . Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертишся... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ.

Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идіотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, процвѣтаютъ.

Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогораютъ.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушитъ пожаръ пожарная команда. А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разныя частные дома, чтобы поджигать.

Эти контрольныя, повѣрочные поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастіе по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой коньюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идіоты—слишкомъ идіоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идіоты слишкомъ идіоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.

ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны.

Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣніе говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

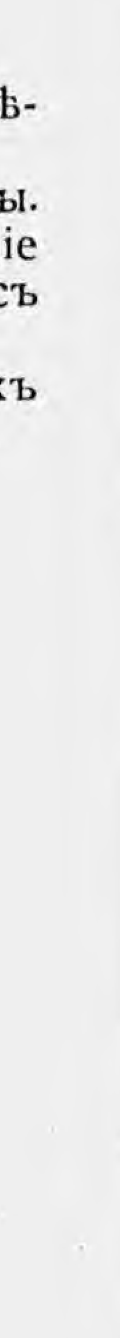
Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангеloликихъ страховыхъ агентовъ.



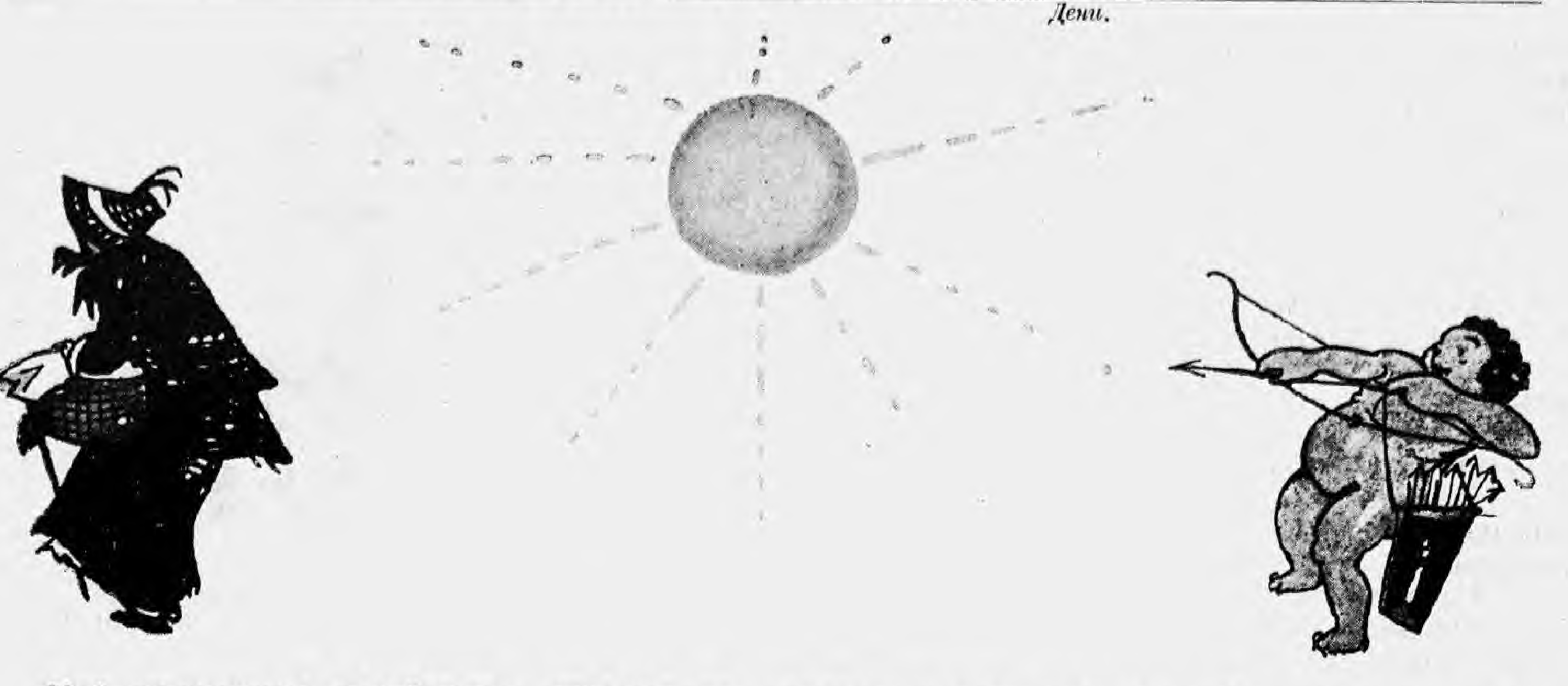
Дени.







Дени.



Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоувѣренные лгуны и обманьщики, которые хватаютъ все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, наканунѣ котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взумбржеяка не сходило съ устъ.

Интересовались тѣми приготовленіями, которыми должны удивить Идіотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полушопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегодняшней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германьякъ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловой... Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идіоту Германьяку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идіотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идіоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Ещебы послѣ сегодняшней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца... Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и тащившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермоньякъ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ хочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копіи восторженныхъ рекомендацій, выданныхъ мнѣ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ полумальчиками лучшихъ фамилій нашей столицы. Изъ нихъ будущій мой мужъ узнаетъ какъ сладки поцѣлуи и ласки мои и какъ я не умолима, когда отъ меня хотятъ получить большее чѣмъ поцѣлуи...

Замѣтивъ выразительные тревожные взгляды Соды, Камфора сдѣлала капризную гримаску и словно нехотя вскользь уронила:

— Какая душечка эта Сода! Какъ жаль, что въ Редискѣ она никогда не сможетъ получить

Дени.



сносныхъ референцій потому что... ну развѣ въ какой то Рѣдискѣ живутъ представители богатыхъ и знатныхъ идіотскихъ фамилій.

— Милая Камфора! У насъ въ Германіи совсѣмъ другіе взгляды на женщину и бракъ. До замужества дѣвушка должна быть дѣвственной...

— Да развѣ я не дѣвственна!.

— Она должна быть... совершенно невинной...

— А въ чемъ же виновна я?!.

— Она не должна знать, что такое поцѣлуи...

Камфора сдѣлала удивленные глаза и расхохоталась.

На ея смѣхъ подошла Сода:

— О чемъ вы тутъ такъ весело бесѣдуете?

— Да вотъ иностранецъ увѣряетъ что у нихъ дѣвочки до замужества не знаютъ что такое поцѣлуи...

— Неужели ты не шутишь идіотъ-иностранецъ.. Неужели дѣвочки твоей родины живутъ такою темною жизнью. Неужели ваши мальчики женятся безъ всякихъ рекомендацій... Какъ же вы устраиваете что дѣвочка не знаетъ что такое поцѣлуй?..

— Онѣ знаютъ...—поправился я:—Но дѣлаютъ видъ, что не знаютъ... Онѣ цѣлуются и до свадьбы, но... не разсказываютъ объ этомъ...

Насъ обступили хороводомъ голубыя страховыя дѣвочки:

— Ха-ха-ха!.. Такъ онѣ скрываютъ поцѣлуи... Такъ онѣ обманываютъ своихъ будущихъ мужей...

— Да... Онѣ не хвалятся своими рекомендаціями...

— Несчастныя! — хоромъ воскликнули дѣвочки:—Да вѣдь ложь мать всѣхъ пороковъ! Развѣ можно скрывать формуляръ отъ того кого дѣйствительно любишь...

— Такъ онѣ учатся поцѣлуямъ отъ мужа!.. А не мужъ учится поцѣлуямъ отъ жены...

Мнѣ становилось не по себѣ въ этой атмосферѣ насыщенной ангельскими взглядами и улыбками и человѣческими слишкомъ человѣческими словами.

— Вотъ бы къ вамъ въ Германію послать нашу Азоту... Азота дожила до одинадцати лѣтъ и все еще не знаетъ зачѣмъ ей даны губы!— засмѣялась Камфора.

Но Сода ее срѣзала:

— Какъ тебѣ не стыдно смѣяться надъ бѣдной Азотой: Развѣ она виновата, что мальчики ее обходятъ..

— Да, виновата! Что значитъ мальчики ее обходятъ! Не мальчики насъ обходятъ, а мы обходимъ мальчиковъ...

— Азота говоритъ, что среди нынѣшней молодежи ей не нравится никто...

— Въ ея умѣ никто не сомнѣвается...

— Да, изъ нея никогда не выйдетъ идіотки ..

Дѣвочки начали съ увлеченіемъ перемывать косточки Азоты, совсѣмъ забывъ обо мнѣ.

Воспользовавшись этимъ Сода сдѣлала мнѣ знакъ глазами, чтобы я вышелъ за ней въ другую комнату.

Сода схватила меня за рукавъ и властнымъ тономъ прошептала:

— Не смѣй разговаривать съ Камфорой. Ей хочется залучить тебя въ ея формуляръ... Да и вообще каждой изъ этихъ дѣвочекъ лестно поцѣловаться съ тобой и попросить, что бы ты написалъ свою рекомендацію въ ихъ vademecum. Клянись, что во всей Идіотіи только въ моемъ формулярѣ будетъ красоваться имя Германьяка!.. Только мои поцѣлуи вызовутъ твои восторженныя письменныя рекомендаціи... Конечно, если они тебѣ понравятся...

И Сода кокетливо покраснѣвъ, опустила глазки.

— А теперь—бѣги отсюда, какъ бѣжалъ Эакъ... Долго въ обществѣ дѣвочекъ оставаться опасно...

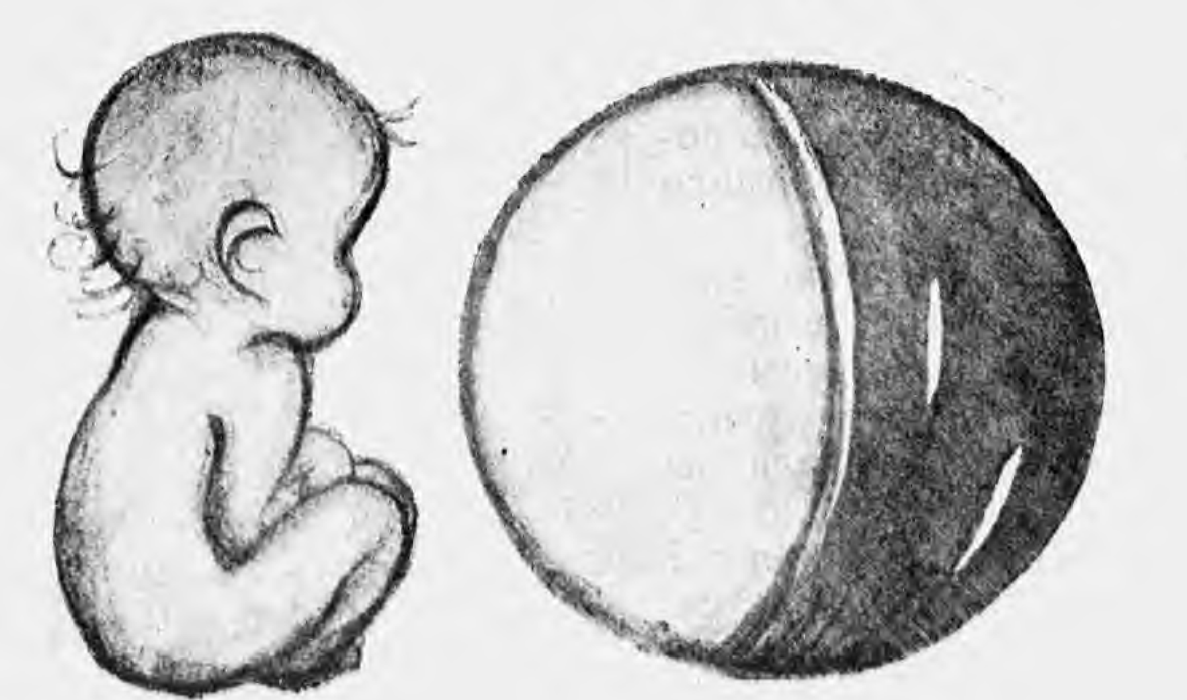
Я замѣтилъ, что Эакъ и докторъ дѣйствительно незамѣтно поспѣшно скрылись подъ натискомъ щебетливой синей саранчи.

— Милая Содочка, я ничего и никого не боюсь... У насъ на родинѣ на такихъ маленькихъ дѣвочекъ какъ вы, всѣ смотрятъ какъ на дѣтокъ, которымъ надо играть въ куклы... О любви онѣ не знаютъ... Поцѣлуевъ, кромѣ родительскихъ не получали... И если бы кто-нибудь изъ взрослыхъ мужчинъ вздумалъ поцѣловать съ нечистымъ намѣреніемъ такую дѣвочку, его судили бы какъ преступника!..

Глаза Соды широко раскрылись:

— За что же судить!.. Если ты видишь прекрасивый цвѣтокъ, тебѣ хочется его понюхать!.. Если ты видишь хорошенькую дѣвочку тебѣ хочется ее поцѣловать!.. Такъ вѣдь *„желанія намъ посылаютъ боги!.. Какъ же противиться имъ и зачѣмъ противиться и не въ томъ ли*

Дени





Есть одно лишь средство.

От перхоти, выпаденія и для рощенія волосъ.

„ШИЛЛЕРИНЪ“ (ТРАВЫ)

У меня, психо-френолога *Х. М. Шиллера-Школьника* (автора научн. книгъ) отъ переутомленія, вслѣдствіи усиленныхъ занятій трудными оккультными науками, стали страшно выпадать волосы и появилась обильная перхоть. Я испробовалъ всѣ почти существующія средства, но ничто не помогало мнѣ. Я безнадежно примирился съ мыслью быть лысымъ, но однажды, разбирая старинную, рѣдкую медицинскую книгу, я нашелъ въ ней средство для рощенія волосъ, состоящее изъ различныхъ травъ. Я составилъ его и сталъ имъ пользоваться.

Оно меня осчастливило! У меня прекратилась перхоть!

У меня выросли чудные волосы!

Мои волосы вызываютъ удивленіе у всѣхъ!

Мое средство было испытано многими и многимъ дало чудный ростъ волосъ, за что я получилъ ***множество благодарностей и отзывовъ.*** Я съ удовольствіемъ рекомендую мое средство всѣмъ нуждающимся въ немъ, въ надеждѣ, что за него получу благодарность. Мое средство подъ названіемъ ***„Шиллеринъ“*** разрѣшено **Врачебн. Управой за № 6026**, ***„Шиллеринъ“*** является единственнымъ радикальнымъ средствомъ отъ головной перхоти, выпаденія волосъ и для ихъ рощенія. ***„Шиллеринъ“*** примѣняется съ большимъ успѣхомъ также для рощенія бороды и усовъ.— Я получаю за него отовсюду множество благодарностей.

Здѣсь за недостаткомъ мѣста приводятся лишь нѣкоторые отзывы и благодарности, полученные мною за послѣднее время. Если Вы для провѣрки напишете кому либо изъ нижеуказанныхъ лицъ, то приложите конвертъ со своимъ адресомъ и наклеенной маркой.

ЧИТАЙТЕ

Священникъ **Викторъ Качуровскій**, Почт. ст. **Березно**, Волынск. губ. пишетъ:

Милостивый Государь, г. Шиллеръ-Школьникъ! Результаты отъ употребленія сей травы получаются поразительные. Волосы перестали падать, и появилась растительность на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. Жаль что я такъ поздно узналъ о семъ средствѣ.

Любовь Васильевна Соловьева. С.-Петербургъ Лицейская № 6. Благодарю г. Шиллера-Школьника за пробный «Шиллеринъ», который примѣнила по указанію. Выпаденіе волосъ совершенно прекратилось.

Казиміръ Вильскій, Варшава. Хмѣльная 130, кв. 40, пишетъ: Приношу Вамъ свою искреннюю благодарность за Ваше дивное средство «Шиллеринъ», благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и выросли густые волосы. Буду рекомендовать всѣмъ нуждающимся въ этомъ средствѣ.

Поручикъ Лелецкій, Винница (Подольск. губ.). Пѣхотный Крымскій полкъ. Я получилъ пробный пакетъ „Шиллерина». Онъ оказывается лучше другихъ, испытанныхъ мною средствъ. Прошу немедленно выслать большую коробку «Шиллерина».

К. М. Левандовскій, надсмотрщ. телеграфа. **Новоукраинка** (Херсонской губ.). Очень благодаренъ Вамъ за траву «Шиллеринъ». Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали падать волосы, и перхоть совершенно прекратилась.

Софія Васильевна Грицанъ, Кишиневъ, ул. Шмидта 130. Прошу немедленно выслать пакетъ травъ «Шиллеринъ». Ваши травы оказали большую пользу моимъ волосамъ. Перхоть исчезла, а главное, волосы мои укрѣпились и совершенно перестали падать.

Начальникъ станціи І. А, Якубовичъ, Калуга ст. М.-К.-В. ж. д. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ большую кор. травъ «Шиллеринъ». Полученной отъ васъ пробой остался очень доволенъ. «Шиллеринъ» оказываетъ хорошее дѣйствіе, за что очень Вамъ благодаренъ.

Марія Бухвальдеръ, жена преподавателя Реальнаго Училища, **Полтава**, Прохоровская № 2. Въ прошломъ году получилъ отъ Васъ средство «Шиллеринъ». Отъ употребленія прекратилось выпаденіе; волосы стали чудно рости. посѣдѣвшіе волосы приняли природный цвѣтъ. Въ настоящее время прошу выслать для моей кузины одну коробку травъ «Шиллеринъ».

Екатерина Максимовна Дородныхъ, Серпуховъ, Моск. губ. Пробный пакетъ травъ я получила. Восхищаюсь этимъ средствомъ. Послѣ пяти разъ втиранія результатъ получился удивительный, перхоть исчезла, волосы—мягкія и блестящія. Сердечно приношу благодарность и прошу выслать большую коробку травъ за три рубля.

Священникъ **Л. С. Ломакинъ**, гор. **Иленъ**. (Уральск Обл.). За присланный пакетъ травъ приношу Вамъ искреннюю благодарность. Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали выпадать волосы и замѣтно показались новые волосы, а старые также стали замѣтно рости.

М. Ф. Бѣляевъ, Черниговъ, Гончая ул., соб. д. № 62-й. Пробная доза «Шиллеринъ» вполнѣ оправдала ожиданія: мои волосы безусловно укрѣпились, и я съ удовольствіемъ выписываю большую коробку.

Платонъ Егоровъ, Оханскъ, Пермск. губ. Благодарю Х. М. Шиллера-Школьника за пробный пакетъ травъ «Шиллеринъ», который быстро оказалъ свое превосходное дѣйствіе. У меня прекратилось выпаденіе и волосы стали чудно рости. Прошу выслать еще три пакета.

Кириллъ Фурманъ, Алупка, Тавр. г. Примите сердечно благодарность за Ваше дивное средство «Шиллеринъ», благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и появилась растительность. Буду рекомендовать всѣмъ нуждающимся въ этомъ средствѣ. Пришлите еще два пакета Вашихъ травъ.

М. О. Хандоянъ, Нахичевань. За присланную траву «Шиллеринъ» очень благодаренъ; средство превосходно дѣйствуетъ для рощенія волосъ и усовъ.

М-ме Варвара Фисунъ, Хороль. Не выберу словъ выразить Вамъ свою благодарность за Ваше средство «Шиллеринъ». У меня прекратились головныя боли и превосходно растутъ волосы.

Е. В. Минаевъ, Одесса, Троицкая 39, кв. 12. Увѣдомляю Васъ г-нъ Шиллеръ, что первая проба «Шиллеринъ» дала блестящіе результаты. Прошу выслать большую коробку.

М-ме Шишова, С.-Петербургъ. Благодарю Васъ за пробный пакетъ Вашего средства «Шиллеринъ». Оно хорошо повліяло на мои волосы: перхоть прекратилась и волосы перестали выпадать.

Мое средство **«Шиллеринъ»** тщательно изслѣдовано и строго провѣрено. Оно дѣйствуетъ благотворно, вполнѣ оправдывая свое назначеніе. Прекращаетъ перхоть, оздоравливаетъ кожу, укрѣпляетъ корни и даетъ здоровую и богатую растительность.

«Шиллеринъ» съ успѣхомъ примѣняется **также** для рощенія бороды и усовъ.

Пакетъ травъ **«Шиллеринъ»** съ подробнымъ описаніемъ и наставленіемъ какъ имъ пользоваться и брошурой съ отзывами и благодарностями продается на мѣстѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ **за 28 коп.** высылается иногороднимъ **за 35 коп.** наложеннымъ платежемъ на 16 коп. дороже. Марки просимъ присылать только въ заказныхъ письмахъ.

Нашъ адресъ: **Варшава, Психо-Френологу Х. М. Шиллеръ-Школьнику, Пенкная 25—43.**

Требуйте „ШИЛЛЕРИНЪ“ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

„Владимірская“ Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42.

